THE WEEKLY MAGAZINE
АВГУСТ № 33 1991
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 33 (3343)

10—17 августа

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Марка ШТЕЙНБОКА. (См. в номере материал «Дом, в котором мы не живем».)

Оформление А. А. КОВАЛЕВА-мл. при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.

Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 22.07.91. Подписано к печати 06.08.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 713. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Это слово здесь и появилось — в нынешнем райцентре Рассказово, основанном одним из архаровцев, водившихся на Руси и в доархаровские времена. Сохранилось в изустной летописи города предание, что после окончательного закрепощения крестьянства некий смерд Степан по прозвищу Рассказ, бежав от кабалы, осел тут, на слиянии двух речушек, сочтя край благим, безопасным и сытным. А вскоре вокруг него начали рубить избы такие же самоосвободившиеся от тягла землепашцы и промысловики.

Богатело селение на вольных хлебах, пока и до него не дотянулась державная длань — пожаловала матушка Екатерина здешние урочища и поля вместе с людишками братьям Архаровым. Да воспротивился народец холопству, начал озоровать, за что и стали государевы ослушники именоваться архаровцами.

А потомки Рассказа, пережив и второе крепостное право коллективизации, сохранили способность и мыслить, и поступать по-своему, по-архаровски. Да все они перемогут, и таланты, как озимь, поднимутся, было бы вёдро свободы. Но что-то небеса еще не прояснились.

**Владимир ПАРИЙСКИЙ,
специальный
корреспондент «Огонька»**

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

АРХАРОВЦЫ

I. НА РЫНКЕ ВЛАСТИ

«Документы, документы!» — услышал я повторное обращение вполголоса и достал, как множество раз за командировку, удостоверение, но впервые задрожавшей рукой. Четверо мужчин, несмотря на июньский зной, в пиджаках, окружили меня и вывели из рейсового автобуса. Группу захвата возглавлял начальник Рассказовского ОБХСС, он и забрал «корочки», не показав своих, а один из оперативников подхватил мой «дипломат».

— Вы заходили недавно в магазин на углу?

— Вчера. А сейчас из горкома партии.

— И куда путь держите?

— В частное предприятие Шубочкина.

— Это мы знаем, но зачем отпираться от магазина?

— Так позвоните первому секретарю Перепечину.

— Да пошел бы он, партократ поганый...

— Но в чем, собственно, дело?

— Вы себя выдаете не за того человека. Пройдемте!

На солнцепеке пот лил с меня ручьями, а изнутри зазнобило, словно включилась холодильная камера. «Неужели Перепечин пошел на это,— растерянно думал я, пока мы, сдерживая шаги по расплавленному асфальту, двигались к отделению милиции.— А почему бы и нет, ведь такое случалось не раз...»

Мы вели с Николаем Михайловичем, председателем райсовета и одновременно первым секретарем горкома компартии РСФСР, доверительный и задушевный разговор о ходе земельной реформы, об опасностях приватизации, о мизерном муниципальном бюджете, о новой роли большевиков в обществе. Огромные голубые глаза собеседника полыхали, когда он загорался воодушевлением или возмущением. Но Николай Михайлович сразу потух и во взоре появились сине-стальные оттенки, едва я спросил, как он, ведя накануне, вслед за обкомом, яростную предвыборную кампанию в поддержку Н. И. Рыжкова, чувствует себя теперь, когда народ предпочел другого.

— Все астрологи предсказывают скорое падение этой звезды. Люди заблудились, но быстро во всем разберутся... А пока, что ж, законно избранный Президент — он и мой Президент, однако поддерживать я его буду лишь до того момента, где политика не станет противоречить интересам большинства населения.

— Вы рассчитывали в случае победы бывшего премьера вернуть себе власть?

— Партия не предполагала, передавая Советам бразды правления, что их захватят антикоммунисты, не скрывающие стремления реставрировать капи-

тализм в стране. С этим — будем бороться!

Через полчаса Николай Михайлович спустился из горкома в райисполком и отобрал у меня, перед тем разрешив полистать, том протоколов отчетной сессии.

— Все-таки я вам не доверяю. Мало ли что вы тут можете понадергать...

Глаза его опять засверкали.

Надо же, как встревожился! А ведь ни один из рассказовцев, с кем встречался, не обмолвился о Перепечине дурным словом, даже в неформальных беседах звучало: «много делает для города и района», «в помощи не отказывает», «ищет нестандартные решения». Самое критическое, что услышал от нетерпеливых местных бизнесменов: «Не мешает, и то хорошо».

...Так что же, меня теперь хотят опорочить? Или отпустят, помотав, но заберут под любым предлогом все записи — чемодан-то у них?

II. МИЛ ГОРБАЧЕВ, ДА ПОЛОЗКОВ НЕ ПУСКАЕТ

В отделении.

Вопрос дознавателя: *Цель вашего приезда?*

Ответ: *Репортаж из города на тему, верно ли утверждение центра, что в «низах» реформа буксует.*

Вопрос: *В горторге и тресте столовых бывали?*

Ответ: *Да, заходил.*

Вопрос: *Что просил? Почему угрожал?*

Ну вот, началось, отмывайся...

Был я не только в тресте и торге, а в других городских организациях по бытовому обслуживанию, потому что на их вывесках появились новые слова: «Арендное объединение». Но слова эти так и остались в кавычках, поскольку ни в одном магазине, столовой или мастерской (все они нерентабельны) нет даже полного хозрасчета, какая уж там самостоятельность. Это просто обходной маневр, чтобы, как дело ни повернись, оставить все точки под своим началом. Не торопятся тут выполнять постановление ВС РСФСР, в котором говорится об определении убыточных объектов, подлежащих скорой аукционной продаже. Может быть, это и есть тот «момент», о котором говорил Перепечин, где начинается сопротивление новой политике. Вывески — да, поменяли, а приватизировать...

Кстати, чтоб не «приватизировали» мой чемодан, украдкой пододвигаю его к себе ногами.

Вопрос дознавателя: *И каковы же ваши впечатления о городе?*

Ответ: *Самые пзт... (Поперхнулся.)*

Вопрос: *Что-что? Самые плохие?*

Да нет же, самые положительные! И прежде всего — от людей. Каждый третий по-российски конопат и курнос, каждый второй — в чем-то предприниматель, а все вместе, хоть и архаровцы, очень симпатичны.

И вот еще что — я последовательно прошел все четыре этажа рассказовского «дома власти» и ни в одном кабинете не увидел глуповско-градовской рожи чинуши, сквозняк перестройки их вымел отсюда. Зато изрядно «намел» посетителей — проблем у населения стало больше. Неудовлетворенные — есть, но «несущих» на исполкомовцев не встречал.

А вот кто мучается, так это дисциплинированные члены РКП. Как призналась усталым полушепотом зампред горсовета: «Мил Горбачев, да Полозков не пускает — хоть из партии выходи...»

III. К ВЛАСТИ РЫНКА

Вопрос второго дознавателя: *Что вы делали в кооперативах? Не отпираться! Признавайтесь лучше сами и во всем.*

Ответ: *Проверял, какие отношения у местных властей и предпринимателей.*

Утром 13 июня четко обозначилась линия политического разделения тамбовчан, оказавшихся как бы по разные стороны баррикад,— из уст в уста передавали: «Ельцин по области не прошел». Граждане впали в уныние, выползшие из окопов ликовали.

«Если Рыжков победит — нас додушат»,— с холодной горечью констатировал уже хлебнувший тюремной баланды знакомый кооператор.

Из блокнота

1. «ФАКЕЛЬНОЕ» ШЕСТВИЕ

Ремонтно-строительный кооператив «Факел» — самый крупный и самый известный в области. За два с половиной года существования его подразделения сдали 120 объектов и из прибыли, не беря ни копейки кредитов, создали производственную базу, оцениваемую ныне в полтора миллиона рублей.

49-летний основатель и председатель правления кооператива Анатолий Иванович Сметанин — реалистический фантазер. Его предложения неожиданны, но всегда плодоносящи. Стали продавать пионерлагеря — давайте возьмем и отгрохаем суперкемпинг. Все отказывались от реставрации здания с фигурной кладкой под XVII век, а наши умельцы смогли, и домик-игрушка стоит. Рассказовской фабрике склад на гектар? Почему бы и нет. Первые «высотки» в Тамбове? И это его идея...

Он начал с подсобного, дошел до главного инженера ПМК и уже в перестроечное время за излишнюю инициативу получил шесть лет заключения, но полуторагодовая борьба за пересмотр дела, в которой посильное участие принимал и «Огонек», завершилась победой: Сметанин был полностью реабилитирован. От денежной компенсации он не отказался, вложив все средства в начальный капитал «Факела», а вот в партии восстанавливаться не стал. Впрочем, для Перепечина это и не важно, лишь бы продолжал строить так же быстро и хорошо.

2. КТО ТУТ САМЫЙ ПРЕДПРИИМЧИВЫЙ?

Спрашивал об этом и здешних бизнесменов, и представителей власти, и каждый называл директора кооперативного завода Федора Леонтьевича Конарева — он больше всех рискует, больше всех выигрывает и больше всех дает городу и району. Но когда я приехал на завод, труба не дымила, механизмы играли в «замри», а директор сидел в кабинете, обхватив цыганистую голову руками. Черное для него выдалось утро — сегодня впервые остановлено производство, нет сырья. И какого? Смешно ведь сказать — макулатуры. А здесь из нее выпускают мягкую кровлю, удовлетворяя потребности и района, и области. И нужно-то всего на рабочую смену три тонны (один грузовик), а вот поди ж ты, в облисполкоме не рекомендовали базам вторсырья продлевать договора с кооператорами — и баста!

— А сколько сюда вложено сил и средств... Два года назад руины корпусов продавали за 130 тысяч рублей,— горячится Федор Леонтьевич,— я посмотрел, покумекал — можно воскресить. Пошел к одному, к другому — не верят. Посоветовали обратиться к Сметанину. Тот удивился: а тебе оно на что? Эх, говорю, Анатолий, жизнь пролетела впустую, хочу воли и дела — в мои 54 года это последний шанс хоть какую-то пользу принести. Он собрал правление «Факела», я изложил, что к чему, и решили — берем! Кооператив расплатился с продавцом, вложил в развитие завода еще полмиллиона рублей, кроме кровли, наладили выпуск керамзитобетонных блоков для сельского строительства, впервые начали выпускать для города тротуарную плитку... И все — с молотка?!

Ходит Федор Леонтьевич по кабинету, руки за спиной, головой кудлатой набычась, размышляет. Вот так же, наверное, и 20 лет назад, будучи начальником ОТК, вышагивал, решая, подписать акт о выпуске брака или выложить партбилет. Тогда он сказал, что личная совесть превыше, не поддался нажиму. А сейчас?

Он остановил свой бег у телефона, набрал номер директора местной птицефабрики и предложил, перепрофилировав линию, через три месяца завалить его дефицитной яйцетарой, если тот «пробьет» вопрос с макулатурой. Человек на другом конце провода задумался...

Вот такие тут местные капиталисты и заводчики, про наживу которых стращает нищего обывателя.

IV. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ СОЦИАЛИЗМА И ХАРИБДОЙ КАПИТАЛИЗМА

Вопрос третьего дознавателя: *Вы разъезжаете на такси, но мы все маршруты отследили. Перестаньте валять дурака — от ваших похождений здесь шухер, к нам люди приходят в слезах... Где вы живете?*

Ответ: *В «Тамбове».*

Вопрос: *Да? А почему же прописка московская?*

Голос за спиной: *Ребята, кончайте, у него все в порядке...*

(Мысль про себя: *«Все в порядке» — это надежда. Надо не сорваться. Расслабься».)*

Такси я ловил, чтоб не одалживаться ни у кого машиной, а посмотреть надо было по району, как идет земельная реформа, поскольку к ней тут отношение очень противоречивое, подчас полярное.

Голос с диктофона

1. ...ЗЕМЛЮ В ГРЕНАДЕ КРЕСТЬЯНАМ ОТДАТЬ?

Николай Андреевич Сергеев, председатель райисполкома:

— Что? Пресса? Журнал? Фермеров небось прославлять прикатили? Акционеров-концессионеров? Нету здесь таких, понимаешь, и не будет. Пока и народ к тому не готов, и государство не готово. А на вопросы отвечать не стану. Наотвечался уже. И корреспондентам разным, и в облисполкоме, и самому Воротникову Виталию Иванычу, когда он сюда приезжал, в глаза заявил: не ту, понимаешь, политику ведете — люди бегут из села, а вы деньги куда вбухиваете? И что, какой-нибудь, ну хоть махонький результат есть? Одно сотрясение воздухов. Ни слова больше не скажу вашей прессе (хлопнул кипой газет и журналов о стол, так что пыль поднялась), хватит бумагу марать!

Я всю жизнь председателем колхоза проработал и сейчас с трех утра на ногах, по хозяйствам мотаюсь, но не вижу, чтоб что-то улучшалось. Только хуже и хуже, а с перестройкой и того пуще — куда все пропало, что было?! А я знаю — куда. Глянь в окно: вон — квартал югославы построили, вон — немцы возводят. На какие шиши? И для города сооружают, чтоб жил в тех коробках беглый крестьянин. Кто ж землю останется обиходить? Да заморозь все строительство на два года, отдай материалы и деньги селу — ведь у меня в районе ни одного перерабатывающего предприятия нет, гниет урожай.

А сейчас? Что ж это делается, черт побери (выскочил из-за стола, подвернулся под руку стул — ахнул стулом), я криком кричу: травы перестаивают, горят на корню, а у меня ни литра горючки, не могу убирать. Что, с косами выходить?! Или на фермера надеяться, как Силаев по телевизору говорит? Не боюсь никого и готов где угодно все повторить, потому что душа изболелась — жрать-то город откуда возьмет при таком бардаке. Вон Стародубцев вчера на Крестьянском съезде бился, как витязь, кто-нибудь его слышит?!

Все, погибло село. Изнемог. Ухожу на покой...

(Николай Андреевич выкрикался, как-то обмяк, вяло сел за свой стол, свесив голову,— и рассыпался, распался над его прокаленным крестьянским челом наркомовский энергичный зачес.)

2. КУДА ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Михаил Васильевич Чепурнов, председатель комитета по земельной реформе (бывший агроном с кряжистой фигурой пахаря и бородой мирового посредника по раскрепощению крестьян Льва Толстого):

— Помню, мне рассказывали, какие богатые тут бывали ярмарки, как раз на июньские дни приходились, а теперь по талонам и соль. Но ярмарки можно возродить хоть завтра, будь действительно отменена система государственно-колхозной барщины. От подневольного труда и результаты постыдные на черноземе — 24 центнера зерновых с гектара и 2,5 тонны молока от фуражной коровы. Так ведь и от этой продукции чуть не четыре пятых уходят из района — что же на ярмарку вывозить?

Да и реформа не скоро плоды принесет, жми не жми. Об акционировании колхозники и слышать не хотят — просто не понимают еще, что это такое, а пропаганды в области никакой, но на крестьянские хозяйства все заявки удовлетворены, на прошлой неделе землю получил последний, шестой счетом, фермер. А большинство выжидает, осторожничает. Ну да время покажет, поверят — засучат рукава...

А пока население успокоилось — по весне всполошились, тысячи заявлений подали на дачные участки и огороды, и, как только райсовет принял решение, обязывающее председателей не препятствовать, все до одного получили и засеялись.

Что говорить, конечно, это возврат к усеченному нэпу, но возвращаться надо не к новой, уже забытой, а к нормальной мировой экономике. Не вернемся — вконец пропадем.

V. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Смысл ***вопроса четвертого дознавателя*** *из хриплого потока бранных слов сводился к тому, как я, такой-рассякой, веду себя тут нехорошо, твою мать!*

Ответ: *Разговаривать в таком тоне не буду. Видимо, вы ошиблись и...*

Голос за спиной: *Все подошли? На него показали? Никто?! Н-да-с... придется тогда отпускать.*

Первый дознаватель, *не вставая с места, с сожалением провозит рукой стопочку документов к моей стороне стола: «Заберите. Свободны».*

Я вышел, пытаясь сохранить достоинство. СВОБОДЕН... Впервые за полувековую жизнь услышано мной это слово. Но где?

И надо ж такому случиться в последний день вольной командировки!

А может, мы всего лишь временно освобожденные — до поры? Разве не грохочут по улицам танки? Не бесчинствуют омоновцы? Не запугивает парламентариев шеф КГБ? Это истерика исторически обанкротившихся правителей, алчущих вернуть себе верховную власть. Но, вернув, удержаться они смогут, только опять превратив государство в огромный концлагерь.

Если мы так и живем на могильниках НКВД, а любого человека и поныне не только могут задержать по ошибке (что досадно, однако понятно), но и хамски допрашивать как уличенного преступника, а потом, убедившись в «проколе», чуть не вытолкать в шею,— это гулаговский неизжитый синдром. Что, в милиции не могли меня вежливо попросить обождать и сперва провести «опознание», а потом извиниться за моральный ущерб? Представляю себе, что приходится пережить местным бедолагам, коль не церемонятся и со столичным корреспондентом. Власть — она вот где, а не в каких-то исполкомах. Ее и Павлову не хватает...

Возвращаясь к прерванному маршруту, я не стал заходить в подошедший автобус — на задней площадке стоял милицейский наряд,— поехал на следующем.

Из блокнота

ЧАСТНОЕ ОТКРЫТИЕ

Выпало мне в городе побывать на приостановке производства, но успел, хоть с опозданием, и на открытие собственного предприятия — «Снедь Н. П. Шубочкина».

11 месяцев назад, перед своим 40-летием, Николай Петрович долго, по его рассказу, не мог уснуть, и середь ночи, как озарило, пришла идейка, к утру обросшая точными цифровыми выкладками. Родня к предложению отнеслась без особого поначалу подъема — кое-кто и сам пробовал заниматься честным бизнесом и помнит, чего это стоило и чем кончилось,— но собрала 6 тысяч подъемных рублей из 80 необходимых на строительство и обустройство цеха по производству колбас, сарделек, знаменитого тамбовского окорока и буженины. Недостающие 75 тысяч Шубочкину ссудил Жилсоцбанк под залог будущего предприятия — так Николай Петрович стал обладателем двух персональных чековых книжек для оплаты закупок и расчетов с поставщиками.

Цех возвели на усадьбе, сократив на три сотки картофельные гряды, навезли списанного оборудования, и сейчас, после реставрации, оно не только выглядит, а и работает как новенькое. В начале технологической цепочки довольно урчит огромная мясорубка.

— Знаете, за сколько купил? Ни за что не догадаетесь. За девятнадцать рублей, как лом! — До сих пор это приводит хозяина в восторг.

Он вообще восторженный и во все влюбленный человек — на это намекает каждая пустяковая мелочь в цеху. Боже избави, чтобы что-то сделать на скорую руку или по принципу «и так сойдет», нет — все должно быть продуманным и совершенным. И даже если это простая палка для подвешивания цепочки сарделек за веревочку, она идеально кругла и отшлифована.

Но вот первый контейнер колбас нашпигован и отправляется в коптильню. Тьфу, тьфу, тьфу — удалось!

Потомственный тамбовец и коренной рассказовец, Николай Петрович отклонил все предложения со стороны по закупке его снеди: реализовывать ее он будет только через магазины своего города и по ценам обязательно ниже коопторговских.

В перспективе намерен держать собственное стадо, иметь бойню, торговый ряд и вообще расширяться. Пока же суточный выпуск составляет полторы тонны изделий, причем первоклассных. Из конца вагона, где курил, улавливал я колбасный аромат подаренного мне на пробу батона и улыбался.

Улыбался тому, что искал власть в горкоме, в исполкомах и она находила меня в автобусе, но это власть уходящая. А настоящая будет у цивилизованного рынка, потому что хозяин жизни тот, кто производит, а не тот, кто учитывает и распределяет, дотла разоряя страну.

* * *

Одно из любимых горьковских выражений при рассказах об удивительных дореволюционных российских предпринимателях — «выломился», стал сам по себе.

Что-то похожее сейчас происходит и со всеми нами, и с государством — некое общее архаровское ослушание.

Республики размежевываются? Архаровцы!

И разве не архаровство «подзаводит» партийных вожатых дерзко выступать против Ельцина и Горбачева? Да и оба они не архаровцы ли, каждый на свой лад?

А как, если не по-архаровски, рассказовской власти управлять, не имея ни фондов, ни средств?

Да и я архаровски привычно погрешил на Перепечина — к моему задержанию он отношения не имел — так сошлось...

Рассказово — Тамбов — Москва

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

Сколько же ублюдков пряталось по темным закоулкам, а теперь с началом так называемой перестройки повылазило из своих недр. Они хотят управлять, глумиться над русским народом. Тут и Черниченко, и Евтушенко, и какой-то Марк Захаров требует суда над КПСС. Б. Окуджава откровенничает с И. Мильштейном, какой милый тандем! Не нравится наш строй — скатертью дорога. Ведь не случайно сионистское лобби в Верховном Совете СССР так торопило с принятием закона о въезде и выезде.

В. АНТОНОВ
Иваново

Когда и по чьему указу мы, граждане, начнем принадлежать сами себе, а ценности будут принадлежать не государству, а нам? Я уж молчу про так называемое «имущество партии», за которое надо судить, как за незаконно награбленное. Знали бы русские цари, что проживали они веками в кремлях и дворцах, которые когда-то окажутся партийным имуществом...

Е. Н. ИВЛИЕВ
Минск

Я встречаюсь часто с ребятами из «Памяти». По-моему, очень милые, чистые и честные (в отличие от вас) люди, горячо болеющие (также в отличие от вас) за судьбу Отчизны.

Г. Б. АНТИПОВ
Москва

Нельзя забывать, что наш народ за все время своей истории никогда не жил при демократической государственной системе. Он не подготовлен психологически к новым идеям свободы, поэтому и существует опасность государственного переворота, новой диктатуры.

Э. У. УМХАНОВ
Грозный

«Красная звезда» часто пишет, что в армии некому служить. А на транспорте, в милиции, ГАИ, почте, больницах, конвейерах заводов и т. д. у нас все в порядке? В некоторых республиках приняты законы об альтернативной службе. И России пора перейти от слов к делу.

Л. Л. ТКАЧЕВ
Москва

Ни один наш хозяйственный руководитель не допустит уменьшения объема выпускаемой продукции за счет улучшения ее качества. Это погубило нас, сделало нашу продукцию неконкурентоспособной на мировом рынке. И еще: нас убила уравниловка в заработной плате, в условиях жизни, уравниловка в отношении к самим себе.

Ю. Ф. ПОНОМАРЕНКО
Киев

■

Высылаю газету «Вестник коллекционера». Обратите внимание на строчки под медалями к 121-летию со дня рождения В. И. Ленина: «Советский народ по-прежнему следует ленинским заветам и строит социализм, несмотря на злобный лай «дерьмократов».

Когда прочитал, глазам не поверил. Мне и в голову не приходило, что из коллекционирования, этого благородного, сугубо научного предмета, можно делать политическое варево... Коллекционирование — это увлечение для души, и когда в нее лезут идеологическими лапами (как в этой заметке), то становится не по себе. Более того, даже сугубо политическая пресса, на мой взгляд, не должна опускаться до площадной брани. Впрочем, методы радетелей ленинизма-сталинизма никогда не отличались изящностью. Хам и в Африке хам.

В. С. СВЕКОЛЬНИКОВ
Псков

■

В № 25 «Огонька» инженер Н. Новиченко из Киева пишет: в газете «Вечерний Киев» напечатано о том, что моджахеды запросили выкуп за пленного воина-афганца Павла Стасевича и воины-интернационалисты, а также жители Балтского района Одесской области сейчас собирают деньги.

Но не это меня потрясло. Потрясли следующие строки: «Газета обращается с просьбой ко всем неравнодушным к судьбе Павла и горю матери, уже похоронившей его 7 лет назад в цинковом гробу — а кто был в нем, никто и никогда уже не узнает...» (выделено мной.— **И. Д.**).

Неужели это наша армия? Неужели такое кощунство могли совершить советские офицеры? А что же генерал Громов, которого многие чуть ли не боготворят? Ведь одно из непреложных правил любой войны — это установление имен, захоронение и отдание последних почестей погибшим. Его подчиненными, а значит, и им самим не выполненное.

Так кто же похоронен в цинковом гробу? Я не согласен с утверждением автора публикации о том, что никто и никогда об этом не узнает. Совершено должностное преступление, по факту которого военной прокуратурой должно быть возбуждено уголовное дело.

Уверен, что остались свидетели и исполнители указаний, связанных с подготовкой к отправке и отправкой тела погибшего. Есть архивы воинской части (документ начальника штаба о ведении боевых действий, боевые донесения, списки потерь, приказ об исключении из списков личного состава части с указанием причин и др.). Должен быть приказ о командировании должностных лиц для сопровождения этого скорбного груза. И последнее. Хоть это и тяжело, но для установления истины необходима экспертиза захоронения.

А что в связи с этой публикацией думает генерал Громов, бывший командующий советскими войсками в Афганистане и теперешний заместитель министра внутренних дел СССР? Что думают бывшие афганцы, служившие в подразделении вместе с Павлом Стасевичем? Те, кто отправлял в последний путь тело погибшего воина?

Надо назвать имя солдата, оплаканного матерью Павла, чтобы его родная мать узнала, где нашел последнее пристанище сын, и пришла бы поклониться его праху. И, быть может, она попросит у него прощения за ваши грехи, совершенные по отношению к своим братьям и матерям.

P.S. *А собирать деньги с воинов-интернационалистов для «выкупа» (слово-то какое) солдата, которого послали туда люди, не посылавшие в Афганистан ни детей своих, ни внуков,— это кощунство тоже.*

Войну в Афганистане вело государство. Оно и обязано «выкупать» своих несчастных сыновей.

И. П. ДУРОВ,
полковник в отставке
Харьков

■

В феврале этого года по телеграмме, заверенной врачом, я выехала в д. Павличино Ярославской области. Весь свой отпуск ухаживала за старенькой 80-летней матерью и 22 марта уехала домой, в Нерехту. Вечером 22 марта по телевидению сообщили о 40-процентной надбавке к вкладам в сбербанках, внесенным до 1 марта. Как я выяснила, при переводе денег после 1 марта на другое имя надбавок не будет. Я молю Бога, чтобы мама не узнала об этом, мягко говоря, несправедливом решении В. Павлова.

А случилось вот что. После очередного приступа мать решила перевести вклад на мое имя. Знаете, все старые люди стараются иметь свои «похоронные» деньги. Раньше я на это не соглашалась. Но 21 марта мы потихоньку добрели до сберкассы и переоформили вклад. Сберкнижку на мое имя мы положили на место маминой. Для нее наличие сберкнижки в дряхлой половине дома с бедной утварью очень важно. Ведь это итог всей ее жизни. Без отпусков до 72 лет проработала она в колхозе в основном за медали, грамоты, трудодни. Не буду описывать судьбу военной вдовы и нашу жизнь с пенсией в 4 рубля. Даже сейчас, смертельно больная, она держит овец, чтобы сдать их и не ощущать себя нищей, не висеть у меня на шее.

Вклад мама сделала в 1976 году, и все это время государство пользовалось ее деньгами. Мы ничего противоправного не сделали. И сейчас деньги в той же сберкассе села Закобякино Любимского района Ярославской области.

Пишет вам обыкновенная советская женщина, инженер с 30-летним стажем, имеющая дочь-студентку, уставшая экономить, перешивать и т. д. Для того, чтобы как-то прожить, научилась выращивать поросят, кроликов, завела огород. Перенесла серьезнейшую операцию. Никогда, поверьте, не имела сберкнижки.

Как можно было правительству принимать решения, обкрадывающие самых бедных людей?

Л. Е. КУРОВА
Нерехта Костромской области

■

В нашем «Красноуральском рабочем» — общественно-политической газете городского Совета народных депутатов — на первой полосе опубликована заметка, называется она вполне безобидно — «Начинается подписка». Речь идет о совещании в горкоме партии по поводу подписки на 1992 год. Совещание проводила руководитель общественно-политического центра горкома КПСС З. И. Юдина.

Позвольте процитировать: «В этом году,— *сообщила З. И. Юдина,*— не ожидается приложения к журналу ЦК КПСС «Огонек», так как не будет издаваться и сам журнал, поскольку он в последнее время стал антикоммунистическим. Вместо него будет другой журнал».

Я выписываю «Огонек» с 1957 года и не представляю, как в дальнейшем обходиться без вашего журнала. Не сдавайтесь, не складывайте свои перья, защищайтесь. «Огонек» должен жить!

Б. ТОКАРЕВ
Красноуральск Свердловской области

■

В № 46 «Огонька» за истекший год обнародовано мое письмо, в котором я проводил мысль о том, что памятники политическим деятелям, не имеющим ни малейшего касательства к медицине, громоздятся в вестибюлях поликлиник (в железнодорожной поликлинике два памятника В. И. Ленину), в то время как в аптеках нет элементарных лекарств. В том числе я упомянул и об ансамбле, возведенном уже в годы перестройки (одна остановка от железнодорожного вокзала), где изображен огромный рабочий, переводящий стрелку одной рукой, а другой — придерживающий знамя. Дорогостоящее нелепое сооружение.

И вот вскоре я увидел вокруг мемориала леса и подумал: знать, то мое письмо в «Огоньке» руководство прочло и ансамбль собирается демонтировать. Но спустя некоторое время обнаружил: оказывается, его облачили в дорогостоящий панцирь из цветного металла... Первая мысль — забежать в аптеку, наверняка там появилось нужное мне лекарство. Увы, кроме зеленки, клизм и таблеток от поноса, я практически ничего не обнаружил. Перечень лекарств стал даже беднее, чем тогда, когда писал первое письмо.

Уж лучше это письмо не печатайте: нутром чую, прочтя его в журнале, руководство возведет леса вокруг памятника для того, чтобы содрать латунь и заменить ее платиновыми листами.

Б. СЕНКЕВИЧ
Копейск Челябинской области

■

После 45 лет работы с дошкольниками дали пенсию 114 руб., добавили компенсацию. Кажется, много, а раскинешь... Был у меня холодильник «Ока-3», когда-то за 250 руб. покупала. Даже тогда казалось, что самая счастливая, дорогую покупку сделала. И вот неделю назад отказала морозилка. Сегодня пришли мастера, проверили и убили наповал: «Мать, полетел мотор, готовь 800 рублей и жди, когда подойдет очередь».

С протянутой рукой не пойдешь, стыдно, а доходов дополнительных нет. Я государству за 45 лет столько отличных ребят вырастила, а оно меня обдирает. За что? Неужели пенсионерам и инвалидам нет скидки?

Н. В. СОРОКИНА
Москва

ПОХОРОНЫ КАГАНОВИЧА

Лазарь Каганович умер в Москве на 98-м году жизни. Последний из «сброда тонкошеих вождей», окружавших Сталина, жил и пользовался властью в безумную эпоху во главе безумной партии в охваченной безумием стране.

Об этом забываешь на миг в Донском крематории, глядя на старика в одиноком гробу, в искаженные скорбью и горем женские лица у изголовья, слушая строгие и спокойные речи осанистой дамы из большевистского «Единства», обещающей «поднять и дальше нести знамя, выпавшее из рук Лазаря Моисеевича».

Тяжелые двери крематория закрыты, у входа милиционеры с трудом сдерживают напор плотной потной толпы старых большевиков с цветами, журналистов с камерами и диктофонами, просто любопытных. Фотокоры «Огонька» проникли в зал чудом. Слышны крики людей за дверью: «Почему не пускаете?!» — и ровный голос милиционера: «Это воля семьи».

Затем двери распахиваются, и толпа врывается в траурный зал, бежит к гробу. «А его уже нет,— бормочет старик с цветами,— нет товарища Кагановича!» Несколько секунд назад подъемник с гробом опустился в нижний этаж, и створы сомкнулись. Товарищ Каганович скрылся от журналистов, как почти всегда скрывался от них при жизни.

Лазарь Каганович пережил двух царей, Александра Керенского, Владимира Ленина, Иосифа Сталина, Георгия Маленкова, Никиту Хрущева, Леонида Брежнева, Юрия Андропова, Константина Черненко. Он прожил жизнь настоящего коммуниста и умер большевиком.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА
и Марка ШТЕЙНБОКА

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В буднях великих строек спешить не имело смысла, поскольку все было рассчитано на вечность. Время от времени нам объясняли, когда случится очередное чудо, и погоня за временем теряла смысл, поскольку досрочных Небывалых Свершений не предвиделось. Страна отставала от истории, выпадала из времени. Пресса и телевидение были самым нетороплявым отрядом в отсталой стране и выпадали даже из черепашьего Марша Энтузиастов.

В середине восьмидесятых мы заговорили и даже намеревались поработать. Ужаснувшись такой жизни, многие не поверили, что она может измениться, — очень трудно было начать сокрушение вчерашних идолов, сказать немилосердную правду о них.

«Огонек» был среди тех, кто решился. Мы сказали немало правды вам и себе, разбираясь не только с будущим, но и с настоящим и прошлым. Вместе с вами мы прорезали широкие проходы в колючих заграждениях лжи и страха, десятилетиями окружавших нас. И самое главное, что в эти проходы устремлялись многие: фронт гласности стал линией нашей общей борьбы с коррумпированной властью и людоедской идеологией.

Но власть и идеология были неподвижны, как глыбы. Талант неподвижности всегда высоко ценился в обществе Окаменевшей мечты. То, что страна и люди менялись столь решительно и серьезно, уже было формой протеста, восстанием против бессмысленных догм. Впрочем, многое еще в будущем, до сих пор не перевелись люди, бравирующие своей неспособностью изменяться. Это вполне советское качество, и надо надеяться, что со временем оно не будет столь воинственным. Нас ведь годами отучивали думать, отбивали вкус к демократии, насаждали единомыслие и единообразие: процесс преобразования непрост и долог. Общество, мы с вами менялись в процессе преобразований. Страна становилась иной, обязывая нас быть на уровне ее взросления и покаяния.

Конечно же, можно бы и сегодня делать «Огонек» таким же, каким он был три и четыре года назад: мы с вами привыкли друг к другу, и наше взаимопонимание не пострадало бы. Некоторые издания до сих пор ловят парусами ветер прошлых огоньковских походов. Но жизнь ведь уже не та, что была в 1987 и 1989 годах. Мы с вами меняемся, обязан меняться и «Огонек». Ищем новых авторов, порой приходится расставаться с привычными сотрудниками и привычными рубриками — мы надеемся, что они найдут себе место в новых изданиях и в новых делах.

А мы делаем «Огонек». Это старейший журнал России. Скоро минет 70 лет со дня выхода первого его номера. Он бывал очень разным, как разной была наша жизнь. Сегодня очень важно сохранить верность тому духу изменений, который помог нам с вами прикоснуться к новому времени и стать частью его. Журнал заявил о своем неподчинении решениям любых партий, любой узколобой попытке вогнать нас в новые догмы. Вот уж вправду — теперь или никогда.

Сегодня все демократические силы, вся демократическая печать должны быть едины в главном. Не дай нам Бог развалиться на секты: пропадем. И поэтому нам сегодня особенно нужны ваши поддержка и понимание. Мы постоянно в сражениях за наше общее дело, а еще за то, чтобы добыть бумагу, сговориться с типографией, уладить дела с распространением журнала в стране и за ее пределами.

Мы ждем ваших советов, нуждаемся в них, продолжаем делать «Огонек» вместе с вами.

Виталий КОРОТИЧ

В БУДКЕ НА ПУШКИНСКОЙ...

Ирина АЛЕКСАНДРОВА

А в будке на Страстной площади торгует журналами... неграмотная баба! Клянусь, неграмотная. Я сам лично подошел к будке, спросил «Россию». Она мне подала «Корабль» (похож шрифт). Не то. Бабка заметалась в будке, подала другое. Не то. «Да что вы, неграмотная?!» (Это я иронически спросил.) Но долой иронию! Да здравствует отчаяние. Баба действительно неграмотная.

Москва — котел: в нем варят новую жизнь. Это очень трудно, самим приходится вариться».

М. Булгаков, 1923 год.

День мутный, число 13-е, Москва — котел, в котором по-прежнему варят новую жизнь. И зачем иду на угол Пушкинской и Козицкого? Проверить, как с 23-го года в районе Страстной — Пушкинской возросла грамотность киоскеров? Как дела, спросить? Кепочка, что ли, ее приманила, глаза усталые? Сколько раз газету у нее покупала — и дальше, мимо, не задерживаясь. Или, может, мимо не всегда означает дальше? И когда что-то вокруг, в тебе не так и не клеится, может, мимо друг друга лучше не проскакивать... Стеклянная будка «Союзпечать» — и Союз, и печать, и человек — несколько кубометров внутри котла.

— Валентина меня зовут, а что спрашивать будете?.. Вы посмотрите на меня. Я не человек. Со мной все. Кончено. И других освобожу.

Я стою между стопками «Клаксона» и «Домостроя», я смотрю обалдело на сорванную кепочку, на бабушку, что, ничего не слыша, протягивает в окошко непонравившийся журнал, а Валя тихо берет и возвращает деньги; на подвыпивших супругов, подравшихся прямо рядом с будкой (никогда такого на унылой Пушкинской не встречала, или это только из будки видно?). И понимаю, что очень долго не смогу отсюда уйти.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

— Иногда кажется, будка — крест мой. Судьба специально посадила — чтоб все происходящее в себе копила и чтоб разрядиться не на кого.

— Так мы, покупатели, вроде уж привыкли. Можно на нас...

— Нет, покупателям без меня хватает. Да и не про то я. Вы в коллективах работаете, друг о друга третесь — легче. Я одна здесь. Вакуум. Все снаружи. Я внутри. Как в семь утра газеты разбираю, такое чувство, что через пальцы в меня вся эта информация рвется. Не читаю уже, считываю, как ЭВМ. Только бесполезная такая ЭВМ. Накопитель.

— Бесполезных, наверное, не бывает...

— Бывает. У меня, может, вся жизнь такая. Из своих сорока с лишним я только три года здесь. А до того намоталась. Кончила техникум легкой промышленности, на кожзаводе работала, на игрушечной, дворником, препаратором. Чего только не было!

— Программа телевидения есть?

— Нет.

— Тогда «Литроссию».

— А искала что? Людей, профессию, денег?

— Да как объяснить? Внутри толкает что-то — дальше, дальше. Там отношения не складываются, тут ситуации. Там сплетни, тут грязь. В столовой работала, нагляделась. Ну и химичат! Одна баба соком торговала. Стаканы помоет, а воду из-под них — правильно, в сок. Сказала ей пару слов, так она мне чуть глаза не выцарапала. Ну что я, воспитывать буду, бороться? Малодушная я, наверно. Вот будку себе и заработала. Сижу теперь в центре событий за 200 рэ. На восемьдесят рублей почти снизили. Слыхали?

— Как снизили? Цены же на газеты-журналы возросли, «Союзпечать» все вашими нуждами объясняла.

— Не знаю, кто что объяснял, только раньше я с вырученной сотни рублей 3.73 имела, а теперь — трешку. Раньше 280 в месяц выходило, теперь — 200.

— Но работы ведь прибавилось? Газет новых сколько, весь киоск завален.

— Не то слово — прибавилось. Разложить только чего стоит, а вы продать попробуйте. С утра расхватают «Комсомолку», «Правду», «Российскую», московские газеты, «Куранты», «Независимую» — и точка. А это все добро лежит. Опять все пакуй и обратно отправляй. Ну кто-то же должен в агентстве все просчитывать. Зачем бесполезную работу делать? Да у нас еще и свои «игры». Экспедитор по утрам товар развозит — кому получше, кому похуже. Я, конечно, в последних. Играть не умею. Но ничего, живу пока. Мы же терпеливые, сколько сил потрачено, чтоб «рабы — не мы» наизнанку вывернуть. Единственное, что удалось.

— «Столица» есть?

— Кончилась.

— Тогда бюллетень по обмену.

— И налог с вас пять копеек. А не знаю зачем. Горбачеву на бедность.

— Тут еще Штаты нам в утешение показывают — там, мол, тоже налог... Там и кроме налога кое-что есть. И кассы компьютерные, и товар, который, кстати, из частных рук вышел, а не из государственных. Все за дураков нас держат. Господи, домой прихожу, а мозги все щелкают, проценты с копеек высчитывают. Рехнусь скоро.

— Валь, а дома как? Дети, семья?

Ну что? Не надо было спрашивать, или, может, ответ опустить, не совсем, так частично? И все в норме, все в рамках соцобщежития и наших представлений о человеке, интервью с которым достойно появиться в органах печати. Выпрямим, умоем, причешем, а уж тогда спросим — как он там, в нашей жизни, процветает, какое его, простого советского человека, личное мнение. И опять соврем. Потому что нет его, простого, советского, и никогда, слава Богу, не было. И в котле, и в стеклянной будке свой надрыв (кто бы без Достоевского слово нашел?). А нам не судить, понять бы или хоть выслушать...

— Так дома-то что, Валя?

— А нету дома. Нету, понимаете? Ушла. В чем была, ушла. Дети большие уже, все поняли. Но остались, а я ушла. Я, может, мешаю всем. Воли нет, безалаберная. Замуж тогда тоже по малодушию вышла. Говорю, не люблю тебя. Полюбишь. Не хочу замуж. Надо захотеть. И пошло-поехало. Нет, я пыталась, мучилась, тоже старалась все копить, в дом тащить, но когда жизнь на это кладется... Не могу. Встретила человека, его понимаю, и он меня вроде тоже, хотя... А, не знаю. Ну что, еще вопросы будут?

Да, сейчас бы музыкальную паузу, как на телевидении. Но мне отступать некуда, разве кофейку попить? Тем более в киоске перерыв положен.

— Я обычно в Филипповскую хожу. Пойдем? — Валя потуже застегивает варенку, с мужского плеча. Запирает нашу стекляшку, и мы сворачиваем в измученный торговым ажиотажем Козицкий.

— Всю жизнь этим дурацким комплексом неполноценности мучаюсь. В школе еще парня одного любила, а подружка моя, настырная, на него глаз положила. Так, поверите, чтобы себя наказать, чтоб еще больнее было, записки ее ему носила. Мучилась ведь, а носила. Теперь другая беда. Вот закрою глаза — и таким огромным существом себя ощущаю. И мне так жалко всех, так хочется помочь, объяснить. И ничего не могу. Ну что мы мечемся все, что мы носимся с кошелками? Что мы плачем все — нищие, голодные, раздетые. Ну кто голодает? Где голые? Хватит врать-то! Мы же сами себя все время унижаем этими стенаниями. Хочется одеться получше? Наверное. Я вот тоже от своих двухсот все ребятам таскаю, самой наряжаться стыдно. Но ведь не в этом дело. Мы же друг друга теряем. Полок пустых испугались, да, Господи, будет день — будет пища. Много ли надо человеку, а все тащат, накупают. У моего мужа вся квартира забита тушенками, сгущенками. И у большинства так, точно говорю. Не того боимся.

— А вы сами чего боитесь?

— Чего бояться человеку в тупике, все потерявшему? Я в такой семье выросла — не дай Бог. Мать с отцом всю жизнь ругались. Пьянки, гулянки, матперемат. Десять копеек на кино у матери в ногах вымаливала. Пока дров не наколешь, скотину не накормишь, не даст. Да еще подзатыльник в придачу. В 17 лет из дома убежала, когда отец, понимаете, отец, напившись, полез. Потом, правда, развелись родители. Может, и за них вина на мне. И за брата. Он тогда в Москву учиться приехал. Я предлагала, чтоб у нас жил, да не хотел — коммуналка, дети. В общем, драка там была, в общежитии, его ножом пырнули. Наверное, на мне его смерть. Не сберегла.

— На собственном суде мы обычно бываем и собственным адвокатом. Вам это не удается?

— Да почему, всегда есть, за что себя пожалеть. Только, понимаете, сейчас время такое пришло, когда не других, себя судить надо. А все не хочется, все виноватых ищем. Я ощущаю время, как живое существо, в нем вся наша энергетика скапливается, потом возвращается. И наказанием, и благодарением.

— А наказание за что?

— За корысть, за лень, за вранье, за злобу и раздражение. За вечную нашу неспособность довести что-нибудь до конца. А наказание — вот этот тупик. Это только кажется, что можно телевизор выключить, газету порвать, уши заткнуть, и все — живи себе вне политики, вне жизни. Не бывает. Все равно не отвернешься. И собственный тупик тоже отсюда. Ну, спросят дети потом, что ж вы сидели, смотрели, как шесть лет и сколько там еще Горбачев вас кормит словами и обещаниями, только и результат — себе зарплату да партработникам повысить. И что ответим — банки запасали?

Меня мучает это собственное бессилие. Какой из меня борец? Больное, насквозь трухлявое тело... Да что я, одна такая?

— Вы кому-нибудь завидуете?

— Нет, я не завистливая. Но если кому и завидую сегодня, тем, кто знает, за что борется. Пусть неумело иногда, наивно. Но в этом уже есть внутренняя сила. А жить только стыдом невыносимо.

— А разве сама по себе способность устыдиться не несет в себе нравственной энергии, разве так уж бесполезна?

— Ну что толку от этой моей боли? Ну, за себя, дуру непутевую, стыдно, за страну с такими землями и талантами, стыдно за Москву обшарпанную, как бомж привокзальный. Стыдно за то, что упираемся рогами, никого от себя не отпуская, всем республикам свою любовь навязываем, а они от нас отворачиваются. Стыдно за наших, русских, что умудряются всю жизнь на территории республики прожить, ни языка, ни культуры не поняв. Да от меня разве зависит что? Тут я, правда, совсем спеклась как-то в своей будке, письмо Горбачеву написала...

Перерыв в киоске закончился, и Валя подняла стекло:

— Реклама есть?

— Нет, уже кончилась.

— А воздушные шарики?

— Боюсь, улетели...

— А что? Я бы на его месте знала, чем заняться. Записывайте. Итак. Уважаемый Михаил Сергеевич! Будь я, киоскер Валя, на вашем месте, я бы велела: 1. Всем фермерам раздать бесплатно землю, технику — сколько ее стоит сломанной, брошенной. Починят. И никаких денег с них не брать, пока не забогатеют. 2. Сверху им ничего не планировать. 3. Специальное статуправление завести, с компьютерами, для сбора информации снизу: кто что произвел, у кого нехватки, у кого излишки. 4. Партийную и общественную работу не оплачивать и проводить только по велению души в свободное время. 5. Всех, кто из Союза хочет уйти, отпустить без вражды, с пониманием и уважением. Может, надо какое-то время своей системой пожить, а потом уж объединяться будем. 6. И главное. Ну какая, скажите, всем нам разница, как в толстых томах называется нормальная человеческая жизнь — социализм, коммунизм, капитализм? Давайте построим, будет время, назовем. Ну, хватит пока...

Валя защелкала счетами, упражняясь в процентах «президентского» налога. А в нашей будке что-то изменилось. И покупатели пошли косяком, и газеты из дальних углов вдруг потребовались на выход. И Валя как-то быстрее считала мелочь, и мужичок в окошко протянул соевую плитку, правда, по два рубля, но Валя не вскинулась, как обычно, на спекулянта, а протянула: «Спасибо, не хочется». С чего это мы вдруг повеселели?

— Со мной в последнее время что-то происходит. Знаешь, словно охраняет кто. Или я стала такой замкнутой системой, что все плохое отталкиваю. Ну, вот еду в метро. Нацепила на себя черт-те что. Во-первых, нечего было, а во-вторых, мне вообще на одежду наплевать. А рядом дамочка, ухоженная, разодетая, в мехах. И так она на меня глянула, ну испепелила, ну нет меня вместе с моим ничтожеством. А я есть. Сижу себе и тихонько думаю: что ты про меня знаешь? Не стыдно тебе только за тряпочки эти так себя возносить? Чего там, в оболочке-то? Счастлива, а? И тут что-то так она засуетилась, заерзала, занервничала. Мне ее очень жалко стало, правда. Сижу и жалею. Выскочила она на следующей остановке. Смешно, да?

— Валь, а когда очень плохо, ты что делаешь?

— На небо смотрю. На травку, букашку. Я же верующая. В Создателя верю. В церковь не хожу, там попы очень сытые. Сытых вообще не люблю. У меня, наверное, своя звезда появилась. Вышла как-то в автомат позвонить, а она светит, ярко-ярко. За угол зашла, совсем с другой стороны светит. За мной, наверное, ходит. Может, ничего, а? Надо выживать... Я еще дождь люблю. Он очищает все, и штукатурки отбитой не видно, и асфальт чистый. Тут как-то разулась и шлепала босиком. Ничего, народ не дрогнул. Мы вообще, знаешь, глазами мало пользуемся, а это ведь лучшее, что Создатель дал. Смотри, впитывай. Я и рисовать только глаза умею. Видишь, листочки все исчеркала...

...Я уже давно не задаю вопросов. Не потому, что кончились, просто не нужны. Валя говорит сама, отбросив «вы» и позванивая мелочью. В будке тепло, и уходить не хочется, хотя заканчивается рабочий день и пора было опускать стекло.

— Знаешь, у меня своя теория есть. Вот нарисовала даже. В центре Создатель, его импульсами, его силами эти круги держатся. А мы, я думаю, сейчас на последнем. Предел прочности. Исчерпали его ресурсы, может, для нас больше нет. Дальше — коллапс. Ну, это я тебе примитивно излагаю. Понимаешь? А сейчас вдруг подумала, может, этот предел прочности теперь в человеке? Может, справимся? Может, это я в будке своей одичала?

Валя в будке, мы в котле? Не знаю насчет коллапса, у меня как-то попроще мыслишки: может, не только мне ее в этот мутный день не хватало. Ей меня тоже?

...Перед уходом я спросила:

— Валя, а фамилию поставишь свою?

Она помолчала, потом сдвинула кепочку:

— А, ладно! Кто это до конца осилит, с тем и познакомимся: Назарова Валя я. Киоск номер 2705. Угол Пушкинской и Козицкого.

БЫТЬ СЛАБОЙ НЕКОГДА...

С кинорежиссером Аллой СУРИКОВОЙ («Суета сует», «Ищите женщину», «Человек с бульвара Капуцинов» и др.) беседует наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА.

— На сочинском «Кинотавре» за свою новую картину "Чокнутые" вы получили забавный приз «За мужской характер и женское кокетство». Уж какое отношение это имеет к фильму, не знаю, но факт остается фактом...

— Дареному призу в формулировку не смотрят. Простим их.

— Вы считаете, жюри небезосновательно подметило в вас признаки мужского характера? Я наблюдала за вами: вы производите впечатление и цельной натуры, знаете, что и зачем делаете. В вас не ощущаются растерянность и страх перед настоящим и будущим, что свойственно многим представителям вашего поколения.

— Мужской характер цельной женщины? Забавно. Что-то вроде всемогущей начальницы большого пищеблока, к которому за куском еды выстроилось в очередь мое растерянное поколение... Как-то вы с моим поколением — раз! — и раз-обрались! А ваше?

— С нами проще — молодое поколение выбирает «пепси».

— Но и у нас не все выбирали квас. Думаю, дело не столько в поколении (хотя, конечно, свобода выбора у вас куда вольнее), сколько в мироощущении, воспитании, окружении.

Я шла к себе долго. И ухабисто. Надеюсь, значительную долю страха и растерянности, отпущенных мне на жизнь, истратила по дороге. Была грузчиком в магазине наглядных пособий, слесарем-сборщиком, инженером, учителем, довольно долго занималась умной наукой. За это время научилась кое-каким полезным вещам: печатать на машинке, собирать моторчики, ловить жуликов, топить печь, надеяться на себя. Потом научилась снимать кино — у Данелии, у Быкова, у Алова и Наумова. Поздновато, конечно. Эх, раньше бы...

— Это что-нибудь изменило бы?

— Конечно. Знаете, что такое внутренний цензор? Искренне надеюсь, что выбирающие «пепси» с ним не знакомы. Это такой мерзковатенький гномик с колючими глазками. Его дыхание постоянно на твоем затылке. Тебе бы взлететь, взорваться, распахнуться, а он скрипуче нашептывает: ти-хо, ти-хо, не на-до... Для меня этот внутренний цензор — оборотная сторона того самого богатого жизненного опыта, якобы столь необходимого режиссеру... Если бы пораньше!.. Я была бы раскованнее и рискованнее. Тогда, пожалуй, и цельность моя имела место быть...

— Под цельностью я подразумеваю и твердость в отношениях с людьми.

— Твердость — это про КПСС. Мне же, как человеку глубоко беспартийному, свойственна страсть к компромиссу. Если бы обязательно нужно было выбирать для себя партию, я создала бы «партию Компромисса» и назначила бы себя в ней «мисс Компро». И примирила бы Горбачева с Ельциным, Армению — с Азербайджаном, орла — с трепетной ланью. В отличие от Нины Андреевой я не больно дорожу принципами, но одним стараюсь не поступаться: изначальной доброжелательностью к людям. Я всегда искренне верю, что человек, с которым знакомлюсь, талантлив, интересен и в своем деле разбирается лучше меня.

— Представляю, какие вас подстерегают разочарования...

— А вы знаете, нет. Бывают, конечно, корректировки. И тем не менее мне не свойственна заведомая настороженность в дружбе, в знакомствах, в подборе съемочной группы.

— Видимо, это уже характер: ведь и ваши картины рождают ощущение праздника — забавного, смешного, легкого...

— Дай Бог, если это так...

— Какими же потом и кровью рождается это ощущение? Или действительно все, что вы делаете, происходит шутя?

— Ну, конечно же, пóтом и кровью, однако шутя и играя. Для актеров стараемся, чтоб максимум шуток и игр. Группе, конечно, достается все остальное: придут ли лошади, достанут ли дышло, разрешат ли актеру сесть на эту лошадь, не напьются ли осветители, не забеременеет ли коза до окончания съемок. Это, как вы догадываетесь, творческой атмосферы не озонирует. Однако это за кадром. А вот актеру нести лицо в кадр. У него должно быть хорошее настроение — комедию же снимаем!

— Чем вы руководствуетесь, приглашая в свои фильмы звезд: популярностью, конъюнктурой, талантом?

— И наоборот. Любовью. Снимаю актеров, которых люблю. Надеюсь на взаимность. В актере фокус, на актере свет! Все остальное — суета сует. Это мое кредо еще с первой мосфильмовской картины "Суета сует».

— И все-таки... Ваша работа с актерами весьма неожиданна. Кому еще могла прийти в голову идея пригласить мужественного Проскурина на роль международного террориста-педераста!

— Во-первых, террорист би-сексуален. А во-вторых... Мы живем в странном мире подмен. Актерское амплуа — это на самом деле тоже подмена: человеческой индивидуальности выдуманным штампом. Один навсегда герой, другой по гроб жизни насильник. Третий, лысоватый и маленького роста,— навсегда вождь мирового пролетариата.

Виктор Проскурин может все. Если захочет, и режиссер с ним справится. Насколько он захотел, а я справилась — судить зрителю. Не видели его в блестящем спектакле Фокина «Приглашение на казнь»? Там Проскурин и открылся для меня совершенно иным.

— А ведь режиссура-то не женское дело. Ну, еще закрывают глаза на женщин, снимающих мелодрамы или глубокие философские ленты о своих внутренних переживаниях и комплексах, в которых никто ничего не смыслит...

— Я знаю только одно сугубо женское дело — детей рожать.

Впервые я обратила внимание на то, что я не просто режиссер, а режиссер-женщина, когда поехала в США на III международный фестиваль «Женщины в кино». Закончилось это для меня совсем удачно: «Человек с бульвара Капуцинов» получил первый приз. Но специфики именно женского кинотворчества я не почувствовала. Вот во Франции, в Кретее, там, говорят, такого рода фестиваль — глубоко женский, сплошь про женские слезы. Но меня туда не зовут. Может, и правильно делают: я про слезы не люблю...

Вот женщин, снимающих комедии, кажется, действительно мало. Комедиограф — это же камикадзе.

— И вы?

— А как же! Шаг влево — несмешно, шаг вправо — пошло, прыжок на месте — ты на штыке у критика.

— Может, бросить все к чертям?

— Меня часто спрашивают, не собираюсь ли я снять серьезное кино. Отвечаю: не собираюсь.

Думаю, одной из причин многих наших бед является недостаток самоиронии. Если б наши депутаты умели шутить, путь к общенациональному согласию был бы значительно короче. Зигмунд Фрейд утверждал, что нет лучшего способа снятия агрессии, чем смех.

— Когда снимаете фильм, вы думаете о своем предполагаемом зрителе?

— Вообще уверена, что нет режиссеров, которые о зрителе не думают. А разговоры о «публике-дуре» — вынужденное лукавство. Настоящий успех у картины — это когда она захватывает зрителя, нравится друзьям и оценена коллегами и критиками. Это бывает чрезвычайно редко.

Для меня очень важен зритель. Комедия в пустом зале — это трагедия. Конечно, хочется еще, чтоб и маме понравилось, и дочка смеялась, и чтоб друзья не перестали подавать руки.

— Сегодня режиссеру очень просто получить любую постановку. Раньше вы пускали в ход женское обаяние?

— Я работала с прекрасными авторами: Брагинский, Акопов, Азерников, Володин, Кунин. Пробойная сила их талантливых сценариев не нуждалась в женском обаянии... А вот бальзу я «пробивала».

— Что-что?

— Дерево такое. Растет в Эквадоре, покупается за валюту. Легкое. Для трюковых съемок незаменимо. Это, оказывается, знают и давно пользуют во всем мире. А по нашим головам до последнего времени били исключительно отечественным дубом или ясенем. Это, между прочим, больно. Я надела красивое платье, накрасила ресницы и пошла к генералу выпрашивать бальзу. На прощание он сказал: «Пришел бы мужик, не дал бы...» В результате в Одессе на фестивале — приз «за лучшую драку между советскими актерами».

— И что же ощущает женщина, получая такой приз?

— Удовольствие. Особенно от второй половины формулировки этого приза — «за достоверное воплощение Дикого Запада в диких условиях советского кинопроизводства». Вот ведь одесситы сказали — и смешно, и достойно...

— А если не хватает сил быть женщиной вне работы?

— Я мать, жена, дочь, и «мне еще летать охота»...

Хочется любить и быть любимой, хотя бы во внерабочее время.

— Чувствуете себя деловой женщиной?

— Чувствую себя работающей. И счастлива тем, что удовольствие, которое я от работы получаю, несмотря ни на что, гораздо больше, чем неприятности. А вот деловая в нашей стране — пока не знаю, что это. Но раз есть журнал «Деловая женщина», значит, видимо, есть и она сама. И может быть, это я и есть... в какой-то степени...

— Но деловые женщины, как правило, одиноки в личной жизни, несмотря на кажущуюся ауру всеобщего почитания.

— В США я спросила у одной не очень юной, но весьма привлекательной «бизнес-вумэн», почему та не выходит замуж. Мужчин с серьезными намерениями вокруг нее крутилось много. Она сказала: выйдет, но когда достигнет своего потолка в бизнесе. По-моему, рискует: молодость ведь и у них с годами проходит...

— А вы можете быть слабой?

— Могу. Но ненадолго. Быть слабой некогда. На работе — работа, а дома — очаг. Хотите научу, как быстро и вкусно накормить семью? Берется один муж (друг, товарищ, брат — что есть под рукой), ставится с ножом к шинковочной доске. На доску кладется все мытое, что есть дома: овощи, мясо. Муж все режет, вы все ставите на электро (!) плиту, добавляете специй, доводите до максимальной температуры, потом переключаете "на единичку» и идете спать (гулять, в гости, на работу). Утром все готово. Остается только съесть и похвалить мужа.

— Спасибо за рецепт. Как соберу все компоненты, сразу воспользуюсь. И все же об одиночестве. Одиночество вообще удел всех творческих людей.

— Профессия у меня площадная — режиссер. На виду. Среди множества людей. Мое одиночество — на другом полюсе. Мне с ним бывает неплохо. Усядемся рядышком: я, мое одиночество, муки творчества, радости сомнений, терзаний и угрызений — и вот такой уютненькой компанией о том о сем...

— Я знаю, что ваша дочь вышла замуж за американца и живет во Франции. Наше кино зрители не смотрят... Может, стоит уехать к ней?

— Я не осуждаю никого из уехавших, у каждого из них были причины. Но мне там делать нечего. Я знаю это из первых рук. Из своих. Мы с Михаилом Боярским проехали через многие русскоязычные колонии США. Они вкусно едят и хорошо одеваются. И все. А дальше — духота изоляции. Мне без друзей, без общения, без работы не жить. Творческая смерть мгновенна.

— Но все больше друзей уезжает, и мы лишаемся привычной среды обитания.

— У кого как. Моя среда обитания — здесь. На своем юбилее Гриша Горин произнес недавно серьезные и грустные слова: «Я готов получить пулю. Но здесь».

Хочется верить, что до пуль дело не дойдет...

— Я часто вижу вас в окружении обаятельных и популярных мужчин. Это случайность или вам в принципе больше нравятся мужские компании?

— Мне очень нравятся компании веселых и остроумных мужчин. Но мне также нравятся веселые и остроумные женские компании. Как вы успели заметить, мне вообще нравятся хорошие компании. Впрочем, как и вам. Я ведь тоже наблюдала за вами в Сочи...

— Ваш идеал Мужчины?

— Я дружу с писательницей Викторией Токаревой. Мы живем в одном доме и часто гуляем вокруг пруда. Разговариваем на интересующую вас тему. Пришли к выводу: для достижения идеала женщине нужно иметь по крайней мере шесть мужчин. Один для семьи — чтобы дети были здоровые и красивые. Другой — для выхода в свет. Третий — для материального обеспечения. Четвертый — для интеллектуальных разговоров. Пятый — чтоб дрель в руках пела. Ну, и шестой — для Этого...

— Вашему мужу удалось приблизиться к идеалу?

— Он на пути к нему. А вообще у меня все мужья были замечательные, умные, добрые.

— Не каждая женщина может сказать хорошие слова о своих бывших мужьях.

— Я же вам говорила, что хорошо отношусь к людям. Это правда. А мужья тоже люди.

— Скажите, вы умеете отдыхать?

— Больной вопрос. Каждое утро собираюсь начать бегать — вокруг пруда. Надеваю даже спортивный костюм. Но на всякий случай беру с собой кошелек и сумку и бегу... в магазин — вдруг чего «выбросят»?!

— А вы о чем-нибудь жалеете в жизни?

— О том, что дочь у меня только одна...

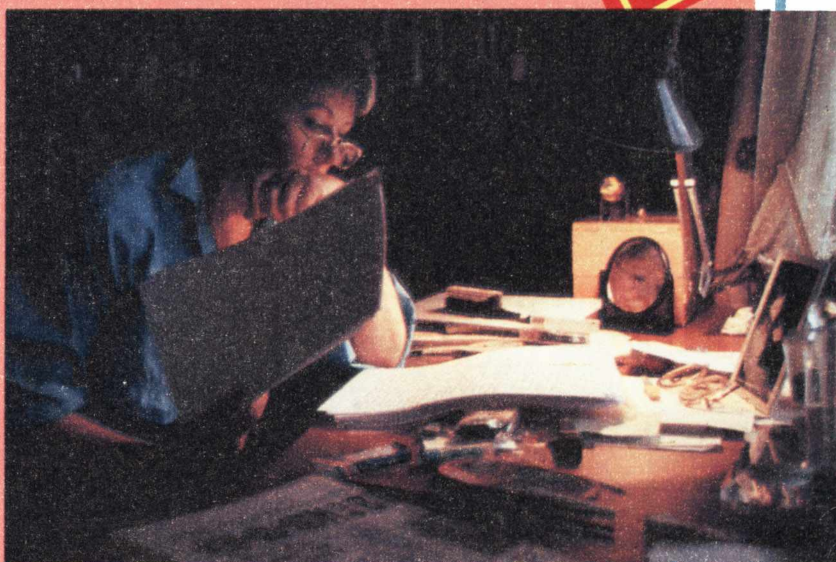

Фото
Николая ГНИСЮКА

М&Ж

Двое и дом

На этой типичной лестнице типичного старого дома на Петроградской стороне в Ленинграде несложно и ногу сломать. Впрочем, эта пара могла бы добраться сюда и на ощупь — столько лет прожито в крошечной двухкомнатной квартире с трехметровой кухней! Да, все типично, кроме самих этих людей, двух художников, чье одновременное присутствие в доме в геометрической прогрессии сгущает атмосферу творчества. Наверное, если выключить свет, видны будут электрические разряды.

Марксэн Гаухман-Свердлов — художник, блестяще реализовавшийся в стольких знаменитых фильмах, что, кажется, всё советское кино придумано им. Регина Богач — модельер, чьи замечательные костюмы уже не умещаются в доме и захватывают пространство, навязывая карнавал. Если одновременно работается эскиз и стрекочет швейная машинка — по-человечески чувствует себя только кот. После очередной, заранее неудачной попытки смахнуть на пол тяжеленную Нику,— самый престижный приз советской кинематографии, завоеванный Марксэном, кот возвращается на свое законное место — в корзину с клубками шерсти. Ей-богу «там спокойнее».

Сторонний наблюдатель не может не удивиться, как им удается работать. «Ерунда! — скажет Регина.— Придумывать можно в голове. А вообще-то главная проблема — где найти нужные нитки и все прочее, чтобы осуществить идеи». И погладит висящий на плечиках в коридоре свитер немыслимой красоты, про который только она одна знает, что там чего-то не хватает... Так бы никто не догадался.

А Марксэн вообще махнет рукой (и тут прав — за него лучше говорят сами его работы — смотрите нашу следующую вкладку в этом же номере) и расскажет байку про то, как снимается кино. Например, «Асса» с Соловьевым или его же «Черная роза — эмблема печали...». Вот тут-то и начинается наша литературная неправда, потому что больше всего Марксэн любит говорить о касках — военных касках разных стран, армий и времен. У него целая коллекция, и про каждую готова лекция, нет — поэма.

...Удивляться, наверное, стоит другому: как они умеют делать праздник?

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Фото В. ПЛОТНИКОВА

ХОТЕЛОСЬ БЫ ВЫГЛЯДЕТЬ КРАСИВО...

Беседа с писателем Александром КАБАКОВЫМ

— Вы известный мастер социального прогноза, прорицатель, который все знает про прошлое, настоящее и будущее. Может быть, поэтому журналисты, как правило, просят вас прокомментировать те или иные политические события. Но мне бы хотелось в разговоре с вами отойти от политики... Давайте поговорим... ну, скажем, о женщинах.

— Только не нужно путать меня с Вангой или Нострадамусом. Никакой я не мастер и тем более не прорицатель. Я — беллетрист, сочинитель. Выдумщик, если угодно. И все. А что касается женщин... Я к ним вообще хорошо отношусь. И еще — хотя это никак не согласуется с моими домостроевскими принципами — уважаю их мнение. Они, то есть вы, довольно тонко устроенные существа.

— Я всегда считала вас прогрессивным человеком. И вдруг — домострой!

— В Дании, например, меня сразу раскусили. Там сильное феминистское движение, а почти все журналисты, с кем я встречался,— женщины. И вот в одном интервью я был назван мужским шовинистом и консерватором.

— И, судя по всему, опровержения не последовало. Значит, это правда?

— Как вам сказать? Каковы взгляды нормального шовиниста? Тот, за кого он, лучше всех остальных. Я же не считаю, что мужчины лучше женщин. Наоборот... Просто я действительно консерватор. Я думаю, что жить нужно так, как заповедано от века. А это и есть традиционные взгляды на повседневную жизнь. Семью, быт, взаимоотношения людей — как одного, так и разных полов. И на любовь.

— Не интригуйте.

— Во-первых, я считаю, что мужчина должен содержать семью. Как вы понимаете, жизнь человека с такими убеждениями в нашей стране практически невозможна. В любом случае очень трудна. Во-вторых, мужчина несет фактическую ответственность за избранную им женщину, за ее здоровье, быт, благополучие. Но если мужчина строит материальный механизм жизни, то женщина должна заботиться, чтобы этот механизм работал.

— Но с такими взглядами прожить у нас в стране невозможно...

— Просто для меня существует некий стандарт мужчины. Стандарт женщины. Во взаимоотношениях между ними. Для меня настоящий мужчина — человек с хорошим делом в руках. По возможности не общедоступным. Он должен уметь то, что не дано другим.

— Литература — такого рода занятие?

— Бесспорно, литература — хорошая мужская профессия...

Если есть дело, не боишься свободы. Свободы всякой, в том числе и экономической. И политической. А тогда уж ты не боишься и взаимоотношений с женщиной.

— Почему многие женщины у нас в стране жалуются на отсутствие полноценных мужчин?

— По той же причине. Изначально система была построена на уравниловке в повседневной жизни (а не в возможностях, как при настоящей демократии). На равенстве малоспособных, средних, вообще неспособных с людьми, у которых есть в руках дело. Система действовала с двух сторон: выбивала индивидуальность и выдвигала толпу. И в конце концов превратила все и вся в эдакое расплывчатое говно. А поскольку мы и есть часть этой субстанции, естественно, мы плохи как мужчины. Общество уничтожало индивидуальности. Есть такие слова — несвободный несовершенен в любви. Я убежден, что система — объяснение почти всему — от постели до кухни.

— Да уж повезло нам... Просто как в анекдоте: «Это наша Родина, сынок»...

— Вероятно, я вас шокирую, но рискну сказать: боюсь, что вскоре и западные женщины столкнутся с теми же проблемами. Уже сталкиваются, пока, правда, не осознавая этого. Они ведь борются за равные права с мужчинами. Они отправляют мужчин на работу в детские сады, мужчины берут декретные отпуска для ухода за детьми и т. д. Правда, представители традиционно сильного пола не больно-то сопротивляются. Больше того, они за это ратуют. Раньше, судя по литературе, американские женщины спивались, потому что сидели дома. Но вскоре они утвердят себя в общественной жизни и будут спиваться от другого: они получат в личной жизни то, что имеют советские женщины. Можно добиться пропорционального представительства в парламенте, но с пропорциональным представительством в постели и на кухне ничего не получится. Против натуры не попрешь.

— Как вы думаете, какого пола homo soveticus, выведенный в нашей стране?

— Советского. Это существо абсолютно бесполое. В идеале. К счастью, идеал недостижим. Иначе бы выродились окончательно.

— Что для вас означает понятие «крутой мен»?

— Во-первых, мне очень нравятся эти слова. Да и явление интересное. Очень часто под маской крутизны скрывается боязнь обнаружить истинное нутро. Для меня же по-настоящему крутой — это человек, к которому эта маска приросла. Если же не получается ее сохранить до конца — хоть покончить с собой. Такой человек, думаю, должен обладать сильным эстетическим чувством. Он понимает, что, если маска спадет, он будет выглядеть некрасиво.

— Вы знаете таких людей?

— У нас в стране таких мало. Потому что у нашего человека вообще слабо развито эстетическое чувство в жизни. Откуда взять-то?

Ну, откуда у нас крутой мен, если долгие годы, генерация за генерацией, мужчины вынуждены были платить в складчину за любой стол? Ужасно некрасивая ситуация... А человек, который боится выглядеть некрасиво, первым лезет за бумажником. Как герой Бельмондо... Даже если эти деньги — последние. Или занятые.

Другой пример. Мужика застукали с бабой. Если он боится выглядеть некрасиво, не смоется и не отвернется. Это уже покруче. Но разве у нас это возможно? Ведь не жен боялись — парткома.

Вообще страх выглядеть некрасиво — могучий стимул для мужественности. Даже... даже под пытками. Но это уже другой уровень разговора.

— А вы знаете по-настоящему крутых?

— С большими или меньшими поправками. Есть люди. Стараемся.

— Для нас долгие годы олицетворением «крутого мена» был капитан Жеглов или Бельмондо...

— Мой-то любимый фильм — «Великолепная семерка». Помните там последнюю сцену? «Настоящий мужчина должен пахать землю...» Резонерская, назидательная фраза... Но что-то в ней есть. В настоящем крутом должно быть как бы отрицание, преодоление общепринятой крутизны и выход на иной уровень...

Знаете, у меня был когда-то знакомый — красивый, талантливый мужик. Зарабатывал хорошо. И у него была психически больная жена. И он с ней жил. И управлялся сам. Все делал как нужно. А ведь это вовсе не романтическая история... Мужество, порядочность. Но была в этой ситуации еще и некая мифологически-эстетическая сторона. Так что в жизни крутизна иной бывает, нежели на экране.

— Ну а себя-то вы ощущаете настоящим мужчиной?

— Я же сказал — стараемся... С другой стороны, что значит «настоящий»? При температуре 37° отдает последние распоряжения. Зубную боль воспринимает, как атомную бомбардировку. Стонет по любому поводу. Может заплакать.

— А вы можете заплакать?

— А как же! Что я, не мужчина? Правда, не от боли, хотя и не люблю ее ужасно. Я вообще сентиментальный человек. Всегда таким был, но, видимо, с возрастом это усугубляется.

— Глядя на вас, и не подумаешь.

— По сочинениям заметно — и сентиментальный, и излишне патетический иногда, и слишком романтический.

— Но вы и ироническую прозу писали.

— Это явно было поперек натуры. От стеснения, может быть. С возрастом стеснение проходит.

— А еще вы где-то писали, что все ваши сочинения — о любви...

— По-моему, вообще все, что написано, если всерьез,— о любви. Включая «Золотой ключик». А как же иначе? Не случайно ведь и любовные взаимоотношения между мужчиной и женщиной, и величайшая литературная форма называются одинаково — роман. В этом есть очень большой смысл. Во всех моих сочинениях любовь — центральная пружина, если вчитаться.

— Как вы думаете, не являются ли цитаты типа «красота спасет мир» или «в человеке все должно быть прекрасно» частью нашей совдеповской мифологии?

— Я ненавижу эти цитирования. Мерзость. Прежде чем цитировать, почитали бы... «В человеке должно быть все прекрасно, и лицо, и одежда...» Это нас за что агитируют? Чтобы умывались? Кто-нибудь из цитирующих над этими словами задумался всерьез? Нет, это цитируется в качестве рекламы модной одежды в стране, где вообще одежды нету...

— А вы следите за своей внешностью?

— ...И очень расстраиваюсь, глядя на себя в зеркало. Даже полюбил бессмертное выражение «Лучше один раз родить, чем каждый день бриться»...

— Вы, наверное, очень изменились за последние несколько лет. Стали респектабельным денди...

— Вы наблюдательны, но ошибаетесь. Я действительно уделяю внимание внешности, но это не примета последних лет. Я ведь старый стиляга. В свое время это была своеобразная форма протеста, западничество. Годы прошли, но закваска-то осталась...

— Здесь и там у вас разные стили?

— Литератору моего толка не следует выглядеть там слишком богемно. Вот и стараюсь выглядеть, как подобает между тридцатью и пятидесятью. Поэтому ношу пиджаки, галстуки, платочки... А здесь... Мы все живем как бы в военно-полевых условиях.

— То есть вы сознательно поддерживаете определенный имидж?

— Поперек имиджа работать — дурной вкус. Да и бессмысленно — все равно ничего не выйдет...

— А где вам легче живется?

— Что значит легче? Пиво ТАМ хорошее. На улицах чисто. И вообще хорошо. А жить я хочу ЗДЕСЬ. И живу.

— Странно. Ведь вы, как никто другой, знаете, что хорошим все это не кончится.

— Для жизни здесь есть много причин. Ну, допустим, мне тамошние женщины, за редким исключением (возвращаемся к началу нашего разговора), не нравятся. Зря смеетесь. Не такой уж это парадокс... Ведь женщины — это для мужчин среда обитания (собственно, так же, как и мужчины для женщин).

А кроме того, за границей мне скучно. Это изумительный санаторий для советского человека. Но ведь всю жизнь в санатории не проживешь.

— Последнее время вы, наверное, стали если не богатым, то весьма состоятельным человеком. Изменилась ли ваша жизнь?

— Вашими бы устами. Если я и перестал быть нищим, то все равно в ближайшее время большевики отберут все, что еще отобрать не успели.

Хотя, конечно, даже в нашей стране лучше иметь немного денег, чем не иметь их вообще. Можно позволить себе то, что хочется. Выпить, например, независимо от алкогольной политики правительства. Это, кстати, вредное последствие наличия денег.

— Много пьете?

— Ну... Не абстинент.

— Что тоже для нормального человека нормально...

— Ну что вы? Если брать за модель поведение американцев (а эта модель уже давно постепенно распространяется на весь мир), то они помешались на своем здоровье. Сначала они начали бегать, потом бросили курить, пить. Наше общество, как очень неблагополучное, тяготеет к самоубийству. А их, как слишком благополучное,— к самокастрации, к снижению агрессии... И еще через некоторое время у них выродится искусство. Ну какое, скажите на милость, может быть искусство без агрессивного побуждения?

— Значит, не по душе вам умеренность?

— Я не славлю такой чудовищный образ жизни, как у нас. Но и стерильность мне тоже не по душе. И вопрос здесь не в том, нравится или не нравится... Просто мне это несвойственно.

— Вопрос без перехода: почему вы не приобретаете машину?

— Любая собственность, находящаяся за пределами твоей квартиры, очень обременяет. Да и вообще собственность. У нас все против нее.

— А почему вы не бросаете журналистику? Ведь можете себе это позволить?

— Могу. Но это значительно труднее, чем бросить пить. Слишком давно занимаюсь, больше двадцати лет. Да и плохо представляю, как целый день буду сидеть дома, в халате, за письменным столом. Так ведь положено писателю? Но я не смогу столько написать...

— У вас есть кабинет?

— Я живу в двухкомнатной квартире, и кабинет у меня есть. Он же гостиная, он же спальня. Но письменный стол хороший. Старый. Купленный в добрые времена аж за 60 рублей.

— Сегодня, наверное, долгие годы до успеха вы воспринимаете как сон?

— Иногда все, происходившее со мной до перемен, кажется сном. А иногда сегодняшнюю реальность я так воспринимаю. Психологически остался в той жизни, а физиологически уже успел привыкнуть к этой. Так и живу...

—...«стараясь выглядеть красиво»?..

— Прилично. Что в принципе одно и то же.

Беседовала Анастасия НИТОЧКИНА.

Иван ЛАПТЕВ: «Я НЕ ПРИВЫК К ШЕПОТУ...»

Фото Юрия ИНЯКИНА

С председателем Совета Союза Верховного Совета СССР беседует специальный корреспондент «Огонька» Ирина ЖУРАВСКАЯ

За окном медленно пополз вниз российский флаг...

— О, съезд закончился,— удивленно заметил мой собеседник.

— Неужели выбрали председателя?

— Ну что вы, на осень, вероятно, отложили.

И опять оказался прав.

За окном — спокойный Кремль и оголтелая Москва.

Начну с цитаты: «Депутаты ведут себя очень активно, стараются побольше взять на себя, внести что-то новое. Сталкиваются различные подходы. И все это требует лишь одного — определенной координации...»

— Иван Дмитриевич, вы это говорили сразу после своего избрания на пост председателя палаты, тоже, кстати, нелегкого. Раза три голосовали... Сегодня, полтора года спустя, после изнурительной пятой сессии, у вас не изменилось ощущение?

— Тогда, говоря о координации, я, да и все мы, очевидно, едва ли представляли, насколько глубоко может пойти по депутатскому корпусу политическое размежевание. Совершенно различное понимание смысла и возможностей перемен, глубины их и темпа. Так что всеобщее согласие осталось скорее добрым пожеланием...

— Самая длинная сессия Верховного Совета закончилась. А что результаты? Вы удовлетворены, разочарованы? Осталась тревога или появилась надежда?

— Пожалуй, все вместе. Ведь это была и самая противоречивая сессия. 116 пленарных заседаний, около 250 законодательных актов. Драма вокруг Закона о въезде и выезде. Еще тяжелее, по-моему, проходили законы из «рыночного пакета». Но вспомните — не так уж плохи наши дела, если под аккомпанемент возгласов о капитализации и разграблении общенародного достояния мы все-таки сумели их принять.

— А разве заложенные в них компромиссы не начнут работать против самих законов? И разве не обгоняют союзное законодательство его республиканские партнеры? Или конкуренты?

— Ну, во-первых, я глубоко убежден, что любой закон сегодня и должен быть компромиссом. Все дело в том, чего в нем больше — стремления удержать былое или обозначить новые перспективы. Думаю, что в этом смысле законы приняты неплохие. А насчет определенного консерватизма союзного парламента я вам так скажу: когда-то, студентами, мы, прочитав письма Герцена «Об изучении природы», пришли в восторг: все основы диалектики блестяще выразил русский философ. Но профессор вовремя заметил: все так, только не забудьте, что Гегель выразил их раньше.

Союзный парламент создает, как мы говорим, правовой коридор, идя по которому, каждая республика, ее парламент сумеют найти свой вариант, сообразуясь с собственным пониманием и возможностями.

В стране, которая целую эпоху жила по постановлениям, вчера решили, что народ не пьет, завтра обсудили на партсобраниях, и все трезвые, лови пьющих — жизнь законов начинается с нуля.

— Тогда почему верховный законодатель, принимая, согласна, довольно прогрессивные по сравнению с нашим общим прошлым законы, встал в позу оппозиции, скажем, к Ново-Огареву?

— Заметьте, однако, кончилась сессия все-таки одобрением и поддержкой соглашений. Это, кстати, типичная для нынешнего парламента схема: буря и натиск сначала, спокойное и трезвое понимание в результате. Верховный Совет — это десятки депутатских групп, более 500 депутатов, а значит, столько же мнений. По отношению к заявлению 9+1 возникли сразу два течения. Первое можно выразить словами — ну наконец-то, второе — а почему мы в стороне, что с нами будет?

— Иван Дмитриевич, а в тот понедельник вы уже знали, что Павлов попросит полномочий?

— Откровенно говоря, утром, перед заседанием, я узнал, что будут выдвигаться такие требования. Но был абсолютно уверен, что это совместное предложение Кабинета и Президента. Потом, когда стало ясно, что Президент не в курсе, естественно, изумился.

Многое в этой истории до сих пор кажется мне странным. Плюс еще три наших уважаемых министра поддали жару...

— А по чьей инициативе заседал «военный совет»?

— На одном из предыдущих заседаний депутат обратился с вопросом к председателю — почему нельзя немедленно заслушать Павлова? Лукьянов объяснил, что можно, как только премьер вернется из Югославии. На что депутат с большевистской прямотой заявил: вы нас вводите в заблуждение, он приехал — слушать немедленно. Проголосовали за то, чтобы на 20 минут пригласить его в пятницу, а полное слушание назначить на понедельник. «Союз», проведя в перерыве совещание, объявил, что готов согласиться с таким предложением. Я еще, помню, позволил себе заметить, что спасибо, конечно, депутатской группе за согласие с парламентом, непонятно только, кто при ком и какой смысл вновь без конца дергать правительство. Тем не менее было слушание и в пятницу, и всем известное в понедельник. Требование депутатов пригласить трех министров тоже звучало еще в пятницу. Провести эти слушания закрыто решали голосованием.

Так получилось, что вести закрытое заседание пришлось мне — Лукьянов и Нишанов были в Ново-Огареве. Честно говоря, меня все время не покидало ощущение, будто я чего-то не улавливаю, будто присутствую при действии, смысл которого мне не ясен. Это, знаете ли, не самое приятное ощущение. Тем более видишь, как разворачивается крутая полемика и уже явственно стремление многих депутатов — проголосовать немедленно, принять решение... Непросто. Но ведь и на этот раз Верховный Совет устоял, не позволил превратить себя в еще один «исторический внеочередной пленум», защитил и Президента, и его прерогативы.

— Этот странный день имел не менее странное продолжение. Стенограмму выступлений опубликовала «Политика», орган нерушимого «Союза», и архиосведомленный Невзоров любезно предоставил нам возможность послушать первого чекиста страны с кассеты своего магнитофона. Представляю скандал, который разразился бы в любой нормальной стране после разглашения информации о закрытых парламентских слушаниях. У нас ничего. Пошутили ребята...

— Обнародование материалов таким образом произвело на меня просто угнетающее впечатление. Отвратительный факт. Кто-то втихую ведет запись, выносит пленки — ну недостойно же это!.. У нас был разговор с председателем, что надо бы обсудить этот вопрос, возможно, назначить депутатское расследование. Наказание здесь ведь одно может быть — предание гласности. Дальше уж право избирателей дать оценку своему депутату. Но, как часто бывает, запутались с делами, не успели...

— А как складываются у вас отношения с председателем? Депутат Мурашов как-то назвал Лукьянова директором Верховного Совета, похоже?

— Я не люблю ярлыков, хотя знаю склонность к ним родной прессы. Все гораздо сложнее. Мы познакомились с Анатолием Ивановичем еще в 76-м. С тех пор сталкивались в разных ситуациях, по разным вопросам сотрудничали. Но отношения всегда были достаточно ровными. Да и сейчас, несмотря на то, что больше как-то появляется у нас несовпадений во мнениях, думаю, все же таковыми остаются. Человек он, безусловно, твердый, властный — ему удается, как видите, дирижировать в зале, он умеет создать определенное настроение. У каждого свой стиль. Не надо забывать, что ему приходится иметь дело не только с депутатами, еще и с 1200 сотрудниками аппарата.

— Последние события кое-кого заставили усомниться в твердом союзе председатель — Президент. Или показалось?

— Говорят, домыслы на этом уровне строить не рекомендуется. Надо что-то знать. Я бы так сказал — дружба в политике или в науке — понятие относительное, истина дороже. Но нравственность политике необходима, и мы к этому, уверен, подходим. Так что могут диаметрально расходиться позиции, суждения, но понятие нравственных отношений между политиками и давними знакомыми любому конфликту, уверен, должны придать открытый, честный характер. Все остальное из области фантазий.

— Незадолго до окончания сессии депутат Филиппов сложил свои полномочия, не желая оставаться в таком парламенте. Как вы относитесь к довольно популярной в последние месяцы идее самороспуска или роспуска парламента?

— Отрицательно. Да, нужно скорее принять Союзный договор, скорее выработать новую Конституцию, новый избирательный закон и объявить выборы. И я не думаю, что кто-то из наших коллег должен цепляться за свой мандат ради досиживания срока. Но роспуск сейчас будет ошибкой. Парламент обязан создать нормальный правовой задел для преемника.

— Но ведь это мы уже проходили. Прежний состав Верховного Совета принял многострадальный Закон о выборах, а теперь нынешний будет вырабатывать Конституцию...

— Но вспомните, что прежний состав принял по тому времени революционный закон. И самое спорное не в этом. Вы уверены, что, распустив этот состав и назначив новые выборы на сегодня, завтра-послезавтра, мы обнаружим в этом зале депутатов более прогрессивных, смелых, демократичных? После того как опомнились власти предержащие, после того как адаптировались к новым условиям старые структуры, мы можем получить совсем не тот состав ВС, на который рассчитывают товарищи, поднимая флаг досрочных перевыборов.

И еще один щекотливый момент. Если Верховный Совет прекращает свою деятельность неконституционно, то есть просто исчезает с политической арены, вместе с ним исчезает и функция единственного контролера за исполнительной властью. А при всем к ней уважении в этой яростной сшибке сил оставить ее без контроля было бы крайне опасно.

— Вы давно знакомы с Президентом? Близко знакомы?

— Не так давно и никогда не смогу сказать, что близко. Удивительное дело, но я даже ни разу не был в его кабинете один на один. Мы знакомы с 84-го года. Именно он вел тот Секретариат ЦК, на котором по соответствующей традиции меня утверждали главным редактором «Известий». И там, и на Политбюро под председа-

тельством Черненко он говорил довольно теплые слова в мой адрес. Вскоре произошел один эпизод, который многое открыл мне в будущем Президенте. Когда я пришел в «Известия», там уже несколько месяцев лежала статья «Расплата» — о нашумевшей тогда истории Елисеевского магазина и его директора. Ситуация странная: операцию проводило КГБ, в подготовке материала принимали участие его представители, а вот поди ж ты — напечатать не удается. Умер Андропов, обстановка, если помните, резко изменилась. Честно говоря, я тогда еще не представлял себе, какие этажи власти затрагивало разоблачение Соколова. По наивности, наверное, решил все-таки попробовать. После одного из совещаний подошел к Горбачеву: вся страна, говорю, раздирается слухами, что Соколов оправдан, отпущен, вот телеграмма из Владивостока, сообщают, что видели его на свободе, а у нас материал лежит. Надо бы опубликовать. Он так прищурился — Соколов, да? Елисеевский магазин? Он-то хорошо знал, какие связи обнаружило расследование. Спросил только — все точно там у вас? Могу, говорю, поручиться. Компетентные органы проверили. «Ну давай!» Мы опубликовали.

Что тут началось, с высоты сегодняшнего дня не представить. У меня разрывался телефон: «Столицу опозорили, столкнули Москву с Ленинградом!» (в номере был положительный материал оттуда). Сам Виктор Васильевич Гришин лично изволили гневаться. А подтекст у каждого звонка один: это кто ж тебе такое разрешил? Как, говорю, кто — я главный редактор, имею право подписать в печать любой материал. Шутка такая была — главный редактор может подписать любой материал, но однажды. Три дня шло давление по нарастающей, а потом словно кнопочку нажали. Тишина. Позже от помощников Черненко узнал, что вопрос был и ему доложен — мол, не того человека на «Известия» поставили. Да он уже, видно, в тяжелом состоянии был, отнесся равнодушно — только поставили и сразу снимать?

Самое удивительное, те же люди потом звонили снова, чтобы сказать: мы тебя всегда поддержим, можешь рассчитывать. Замечательное времечко.

— Все попытки разобраться в портрете Президента, как правило, упираются в один вопрос: порой непредсказуемая тактика Горбачева — это что — высокая стратегия и тонкий расчет или спонтанная реакция уставшего человека, раздираемого внутренними и внешними противоречиями? Вы тоже задавали себе этот вопрос?

— Иногда. Но, по моим наблюдениям, верно и то, и другое. Мне кажется, он очень тонкокожий человек, весьма остро реагирующий на внешние воздействия. Порой излишне обидчив, но я это объясняю скорей усталостью — он измотан, задерган. И может, еще не скоро, но люди оценят, какого масштаба была предпринятая им в 85-м попытка повернуть страну... Оценят вне зависимости от того, удачной она окажется или нет. Однако при всех своих слабостях он обладает завидным для меня качеством: никогда, даже в самых трудных ситуациях, где вроде критическая точка кипения уже достигнута, он не позволяет эмоциям полностью овладеть собой. Как бы на первый, сторонний взгляд это ни выглядело. По моим представлениям, подавляющее количество шагов Горбачева — точные и рассчитанные шаги (не всегда, впрочем, совпадающие с расчетами, которых от него ждут). И они укладываются в определенную стратегию. Но в последние полтора года, по-моему, Горбачев стал слишком много внимания уделять тактике. А в этом случае она уже способна подменить собой и стратегию, что довольно опасно. Хотя, я надеюсь, это временно, серьезный выбор все-таки сделан, и Горбачев снова Горбачев.

Многое в недовольстве Президентом проистекает оттого, что невольно его действия примеряют к обществу до 85-го года. Когда можно было стукнуть кулаком, послать пару полков и произвести впечатление решительного человека. Нет больше такого общества. И не дай Бог, чтобы было снова.

— Пожалуй, сегодня самая крутая критика генсека и Президента доносится из партийных рядов. Не проще ли было и для Горбачева, и для ЦК оформить развод?

— Вы задаете этот вопрос, потому что вряд ли представляете себе, что такое партийные структуры. Я напомню вам маленький эпизод из новейшей отечественной истории. Когда после смерти Сталина шло распределение власти, всемогущие Берия и Маленков отдали как бы незначительный пост первого секретаря Хрущеву. Чем кончилось, известно. Вы мне возразите, что 6-я статья Конституции отменена, и времена не те? Но отменить де-юре не значит ликвидировать де-факто. Почти все партийные структуры, уверяю вас, в сохранности и очень быстро способны наполниться прежним «живительным» содержанием. Мы говорим — партаппарат, словно забывая, что его брат-близнец госаппарат суть то же самое, из той же кузницы кадров. Когда с высших партийных трибун раздаются призывы выйти из окопов, вновь овладеть ситуацией, речь ведь идет не о том, чтобы обрести новую степень доверия в народе или парламентским путем, через своих депутатов, влиять на законодательный процесс. Это призыв включить прежние рычаги непосредственного влияния на экономику, политику, рычаги, ни праву, ни Конституции неподвластные. И включаются — почитайте интервью с председателем Волгоградского облсовета Махарадзе в «Известиях»: кому все еще принадлежит власть на местах, вспомните, как отчитываются перед Секретариатом ЦК руководители МВД, МО и КГБ! Могут, конечно, держать личный отчет как коммунисты, но если обсуждается деятельность подведомственных им министерств — это уже нарушение Конституции.

И в этой специфической ситуации далеко не правового государства Горбачев должен был оставаться Генеральным секретарем КПСС, дабы не обрести в лице партии, пока еще обладающей реальной властью в стране, мощной оппозиции. Пока же, как ни крути, принцип демократического централизма и партийной дисциплины во многом сдерживает эту опасность. Хотя, может быть, наступило время и тут принять решение.

— Большой резонанс, как писали газеты, получило ваше заявление о том, что вы приняли решение безотносительно к своей деятельности в парламенте и членству в КПСС примкнуть к Движению демократических реформ. Думаю, для людей, знавших вас раньше, подобное заявление было не слишком неожиданным. А для вас самого?

— Естественно, это решение не одного дня или даже бессонной ночи. Почти всех людей, подписавших Заявление, я знаю давно и хорошо. Мы встречались, беседовали — накоротке и основательно. За эти годы наши беседы, как и у всех, наверное, проходили через пики воодушевления и надежд, через провалы черного настроения и тяжелых оценок. Но в последнее время мы подошли к главному: есть большая опасность упустить шанс, который открылся для страны в 85-м. Да, в борьбе за его осуществление за шесть лет мы понесли большие потери — в организации хозяйства, в снабжении населения, в финансово-кредитных отношениях. Но есть и достижения — прежде всего в области гуманитарной, в политике. Ко многим из них мы привыкли настолько, что и говорить-то вроде уже неудобно. В нормальном обществе это должно быть как воздух.

Так вот, сейчас мы наконец подошли к самому главному. К экономическому реформированию страны. И тут началось! И сопротивление не заставило себя ждать, вздыбилось мгновенно. Оно было и раньше, когда создавались новые партии и независимые профсоюзы, когда реформировалась политическая структура. Но будет во сто крат яростней. Все давешние политические дискуссии, дебаты и схватки нам покажутся милыми и безобидными. Вспомните, еще лет 25—30 назад Джилас в своей книге «Новый класс» блестяще сформулировал суть интересов правящей бюрократии: новый класс привык распоряжаться государственной собственностью, как своей, а относиться к ней, как к чужой. И это серьезно, этими «принципами» просто так действительно не поступаются...

Исходя из анализа нынешней ситуации авторы известного стране заявления и приняли решение создать Движение демократических реформ, которое должно стать силой, способной содействовать реформам и защитить их на основе закона, Конституции, согласия.

Я знал, что состоялась такая встреча, была дискуссия. К сожалению, сам не мог участвовать, был занят, но, честно говоря, Заявления так быстро не ждал. Когда же его обнародовали, еще раз все для себя взвесил и, несмотря на то, что понимал, сколь неоднозначной может быть реакция, сделал и свой выбор.

— А председатель Верховного Совета знал об этом вашем решении? Вы должны были ему сообщить до выхода на трибуну, или как это делается?

— Как это делается, ей-Богу, не знаю. Могу сказать, как сделал я. Мне не хотелось, чтобы об этом шаге депутаты Верховного Совета, нашей палаты узнали как-то стороной — не привык к закулисному шепоту. До заседания я не ставил в известность ни председателя, ни тем более Президента. Были, конечно, попытки некоторых депутатов после моего выступления превратить сессию в собрание с подробностями, но в целом депутаты, по-моему, отнеслись с пониманием.

С Президентом мы встречались на следующий день и потом не раз, он ничего не сказал — вряд ли сие должно его как-то затрагивать. Анатолий Иванович тоже ничем не обнаружил своего отношения, и, думаю, вполне закономерно.

Один только из секретарей ЦК, с которым мы вместе на следующий день шагали по Ивановской площади во Дворец съездов, где Б. Н. Ельцин принимал присягу, не удержавшись, заметил: я что-то не понял смысла вашего вчерашнего выступления. Странно, отвечаю. В стране, которая провозгласила основным направлением своей политики реформы, заявление в пользу реформ не могло содержать ничего непонятного. На том и разошлись. Хотя я знаю, что в некоторых аппаратных кругах идут по этому поводу густые разговоры.

— Иван Дмитриевич, а не боитесь, что опять не получится? Как-то все худо у демократов с объединением. Год назад Демплатформа уже пыталась... А нынешний российский съезд вообще оставил избирателям лишь замечательную возможность прокричать в телефон или отстучать телеграмму — они там что, над нами издеваются?

— Что скажешь? Извечная болезнь российской интеллигенции. Все сделать немедленно, а результат получить еще вчера и непременно на уровне открытия. То, что политические партии возникают быстро и большим числом, это нормально. После одномерной политической системы эйфория плюрализма понятна. Но вот то, что они возникают как силы, противодействующие одна другой, причем в основном не по принципиальным позициям (хотя есть и такие), а по каким-то мелким расхождениям в словах названия, в оценке той или иной личности,— это симптом опасный. С такими движениями легко справиться. А кому справиться, уверяю вас, всегда найдется. Не надо обольщаться. Чего стоит «лестница» Сталина, который к 37-му прошел через пять-шесть коалиций, уничтожив всех противников и сподвижников!

Беда наша в том, что опыт самостоятельной политической деятельности очень невелик. И если в странах с богатой парламентской культурой этот опыт состоит из опыта соглашений и компромиссов тех, разумеется, сил, что в главном направлении сходятся, у нас — наоборот. Весь опыт во взаимном противодействии. Если мы не найдем пути к согласию, то истинным противникам обновления останется лишь одно — сесть на берегу и спокойно ждать, пока борцы за реформы друг друга не доконают вместе с реформами. Альтернативой этой «заманчивой» перспективе может и обязано стать Движение демократических реформ, открытое для всех партий и течений. Не случайно оно вызвало такой широкий отклик и мощную с первых же дней поддержку. В сущности, как ни полемизируй, есть в обществе две позиции — за обновление и против. Все остальное не суть важно. Если не поймем, будем как в боярской думе рвать бороды друг другу за места поближе к царским дверям...

— И еще одна цитата: «Поверьте, я не в претензии к вам и не собираюсь никому навязывать свои оценки и подходы. Но почти шестилетняя, изо дня в день в работе в «Известиях», борьба за то, чтобы собрать наиболее ярких, талантливых, пусть не всегда «удобных» людей, за то, чтобы создать атмосферу прямоты, открытости, отсутствия страха, за то, чтобы искоренить стукачество,— все это дает мне право обратиться к вам с просьбой: отзовите свое представление на освобождение т. Голембиовского».

Это ваше январское письмо Н. И. Ефимову, уже не секрет, было зачитано на собрании редакции. Прошло еще полгода, и «Известия» накрыла новая волна шторма. Журналистская Москва в свое время с грустью наблюдала за вашим избранием в парламенте: что будет с газетой? — и, выходит, не зря. А вы сами жалеете сегодня, что покинули редакцию?

— Даже «жалею» — это не то слово... Тогда, уходя, я считал, что все нормально — коллектив прекрасный, слаженный, талантливый. А как работали, господи! Я приходил в редакцию полдевятого и слышал: уже кто-то стучит на машинке, уходил в десять вечера и видел — горит свет, люди работают. Хотя первое, что я сделал,— отменил всякие игры в дисциплину. Никакого регламента, кроме технологического. Единственное, что требуется,— быть в нужное время с нужным материалом нужного качества.

— Вас ведь когда-то тоже назначили «сверху», и некоторая настороженность в коллективе тоже, наверное, была?

— Да, по-моему, до первой планерки. Кстати, перед моим назначением коллектив боролся за то, чтобы утвердить главным Н. И. Ефимова. Любопытная ситуация...

И вот сегодня... Я вынужден, стараюсь немного отстраниться от конфликта, потому что чувствую и свою ответственность за происходящее. Я тоже причастен к назначению главного редактора. Он был прекрасным первым замом, и я искренне радовался его возвращению в газету, сам звонил ему с просьбой принять предложение, не сопротивляться... И вдруг — этот страшный, гигантский разлом в редакции. Я не могу постичь смысла того, что происходит. Если это попытка изменить политический курс газеты, ее линию — то ради чего? «Известия», как не раз отмечалось, всегда стояли на позициях обновления общества, адекватно отражали политику Президента. Значит, новый курс вступит с ней в противоречие? Или просто «Известия» — тот бастион, не взяв который не снести остальные?

— Газета «Гласность», пристально

контролируя ситуацию в «Известиях», одну из публикаций завершила пассажем от редакции, что и В. Н. Севрука на должность главного редактора «Недели» рекомендовал сам Лаптев. Это правда?

— Ну, говорят даже, что я-то и привел его за ручку в «Известия». Вообще-то эти разговоры должен был опровергнуть сам Владимир Николаевич, но, видимо, ему некогда. Хотя как на духу признаюсь: вот в такой, как этот, кабинет меня вызвал Вадим Андреевич Медведев и в присутствии Александра Семеновича Капто, едва поздоровавшись, сообщил, что «есть мнение направить первым заместителем в «Известия» Севрука». Я, помнится, прямо спросил: вы что, контроль за мной устанавливаете или пересидеть товарищу надо перед новым назначением? Меня «утешили» — загружай работой и не противься. 6-ю статью тогда еще никто не отменял...

Так пришел к нам Владимир Николаевич. И хотя ситуация в редакции несколько осложнилась, конфликта не произошло. Наш слаженный механизм сбить не удалось. Да и я сидел в редакции безвылазно, редкая строка, не прочитанная мною, могла появиться в газете.

Потому и считал: будет главным известный коллективу Ефимов, будет такой мощный у него первый зам., как Голембиовский, пользующийся огромным доверием в коллективе, готовый руководитель — он займется газетой. С Севруком тоже придумали, по-моему, неплохо. И на Президиуме обсудили — ему передадут кураторство еженедельников.

Что касается нынешнего решения о его назначении главным редактором «Недели», так же, как и Мамлеева первым заместителем в «Известия»,— это абсолютно незаконное решение. И консультации с юристами меня в этом вполне убедили. Эти передвижения даже для меня, члена Президиума, были совершенно неожиданны. Я увидел письмо Н. И. Ефимова о назначениях, на котором уже стояла подпись Президента, свидетельствующая о том, что он с документом ознакомлен, правда, не выражающая никакого к нему отношения. Это дало, вероятно, возможность и в редакции, и здесь, в Президиуме, трактовать ее как одобрение и провести все назначения таким оригинальным способом. Оригинальным по отношению к коллективу, к Президиуму ВС, который является учредителем «Известий», и главное — к закону. Думаю, что и Президент, и Председатель ВС пока не совсем адекватно оценивают результаты этих решений, что я и пытался несколько раз доказать.

— Что будет дальше? Вы надеетесь, что «Известия» выстоят?

— Что я могу сказать, если даже не знаю, о чем идет сейчас разговор известинцев с Анатолием Ивановичем? Коллектив, правда, пригласил и меня, вот лежит телеграмма — но видно, председатель посчитал необходимым встретиться с журналистами наедине... Что я могу сказать, если каждый раз, когда кто-то из ребят говорит мне — все, ухожу, больше не выдержу,— только умоляя его остаться, вспомнить, как начинали, как работали, все вспомнить и потерпеть, подождать ради газеты, ради ее читателя. Что я могу сказать, если все делается шепотом, недомолвками... Если слышу уже рассуждения о том, что, мол, тираж для газеты не важен, бумага дорожает — меньше убытков. Были, знаете, и раньше редакторы, которые уверяли, что тиражи сокращают специально, ибо в стране не хватает бумаги. Но когда это говорят сегодня, и об «Известиях»,— мне стыдно. Я уже давно не позволяю себе заезжать в редакцию, не хочу вызывать кривотолков, но это родной дом для меня, и невыносимо представить, что настанет момент, когда мне не захочется туда вернуться.

Что будет дальше? Задайте мне вопрос полегче.

Секрет улучшения жизни

Пять лет прошло с тех пор, как редколлегия журнала «Огонек» утвердила персональные премии отличившимся — хирургу, научному сотруднику и медсестре межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» и переходящий приз журнала лучшему из его филиалов. Тогда комплекс переходил на хозрасчет, а его филиалы только строились.

Сегодня семитысячный трудовой коллектив МНТК «Микрохирургия глаза» — один из крупнейших арендаторов страны, а его генеральный директор, член-корреспондент АН СССР С. Н. Федоров избран президентом Союза российских арендаторов. «Технология улучшения жизни — труд,— сказал он на прошедшем в мае съезде арендаторов и предпринимателей.— А труд производителен тогда, когда человек владеет собственностью». Аренда позволяет за счет фондов развития наращивать коллективную собственность. Что это дает для дела, видно по итогам работы самого комплекса: в прошлом 1990 году было сделано 282 555 сложнейших реконструктивных операций глаза, что на восемьдесят тысяч больше, чем в предшествующем, 1989 году. Почти в два раза возросло количество больных, прошедших обследование и получивших консультацию в головном институте.

Лучшим из филиалов строгое жюри признало нынче Чебоксарский. И это знаменательно. Чебоксары — своего рода стартовая площадка С. Н. Федорова. Именно в этом городе тридцатидвухлетний исследователь совершил первую в своей жизни операцию по имплантации хрусталика. Однако, столкнувшись с рутинерством, вынужден был ретироваться оттуда. И разве не замечательно, что спустя годы именно здесь по заказу профессора Федорова, ставшего известным ученым, машиностроители разработают и построят необходимое оборудование — автоматизированные «линии прозрения», превзошедшие импортные. А потом генеральный директор МНТК будет открывать в Чебоксарах первый из двенадцати филиалов.

Ныне чебоксарцы превзошли краснодарских, ленинградских и всех остальных своих соперников по всем статьям. За прошлый год здесь были избавлены от слепоты и улучшили зрение 26 тысяч нуждавшихся в этом. Здесь была оказана помощь восьмидесяти пациентам из Турции, Болгарии, Италии и других стран. Валютные поступления позволили чебоксарцам приобрести аргоновый лазер фирмы «Оптон», покупать диагностическое оборудование, инструменты. Большие перемены произошли и в непроизводственной жизни коллектива. Создана база отдыха на берегу Волги, есть охотничьи угодья, своя пасека. Строятся жилой дом, несколько десятков коттеджей. Поистине труд тут стал технологией улучшения жизни!

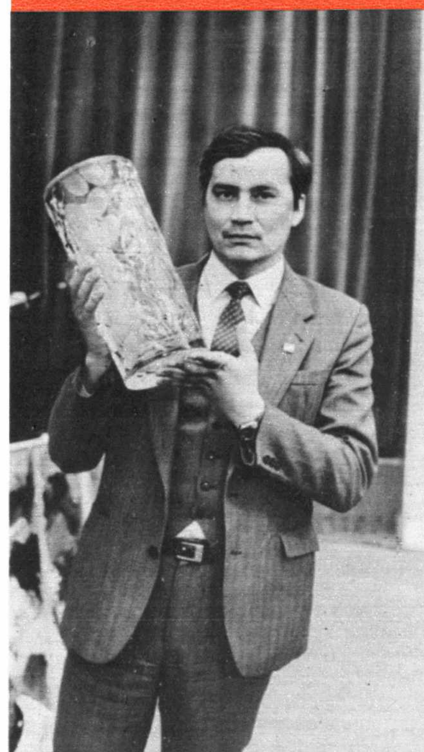
Растут и заработки. Медсестра поликлиники института, к примеру, получает 400—450 рублей в месяц. А у И. В. Майоровой, удостоенной по итогам 1990 года премии «Огонька», он еще выше. Ирина Владимировна — бригадир «Ромашки», одного из диагностических конвейеров. Она окончила курсы оптометристов, подбирает и выписывает рецепты для очков.

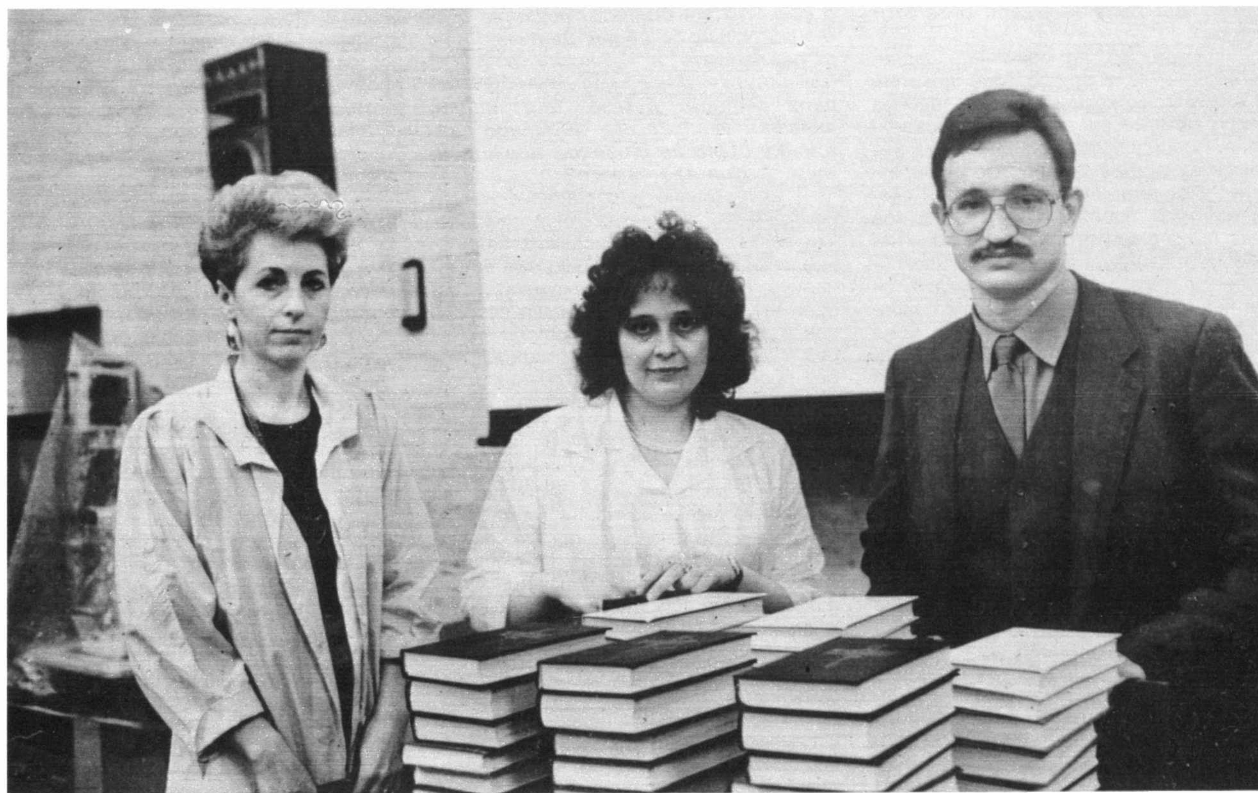
Лауреатами «Огонька» стали также Н. П. Пряхина и А. П. Стромаков. Наталия Петровна — хирург, на ее счету 796 сложнейших операций за год. Заведуя отделением оптико-реконструктивной хирургии глаза, она самоотверженно выхаживает своих больных после операции.

Александру Стромакову, молодому специалисту лаборатории медико-физических исследований головного института, всего 27 лет. Но он уже автор нескольких приоритетных разработок и изобретений, признанных за рубежом. Одна из его разработок — система магнитной стимуляции, позволяющая лечить такое тяжкое заболевание, как атрофия зрительного нерва. Целебное воздействие этого метода лечения уже испытали на себе свыше трех тысяч пациентов.

Недавно на традиционной конференции в МНТК И. В. Майоровой, Н. П. Пряхиной и А. П. Стромакову были вручены почетные дипломы лауреатов «Огонька» 1990 года и комплекты литературных приложений к журналу.

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Ирина
ПЕТРОВСКАЯ

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

УХОДЯ ИЗ ЗАБОЯ

Давайте негромко,
Давайте вполголоса,
Давайте простимся светло.
Юлий КИМ

Он простился с нами в ночь на 30 июня. «Мы уходим»,— сказал Молчанов. И объяснил — просто и коротко — почему.

Молчанов не захотел становиться Молчалиным... На эту тему можно долго и натужно каламбурить. Не хочется...

«С чем и с кем еще простимся мы в наступившем году?» — задавала я в общем-то риторический вопрос в статье «Возвращенец» (о приходе на ЦТ Л. Кравченко — «Огонек» № 6). К тому времени — февраль — еще шла мощная атака на Авторское телевидение, уже был закрыт (обещали на время, оказалось, навсегда) «Взгляд».

ТСН не закрыли, только вместо блистательной, непокорной Митковой запихнули в кадр, под сорванную с прежней команды «шапку», бывшую диспетчершу дикторского отдела. «Здравствуйте»,— говорит она голосом, надтреснутым в диспетчерских перепалках. «До свидания»,— хочется немедленно ответить ей.

Юноши, заменившие Ростова и Киселева, хоть и не из администраторов, но совершенно одинаковы в своей безликости — ну просто близнецы-братья! Надежда «президентского» ТВ...

Юрия Ростова и Александра Гурнова мы видим на втором канале, в информационной программе Российского ТВ «Вести». Татьяна Миткова и Дмитрий Киселев — ныне «фри лэнс», вольные стрелки. В информационной службе Российского ТВ посчитали, что ведущих и без них много. А в другое объединение Миткова и Киселев сами не пошли. На Российском ТВ их профессионализм оказался не востребован — снова, как и на кравченковском ТВ, побеждают непонятные амбиции и ревниво-тщеславные интересы. Конечно, журналисты такого класса, как Миткова и Киселев, на улице не остались: их немедленно «ангажировали» богатые и щедрые к талантам иностранные телекомпании.

И вот теперь ушел Молчанов с командой прекрасных и честных журналистов. Ушел сам, благородно упредив сцену грубого развода с «фирмой». Ушел, в отличие от многих ранее изгнанных коллег,— простившись, оставив пусть крохотную, но надежду, что будет встреча впереди. Ушел под песню Высоцкого: «Я, конечно, вернусь — не пройдет и полгода». Впрочем, в той же песне есть и другие слова: «Возвращаются все — кроме тех, кто нужней...»

А он нужен нам, Молчанов, с его элитарной, демократичной, блестящей программой! Именно он — поначалу немного раздражавший, казалось, манерностью, казалось, нарочитостью экранного образа. С непривычки к интеллигентному облику человека на экране такое могло показаться, с непривычки к настоящей, богатой словами и оттенками русской речи...

Его манеру пародировали, а он от этого не становился смешным.

У нас на глазах за четыре с половиной года жизни на экране он стал совсем седым, а ему всего сорок.

За четыре с половиной года не было ни одной не то что провальной — неудачной передачи. Ни разу ее создателям не изменил вкус. Они не гнались за дешевыми сенсациями и «жареными» фактами. И при этом практически в каждом выпуске их программы была своя, настоящая сенсация и были потрясающие по силе и достоверности факты, сюжеты, интервью.

Давайте поименно вспомним тех, кто четыре с половиной года делал лучшую на советском телевидении, а может быть, и за всю историю советского телевидения программу.

Ирина Зайцева, открывавшая для нас закрытые прежде темы, элегантная, деликатная, уверенная в себе. Благодаря ей мы познакомились с жизнью современных монахинь; увидели чудовищные будни обитателей спецпсихушек, узнали о трагедии тех, с кем природа сыграла злую шутку: наградив физическими признаками одного пола, заставила считать себя представителем пола противоположного.

Александра Ливанская, Сашенька Ливанская — в меру насмешливая, немножко наивная. Она открыла для нас целый мир — жизнь и нравы российской провинции. Она видела свежим взглядом то, к чему привыкли сами провинциалы. Иногда после ее ироничных и добрых репортажей хотелось бросить все к черту и уехать в Урюпинск.

Алексей Денисов, молодой, как-то старорежимно грассирующий человек, из программы в программу воссоздавал настоящую, полную драм и трагедий историю страны, отыскивал редкостные кадры хроники.

А еще Владимир Андриевский с замечательным «Каналом для полуночников». А еще Владимир Давыденко, композитор и бессменный музыкальный редактор «До и после полуночи»...

Команда.

Они ушли. Ушли достойно, показав последнюю, самую неожиданную и, быть может, самую блестящую свою работу — фильм «Забой». Они, снобы в представлении иных мнительных зрителей, спустились в шахты Донбасса, они, элита тележурналистики, показали чудовищный труд и не менее чудовищный быт элиты рабочего класса — шахтеров. Они донесли до зрителей свое потрясение открывшейся им бездной человеческого страдания и унижения. Донесли до нас — и ушли, ушли, не в силах больше терпеть унижения в собственном забое. У каждого из нас — свой забой. И вся жизнь наша — забой. Страшная эта метафора обернулась погибельной реальностью для трех десятков горняков шахты «Южно-Донбасская», простившихся с жизнью в тот самый вечер, 29 июня, когда мы прощались с Молчановым.

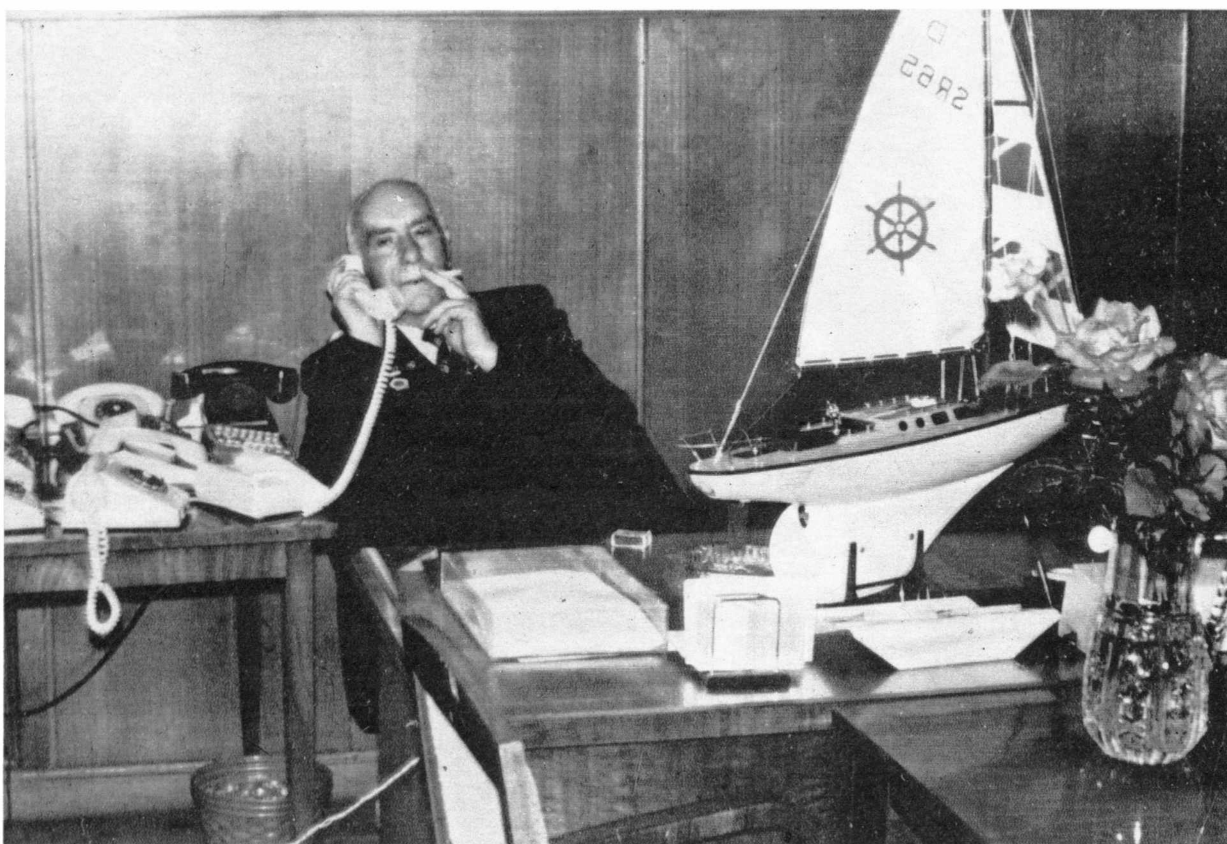
Слава Богу, что мы не увидим «обновленной» подобно ТСН «До и после полуночи». Не решится, верится, ТВ-диктатор, наделенный чрезвычайными полномочиями, посадить на место Молчанова очередного диспетчера. Не решится и ни один из оставшихся в Останкине журналистов занять освободившееся место — слишком очевидно для каждого: не по Сеньке будет эта шапка.

«С чем и с кем еще простимся мы?» — спрашиваю я снова. И отвечаю тут же: да простились уже со всеми, кто был нами любим, кому мы верили, кого ждали каждый вечер, или каждую неделю, или раз в месяц — и до, и после полуночи (имена горстки уцелевших, последних из могикан не хочу подсказывать тем, кто творит сегодня останкинский «беспредел»). Период гласности, честности, профессионализма и интеллигентности на ЦТ окончательно завершен. Уход Молчанова и его команды поставил жирную точку, вернее, восклицательный знак.

...Но давайте не будем уж очень печалиться, ведь теперь мы знаем, что они есть: Татьяна Миткова и Дмитрий Киселев, Владимир Познер и Владимир Молчанов.

Владимир Кириллович... Вы замечали, как вкусно произносили это имя и отчество многие молчановские собеседники? Он был для них (и для нас) не просто блестящим журналистом — он был символом русского интеллигента, чудом сохранившегося в Советской России.

Почему был? Он есть, есть, слава тебе, Господи, и он, конечно, придет — не пройдет и полгода.

КУРС — В ЗЕНИТ!

Ярослав ГОЛОВАНОВ

Гвардия пионеров космонавтики... Уходят в небытие один за другим. Первым ушел Первый — Королев. За ним Келдыш, Пилюгин, Рязанский, Глушко. Уходят из жизни в историю, рассекречиваются в гробах. Недавно не стало еще одного из шестерки Главных Конструкторов, из того самого легендарного Совета Главных, который стоял у руля нашей космонавтики в самые ее золотые годы: не стало Виктора Ивановича Кузнецова.

Когда в грохоте и пламени космического старта ракета рвется в зенит, а затем, плавно разворачиваясь — в хорошую погоду отлично видно,— ложится на курс, движения ее так просты и естественны, что кажется: другими они и быть не могут...

— Могут. К сожалению, могут... И бывали не раз.— Он стоял, засунув руки в карманы старой, чуть ли не военных времен, кожаной куртки и, говоря это, не обернулся ко мне, смотрел на ракету...

Взявши на вооружение некий принцип, скажем, принцип действия паровой машины, цивилизация начинает его обкатывать, шлифовать, старается приспособить ко все более широкому кругу своих потребностей. Принцип волчка был известен с незапамятных времен: если волчок раскрутить, он с удивительным упорством стремится сохранить положение своей оси, сопротивляется всякому отклонению. Ну и что? Кому и зачем это нужно? Игрушка, она и есть игрушка... Гироскоп построил еще в 1852 году Жан Бернар Леон Фуко, тот самый, который прославился своим маятником, показывающим, что Земля действительно вращается. Но для того, чтобы пройти путь от гироскопа до гирокомпаса, потребовались десятки лет, тысячи погубленных кораблей, сотни человеческих жизней. В детской игрушке таился высокий смысл, описание ее природы требовало знания вершинных областей математики, а создание на ее основе аппаратуры — дьявольской изобретательности, чистоты и точности, которых прежнее, механическое производство не знало и даже не догадывалось, что такое может быть.

И электромонтер Виктор Кузнецов тоже обо всем этом не знал. И что новая эта область науки и техники станет его судьбой — тоже не догадывался.

Кузнецов — самая распространенная в России фамилия, как в Америке самая распространенная Смит — тоже «кузнец». Оттого, наверное, что кузнецовы дети — потомки очень деятельных, энергичных людей, живущих на планете. Наш Кузнецов корнями был из-под Каширы. Дед пришел в Москву в конце прошлого века и пристал к суконной торговле. Отец, наследуя занятие, стал было счетоводом в оптовом магазине, но заболел туберкулезом и отправлен был в киргизские степи на кумыс, где подружился со студентами Петровской академии, ныне Тимирязевки. Они убедили его, что при слабом здоровье полезнее всего трудиться на земле, и помогли сдать экстерном экзамены в академию. Так что Виктор Иванович родился в семье студента.

Отец был человеком непоседливым и талантливым. В Гаспре поднимал Советскую власть. Потом на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в 1923 году заведовал павильоном промыслов и охоты и чуть не остался в Москве, прельстившись экзотической должностью директора зоопарка. Потом уехал в Боровичи, в Новгородскую губернию, занялся промкооперацией. Сын ездил с ним, подрастал и постигал мир.

Исторический термин «индустриализация» для Кузнецова был просто годами юности. В Боровичах поднимался огромный, один из крупнейших в Европе керамических комбинатов, который выпускал огнеупоры для металлургии и облицовку, стойкую к язвам химии. Виктор пришел на комбинат помощником монтера, когда ему не было восемнадцати. Их мастерская обслуживала семь заводов комбината, а на каждом стояли разные машины — и русские, и немецкие, и английские. И никаких инструкций по эксплуатации. Инструкции надо было сочинять в уме.

— Вы даже не можете себе представить меру нашей бедности в те годы,— вспоминал Виктор Иванович.— Ни проводов, ни гвоздей, ни инструмента не было. Мы сами делали молотки, отвертки, зубила. Потом откуда-то привезли замечательные шведские плоскогубцы, на всю жизнь их запомнил... Монтеры наши имели образование 3—4 класса. Я после школы считался корифеем, меня выбрали бригадиром, даже поручили рассчитать трансформаторную подстанцию. И рассчитал! И она работала! Но потом нам прислали парнишку-техника, и я понял, что ничего не знаю, что надо учиться.

В 1933 году Виктор Кузнецов поступил в ленинградский индустриальный институт (ко времени окончания он превратился в Политехнический) на специальность «котлы» — вряд ли есть специальность, более удаленная от космонавтики, чем эта, и никогда не увидели бы мы Кузнецова в Совете Главных Конструкторов ракетной техники, если бы на втором курсе не наткнулся он на объявление об организации на инженерно-физическом факультете новой группы «Расчет и конструкция летательных аппаратов». И он решился...

Факультет был замечательный, благо декан — сам академик Абрам Федорович Иоффе. Кузнецову читали лекции выдающиеся советские механики Лев Герасимович Лойцянский и Евгений Леопольдович Николаи, да и слушатели, как потом выяснилось, тоже оказались выдающимися. В одной группе с дважды Героем Социалистического Труда академиком Виктором Ивановичем Кузнецовым учились, например, Герой Социалистического Труда академик Георгий Николаевич Флеров, недавно скончавшийся директор Лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований в Дубне, и трижды Герой Социалистического Труда член-корреспондент АН СССР Николай Леонидович Духов, конструктор тяжелых танков и атомного оружия. Шесть золотых звезд на трех студентов одной группы — не так уж плохо, но как далеко еще было до этих звезд...

Преддипломную практику Кузнецов проходил на приборостроительном заводе в Ленинграде, и всем там он понравился. Поэтому, когда распределили его в отдел главного механика Ижевского мотоциклетного завода, ленинградские прибористы решили этого толкового паренька перехватить. И перехватили. Приказ оформлял какой-то шутник, в приказе значилось: «В связи с высоким ростом установить оклад старшего инженера...»

Нам нужен был сильный флот. А флоту нужны были хорошие приборы. Приборов не было. КБ и завод работали без выходных дней. Там первый раз Кузнецов увидел гирокомпасы. Ими он и занялся.

Консультантом КБ был великий корабел Алексей Николаевич Крылов. Человек отважный и в трудах, и в жизни, он и в страшном 1937-м ничего не боялся. Когда секретчики донимали его анкетами типа «Служили ли в царской армии...» и т. п., он размашисто писал поперек листа: «Полный адмирал флота Его императорского величества государя императора Николая Александровича!»

Первые научные труды Крылова относились как раз к компасному делу, это была его «юношеская любовь».

— Компас — инструментик малый,— говорил Крылов,— но если бы его не было, Америка не была бы открыта...

Постепенно с гирокомпасами в КБ разобрались. Но одно дело — понять, другое — сделать. В мире было только две фирмы, которые производили гирокомпасы: в Нью-Йорке — «Спири» и в Киле — «Аншюц». И американцы, и немцы заламывали за гирокомпасы бешеные деньги: один комплект стоил 200 тысяч долларов, при том, что вполне приличный сухогруз — 60 тысяч. Ни Англия, ни Франция, ни Япония тоже не могли наладить это тонкое производство. Мы пробовали объединиться с французами и быстро поняли, что их опытные образцы никудышные. Делать было нечего, приходилось покупать: у американцев — для подлодок, у немцев — для надводных кораблей. Покупать и работать в бешеном темпе, чтобы избавиться от этой зависимости.

Перед началом войны задача оснащения нашего флота гирокомпасами отечественного производства была решена. Уже тогда Кузнецов понял, насколько деликатная, хрупкая и капризная штука — производство этих приборов, и когда через много лет специалисты с микроскопами и спектрометрами докладывали ему, что в цехах его производства нужен внутренний избыточный надув и стены должны быть из мрамора, потому что мрамор не держит пыль, он знал, что все это действительно придется сделать, что это не блажь и, потратив тысячи рублей, он сэкономит стране миллионы.

Молодого инженера тем временем заинтересовала стрельба при качке. Нужна была система, как бы выключающая качку при стрельбе. Одна такая система той же фирмы «Спири» существовала, но Кузнецов понял, что она недоделанная, а главное, понял, как можно ее усовершенствовать, используя авиационный прицел.

— А сделать сможешь? — спросил директор завода.

— Смогу.

— Что надо?

— Два конструктора, три механика, лаборант и кормежка.

Им выделили комнату на заводе, поставили кровати, кормили хорошо, в цехе был душ... Через три месяца, в канун XXII годовщины Октября, система была установлена на пушках главного калибра крейсера «Киров». Через четыре года, уже во время войны, «за повышение эффективности стрельбы корабельной артиллерии» Кузнецов был удостоен Сталинской премии, первой из четырех, не считая Ленинской.

Но это было уже в 1943-м, а в 1940-м Кузнецова вызвал в Москву нарком черной металлургии Тевосян. До этого он был наркомом судостроения и запомнил Виктора Ивановича. Долго уговаривал перебираться в Москву. Кузнецов не соглашался.

— Ладно, поехали,— раздраженно сказал Тевосян.

Приехали к Молотову, и все началось сначала.

— Я не хочу уезжать из Ленинграда,— уперся Кузнецов.— У меня интересная и нужная работа.

— А мне вы нужны в Москве, и меня не интересует ваша интересная работа! — выкрикнул Молотов и так стукнул кулаком по столу, что дернулось пенсне.

— А меня интересует,— со спокойной дерзостью сказал Кузнецов.

Так и расстались, вроде бы каждый при своем мнении. Кузнецов вернулся в Ленинград, быстро уехал в Кронштадт, оттуда — на крейсер: решил отсидеться, авось о нем забудут. Директор завода вытащил его буквально из моря и сказал строго:

— Пойми, если не поедешь в Москву сам, поедешь со «свечками» (так тогда называли конвой).

В московском научно-исследовательском институте проработал он менее полугода. Снова вызвали в Наркомат, на этот раз внешней торговли, и сказали:

— Поедете в Германию принимать крейсер.

С огромным трудом (рост!) подобрали ему костюм, плащ и шляпу, которую он никогда до этого не носил и чувствовал себя в ней нелепо. Поздней осенью 1940 года Кузнецов приехал в Берлин.

Немцы строили для нас крейсер за пшеницу и масло. Кузнецов должен был принимать приборы управления прожекторами, стрельбой пушек и торпед. Приходилось много ездить по всей стране, по разным фирмам и заводам. Везде говорили о сотрудничестве. Предлагали купить башни и пушки для новых линкоров «Страна Советов» и «Советский Союз». Линкоры эти не были достроены, а крейсер после установки на нем башен главного калибра, по счастью, решили отправить достраиваться на Балтийский завод.

Англичане довольно часто бомбили Берлин. Кузнецов в бомбоубежище не ходил, открывал окно, клал на подоконник матрац, ложился и, вооружившись биноклем, смотрел, что делается в небе. У фашистов было много прожекторов, а зенитчики стреляли из рук вон плохо. Иногда англичане, как потом выяснилось, сбрасывали со своих бомбардировщиков горящие корзины с какой-то дымящей гадостью, и прожектористы, оставляя самолеты, начинали высвечивать этот дым. Ни одного сбитого английского самолета Кузнецов не видел.

Дней за десять до войны в посольстве приказали уничтожить переписку и залить тушью наши резолюции на немецких документах: там встречались труднопереводимые слова, которые могли обидеть лично фюрера и рейх в целом. В субботу в торгпредстве, как всегда, должны были показывать кино, но перед фильмом вдруг объявили лекцию военного атташе. Он рассказал о том, что немцы упрекают нас в концентрации войск на границе, но на самом деле это не так и вообще думать о войне не надо. После фильма Кузнецов вернулся в свой пансион и уснул.

В воскресенье фрау обычно сама приносила кофе, и когда утром она окликнула его, он привычно распахнул дверь. На пороге стояли три незнакомых человека. Кузнецов ничего не понял: на вопросы немцы не отвечали, осмотрели вещи, велели одеваться. В пансионе жили и другие советские специалисты, и когда двое немцев ушли за ними, третий погладил дорогой отрез, найденный в шкафу, и сказал выжидательно:

— Какая замечательная шерсть...

— Вы можете взять его, если скажете, что произошло,— сухо сказал Кузнецов.

— Война. Мы бомбили Киев, Минск, Одессу.— С этими словами он снял плащ и обмотался отрезом...

До вечера держали в полицейском участке, потом отвезли в Моабитскую тюрьму, потом в лагерь Блянкефельд. На шею надели бирки, деньги и продовольственные карточки отобрали. Главной заботой немцев было выявление евреев.

— Странные вы люди, советские,— говорил один очень благообразный и с виду даже симпатичный гитлеровец.— Неужели вам не понятно, что наши ученые могут абсолютно точно определить еврея по составу крови и форме черепа.

Кузнецов смотрел на него удивленно: он не был похож на ненормального.

В лагере они просидели дней десять. Потом в сидячих вагонах для местных линий по восемь человек в купе (без верхних полок!) повезли через Югославию в Болгарию. Там их передали туркам. От Стамбула до Эрзерума тащились на жутком поезде с выбитыми сте-

клами, кормили только брынзой и зелеными дынями. Правда, кофе был очень хороший... Первое, что они сделали на родной земле в Ленкорани,— прочли сводки Совинформбюро, а потом купили вчетвером большого гуся и съели...

В Москву Кузнецов вернулся в августе 1941-го. Часть отделов института уже эвакуировалась в Свердловск. Из Свердловска ездил в Поти — устанавливал на новом эсминце более совершенный стабилизатор стрельбы. На Урале сдружился с танкистами и сделал очень хороший стабилизатор для танков. Без стабилизатора на полном ходу танк давал одно попадание из тридцати выстрелов, а со стабилизатором — девять из десяти. Это было его главной военной работой.

За несколько дней до падения Берлина майору Кузнецову приказано было вылететь в Германию на тот самый завод, который делал гироприборы для нашего крейсера. Там он и нашел стабилизаторы для ракет Фау-2 и А-10, которыми фашисты собирались бомбить Нью-Йорк. Полетел докладывать наркому судостроения Носенко. Нарком подумал и сказал задумчиво:

— Плохо дело, Виктор Иванович. Теперь нас заставят делать приборы для ракетчиков...

В августе 1945 года уже в погонах полковника Кузнецов снова улетел в Германию. В самолете к нему подсел плотный черноглазый подполковник.

— Давно хотел с вами познакомиться.— Крепко пожал руку.— Королев...

Носенко оказался прав: с этого времени Кузнецов, не оставляя корабелов, начал работать в ракетостроении. Это была совершенно новая область науки и техники.

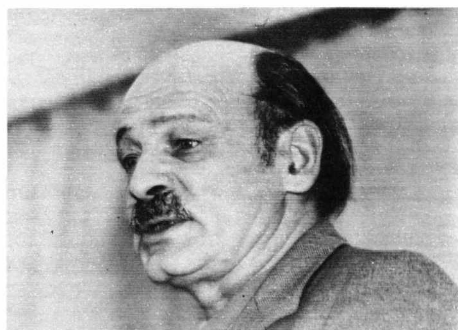
Вместе с Кузнецовым теорию гироскопов почти с нуля начал развивать замечательный наш механик, академик Александр Юльевич Ишлинский, многие годы проработавший рука об руку с Виктором Ивановичем.

Да, они начинали с самых первых пусков, с самой первой нашей ракеты — с Р-1. Ракета летала плохо, и он понял, почему она летает плохо, понял, как ее вибрации забивают работу стабилизатора и как надо сделать, чтобы не забивали. Он верил в ракеты и всегда дрался с теми, кто в них не верил. И не то ценно, что дрался вообще, а то, что дрался тогда, когда «неверующих» было большинство.

Во время многолетних журналистских командировок на космодром мне часто доводилось видеть Виктора Ивановича. В узком кругу друзей его называли «Витя-крошка» — он был самым высоким из всех Главных. И, наверное, самым молчаливым. Не помню, чтобы он давал кому-нибудь интервью. И вообще не помню, чтобы кто-нибудь держался на космодроме скромнее Кузнецова. И на заседаниях Государственной комиссии, и в монтажно-испытательном корпусе, и на наблюдательном пункте в своей вечной кожаной куртке всегда сидел он или стоял чуть в сторонке, редко принимая участие в общих разговорах. Дело, наверное, не только в характере. Распахнулись фермы, ушла со старта ракета — ликуй, Бармин, твое наземное оборудование выдержало испытание! Вытащили двигатели на орбиту космический корабль — отдыхай, Глушко, твое дело сделано! Кузнецову трудно было расслабиться. Его гироскопы и на ракете, и на корабле, и на межпланетном автомате, и на орбитальной станции — везде. Они раскручиваются еще на земле и работают до конца: до возвращения космонавтов, до пробы лунного грунта, до фотографии ядра кометы Галлея. Гироскоп — аккумулятор движения и указатель верного пути. Это очень важно: двигаться вперед в правильном направлении. Так двигался по курсу Виктор Иванович Кузнецов до последнего часа своей жизни.

Леонид ЗАВАЛЬНЮК

ЗНАКИ

ЗНАК ИВАНА

На работу вышел рано
Человек Иван Петров.
Починил четыре крана,
Нарубил две кучи дров.
Он горел своей работой,
Но, конечно, не сгорал...
А потом он что-то строил,
А потом бруснику брал.
А потом пахал он поле,
А потом сажал он груши,
А потом, слегка покушав,
Из шести больших комбайнов
Один малый собирал.
Он горел своей работой,
Но, конечно, не сгорал...
А потом, когда просили,
Он немного заседал.
А потом, когда просили,
Огороды он копал.
А потом, когда просили,
Он продукты покупал.
А когда просили очень,
Он и песню, между прочим,
К небесам поднявши очи,
Без бумажки создавал.
Мы сидели за сараем,
Мужики со всех дворов.
Говорили:
— Несгораем
Человек Иван Петров!
За сараем мы сидели,
Разомлевшие слегка,
И с надеждою глядели,
С теплотой большой глядели,
По-хозяйски мы глядели...
Одним словом, мы сидели
Чин по чину, как в ЦеКа,
И по-умному глядели
На Ивана Дурака.

ЗНАК РЕМОНТА

У дома, в котором живу,
Стоит нежилой человек.
Он выселил всех из себя —
Идет капитальный ремонт.
С утра маляры в нем поют,
Паркетчики с клеем снуют,
Сантехник несет унитаз,
Простой и красивый, как глаз.
Казалось бы, так, ни о чем
Порой мы беседуем с ним.
Казалось бы, так, пустяки.
А мы про ремонт говорим.
В его нежилой пустоте
Могучее что-то звучит.
Так, словно он знает, зачем
Идет капитальный ремонт.
Так, словно бы знает, кого
Он ждет в обновленной душе.
— Как жизнь, как дела?
— Ничего.
Паркет достилаем уже.
У дома, в котором живу,
Стоит нежилой человек.
Он выселил друга, жену,
Свой круг, и свой век, и страну,
Весь грохот и всю тишину,
Оставив, подобную сну,
Надежду-пылинку одну.
Идет капитальный ремонт.

ЗНАК КОЛЫБЕЛЬНОЙ

Ох ты, матушка Земля,
Свет березового комля
Рассыпается на колья
То острога, то Кремля.
Мельниц канувших крыла,
Каракумы — край села,
Было море — стала лужа...
Ох ты, матушка Земля!
Если мать, то почему же
Ты нам счастья не дала?
Почему ты свое доброе
Ради нас не сберегла?
Вот уйдешь, а что в наследство?
Надо жить, а где же средства?
Все, что есть, — обноски детства.
Одежонка!.. Где она?
На четыре континента
Пара валенок одна.

Отвечала мать-старуха
С теплотой, но как-то глухо:
— Нету сил вершить свой труд.
Я вам мать, а вы мне дети.
Но слишком много вас на свете,
И все грудь мою сосут.
Кто, сигая в космос синий,
Кто, вскочив на броневик.
И беспомощный, и сильный,
И младенец, и старик.
И всем носы я утираю,
Всех сажаю на горшки.
Не дается повзросленье,
Не дается вам, сынки...
— Но ведь мы же!..
— Тише, милый.
Я очень к ночи устаю. —
И у всех кроватей села.
И вздохнула, и запела:
— Баю-баюшки, баю!..

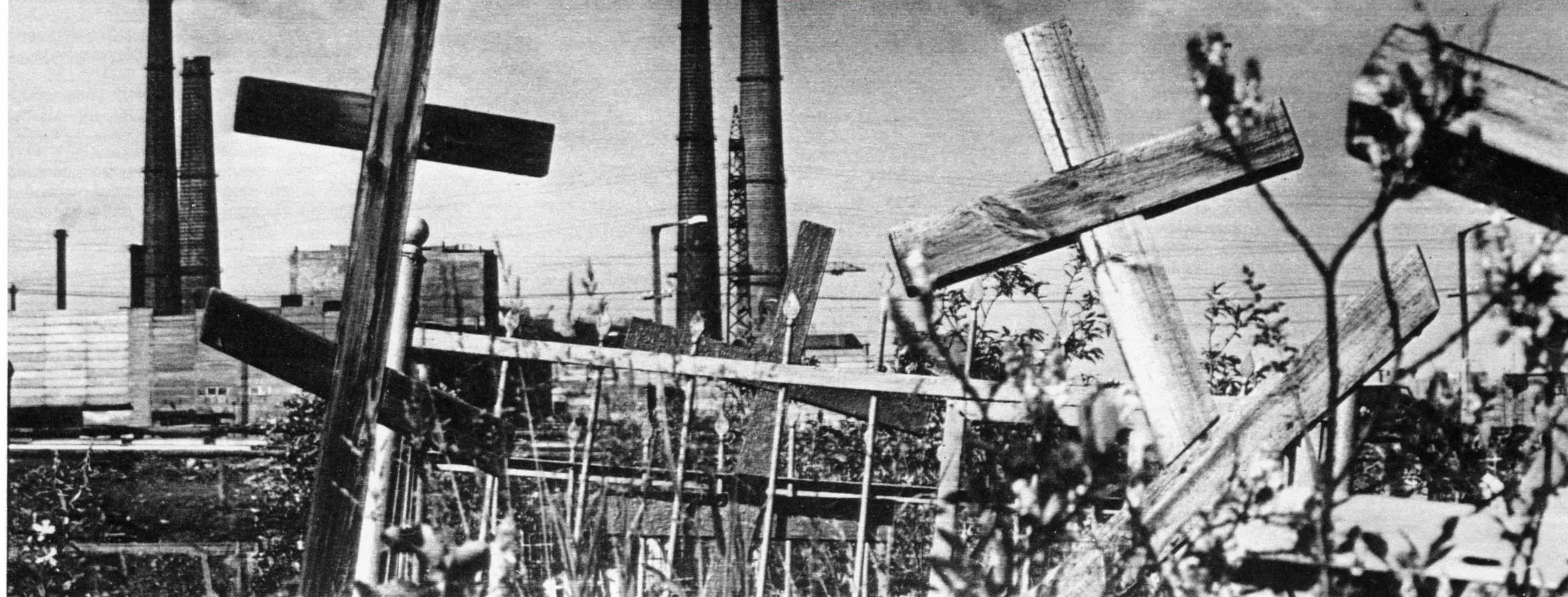
ЗНАК МУЖИКА

На тихой станции Куда Макар-вторая
Стоит мужик огромный у сарая.
Солома в бороде его, от дальних звезд сгорая,
Дает ему энергию. И он
Зевает так, что оседают горы
На станции Последней-узловой.
И поезда, схвативши светофоры,
Уходят в землю, в ноздревые норы.
И оттого мужик-Земля чихает
Так зычно, что мужик-Вселенная вздыхает
И, укоризненно качая головой,
На Землю направляет антимужика.
Или, иначе говоря, большую бабу-дуру,
Чтобы она через мечту, любовь или иную процедуру
Направила на нужное энергию зевка.
Иль, в крайнем случае, свела ее на нет.
Но баба не справляется с заданьем
И уезжает, ограничившись ночным свиданьем.
А в результате на одной из сильно развитых планет
Рождается невиданный пророк Антизевота
С призваньем вытащить миры миров из забродившего болота
Через мечту, любовь или иное что-то,
Что никому неведомо пока...
На тихой станции Куда Макар-вторая
Стоит мужик огромный у сарая
И с интересом смотрит на пророка-мужика.

ЗНАК КАЧЕСТВА

Однажды в сказочной глуши
(Ку-ку, душа, ку-ку!)
Один чудак ботинки сшил
Другому чудаку.
Примерок было и не счесть.
Ведь качество — да, да! —
Не только имидж. Это честь
И радость, господа.
Второй чудак в ботинках тех
По лесу щеголял.
И говорили:
— Экий франт!
Роса, случайной розы бант,
И дуб — угрюмый элефант,
И дикий гаолян.
Второй чудак был счастлив так,
Как в жизни никогда.
И сочинил второй чудак
Поэму, господа.
Он ликовал, любил, страдал
(Ку-ку, душа, ку-ку!)
И все строгал, строгал, строгал
Строку, строку, строку.
И — к перлу перл. И подарил:
— Маэстро, вот прошу! —
И первый вник. И озарил
Его нездешний шум.
Он ту поэму всем читал:
Сараям и коту,
Природы избранным местам
И тени на мосту.
И от восторга чудаков
В той сказочной глуши
Ушли сигналы в глубь веков,
Как две живых души.
Ушли и бродят по земле
Года, года, года.
И осенью иль по весне,
Приносят горечь нам во сне,
Бокал вины с огнем на дне,
Тревожный оклик в тишине
И радость, господа.

Предмет есть больше чем предмет.
Предмет есть предок чувств.
Не знаю, скоро или нет
(Ку-ку, душа, прекрасен свет!),
Но жить на уровне планет,
Но жить на чей-то зов в ответ,
Даст Бог, на склоне долгих лет
Я все же научусь.

ДОМ, в котором мы не живем

Нина ЧУГУНОВА
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

В городе N. бессонные ночи...

(Душа моя, как тяжело на сердце. И сна нет. Весна кончилась?

Я в городе, о котором мечтала с шестого класса. Была такая картинка в учебнике — ночной город в радужных огнях. Город на вечной мерзлоте. Символ веры, чудо вечного летнего дня. Мечта сбылась.)

1

Ночью облако газового выброса из труб металлургического комбината вползло в открытое окно гостиничного номера и прибило меня к кровати осиновым колом: в легких теперь вьются желтые перья, желтое лицо китайца ужаснулось мне в зеркале: мое? Ночью — светла, она как обморок! — мальчишки бегали по улицам. У мальчишек красные глаза рыб. Я спросила, когда в городе хорошо. «Летом! — хрипло закричали они, прыгая по обугленным сугробам. — Летом тепло! Летом рыбу можно ловить!»

— Рыба дохлая! — закричал один.

Утром в лифте милиционер широко улыбнулся мне, и я поздоровалась с ним. Он прекратил улыбку, стал строже.

— А, — сказал милиционер, — а я думал, вы из этих, киношников, американцев.

В буфете точно американец: сидит за пустым столом и кричит: «Я хочу есть!» Но вид у него китайский какой-то.

— Ну что он кричит, — сказала буфетчица (милая-милая).

— Он кричит: я хочу есть.

— Мальчики, — сказала буфетчица, — у меня всего тридцать сосисок, чем мне потом торговать? Он кашу будет?

По календарю весна давно кончилась.

Черные обугленные сугробы, дождь, метель, ветер. Севернее городов нет? Может, где-нибудь в Канаде?

Здесь было нежилое помещение Господа Бога: его неотапливаемая мастерская, кладовая, зимний чулан. «Земля оттаивает на штык в глубину». Выше N. городов нет: севернее есть только жилье, не города. Диво месторасположения N. в нарочно противоестественных для человека условиях лишний раз обнаруживает почти детскую страсть к самомучительству. Так мы воспитаны, но это раньше называлось иначе...

Я опоздала. Мы опоздали в голубые города.

История возникновения и развития N. порочна в самой основе. Это говорит мне исследовательница истории, и я киваю под несмолкаемый гул путеводителей, он ощутим, как вибрация ощутима для летчика и для тех, кто жил в сейсмоопасной зоне (или как ушедший военный парад). И в этих отлетевших звуках, конечно, больше стройности и музыкальной логики. (Наша история смущает наблюдающих ее: исследователю и жертве кажется, что действует некий всеобъемлющий отточенный в злодействе мозг, но это не всегда подтверждается, обнаружить координатора зла не удается.) Что самое поразительное в людях, живущих в N.? — спросила я исследовательницу лагерей.

— Привычка выбрасывать ненужные вещи прямо из окон.

И стройность «исторической логики» явилась перед нами, как чумной, опять. Земля, живая не далее чем на штык, и замысел города — как на штык, на него насажены: небеса, бессонные ночи, беспросветные дни заполярной земли, куда не должна была бы ступать нога ребенка.

(От окурка, выброшенного из окна, здесь загорелась детская коляска, ребенка удалось спасти. Это современная история, к ней веду.)

Богатство Заполярья было очевидно уже в XIX веке, и первые геологи прибыли сюда добровольно.

В 29-м году нашего века сюда направляются строители, а с 35-го хозяином N. становится НКВД: медь и никель составили в глазах основателей главную причину утверждения здесь человека. «Руды массивные: жильные тела, пластообразные и линзообразные залежи». Второй том энциклопедического словаря (подписанный к печати 6 апреля 1954 года) вслед за восточноанглийским городом Нориджем, славным шерстяной промышленностью, повествует о большом семействе двудольных спайнолепестных растений норичниковых. В том же томе пропущен поэт Осип М.; никелевые месторождения не обслуживаются также; впрочем, свойства никелевых сплавов дают повод для нескольких статей издания..., «обладают

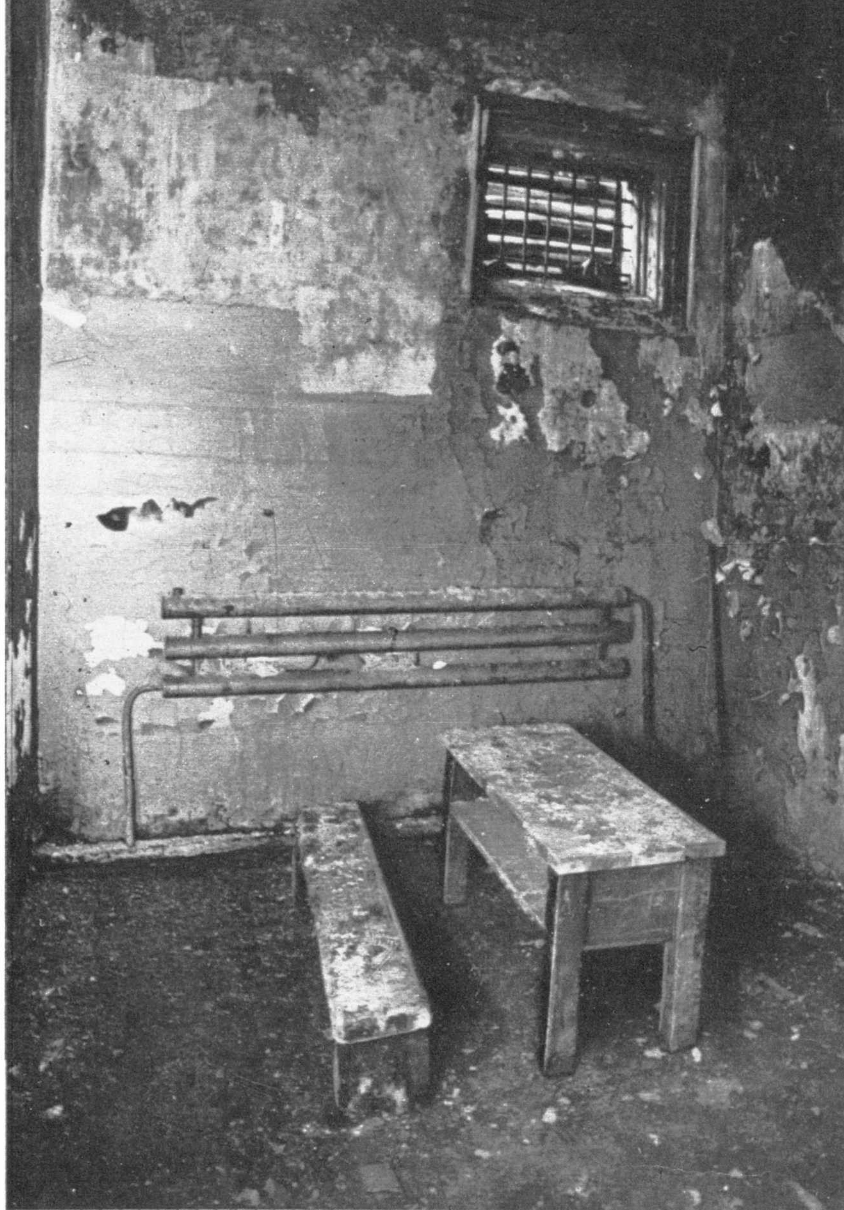
высокой прочностью и коррозийной стойкостью, ввиду чего применяются в судостроении, химии и др. отраслях пром-сти».

«И др.!»

До 35-го велись разведка и опытные плавки, а с 35-го уже имелся приказ о поселке N. Кажется, никто не держал в руках собственного свидетельства о рождении N.: знать бы, кто подписал его. Но несомненно, лицо значительное: деньги для строительства лагерных бараков требовались немалые, дорогой была и технология. Тогда ли сюда пошла американская помощь? Американская помощь: огнеупорный кирпич, якобы даже завернутый в бумагу! Что ж, все лучшее — для «др.». В лагерь Нордвиг шел и алкоголь, шли партии презервативов американских.

Есть свидетели, насчитавшие до шестнадцати лагерей на побережье. Есть люди, в детстве игравшие на берегу и видевшие «отвалившийся берег, а там неистлевшие мертвые: у кого отрублена рука, у кого — голова; при них деревянные таблички». Этапы в N. шли вплоть до 53-го рекой или морем. N. был с самого начала задуман и воплотился как вахтовый город при комбинате. Вахтовый лагерный город. (В 48-м появился горный лагерь: государственный, особый, режимный. Горлаг состоял из шести лаготделений и насчитывал 32 тысячи заключенных.)

В 60-е годы все, кто когда-либо кого-либо фотографировал (среди заключенных и в их присутствии), бывали приглашены в соответствующие органы для изъятия отпечатков и негативов. Оставшееся сохранилось чудом. Некоторые снимки, когда был случайно обнаружен негатив, оказались совсем другими. Группа лиц в мундирах НКВД (эта форма не миновала руководящий состав; человек, именем которого на-

Первый начальник строительства закончил дни в каком-то лагере. Почему был арестован В. З. Матвеев? Есть версия: комбинат выдал никель лишь в 42-м, и сменивший Матвеева легендарный Завенягин, будущий заместитель наркома НКВД, был, несомненно, тоже кандидат в смертники. Но никель пошел при нем, и это спасло. (Здесь сначала жили вольные, потом появилась проволока. Нет, вольной жизни здесь не было никогда!.. Здесь полувольно и как бы вольно жили иные арестанты.)

Казалось бы, все. Что может быть прочнее такого основания, такого нулевого цикла, такого фундамента ко всему, что было потом? Для цветущих яблонь на мертвом Марсе? Мертвого Арала? (Душа моя, ведь говорили: пройдет весна, уляжется, старые газеты унесет ветер, а там трава пробьется сквозь асфальт! Нет ничего, тяжело дышать.)

Завенягин, директор медно-никелевого комбината, давшего жизнь мужскому вахтовому лагерному городу*, за три года, пока он был директором, домучился до идеи, ради которой я и пишу эти заметки. Как знать, не будь эта идея воплощена в жизнь, существовал ли бы в том виде, как сегодня имеем, город... Да и только ли город!

Смертник, ходивший под фактически заготовленным приговором, Завенягин стал вдруг добиваться, чтобы в N. приезжали вольные, семейные...

С этой мысли, с этой производственной идеи осознающего смертельную опасность невыполнения директивы по-

*** Расстреливали — на то есть указания выживших — в N.-2, но странно, что в этом месте ландшафт не потревожен; есть версия, что убивали в штольнях, входы в штольни замурованы.**

В бывшую тюрьму свободный доступ.

Рабочие Медного завода.

На улице.

зван комбинат, через три года работы в N. пошел третьим заместителем Берии) оказывается фрагментом почти панорамы строительства: кругом люди с номерами на зэковских фуфайках.

Город был разделен колючей проволокой на кусочки, отсеки. «Самый заполярный лагерь» — был ли он действительно «самым лучшим из лагерей»? Эта легенда требует отдельного исследовательского разговора. Скажу немногое. Во-первых, выживший счастлив. Второе: N.-лаг был скоплением интеллектуалов. Третье: специалистам здесь по производственной необходимости надо было создавать кое-какие условия. Расконвоировать. Кормить.

Не буду излагать лагерную историю, не мое это дело.

...Мне бы догадаться, отчего так трудно дышать.

Хирург, в 32-м консультировавший Сталина, Сергей Николаевич Черкашин, в 38-м попал в N. на общие подконвойные работы, он сначала пытался беречь руки. Погиб в 39-м.

сланца партии и начинаются города, у которых названия нет.

Повторим: земля промерзает почти насквозь. Жить здесь можно под пыткой или под идеей... или потому, что больше негде жить. Производство, ради которого строился комбинат, тяжелое, исключительно вредное. Работать на комбинате можно только под пыткой, под идеей... или потому, что больше негде работать. Вахтовый город представлял собой вариант номер один: «пытку». Но мысль — «Больше жить негде» — этот вариант исключала. «Больше негде» — мысль семейная, безысходность семейная, семейный убогий расчет, семейное счастье: она потом вырождается в смутное «и так проживем», от такого счастья рождаются дети.

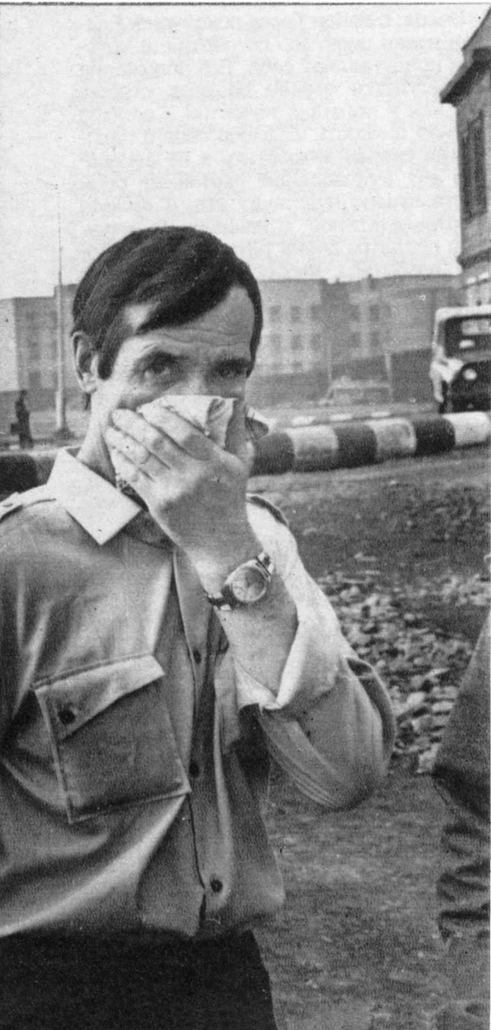
Ну, не логично ли было прижать человека к этой мерзлоте, заставить его здесь пустить корни, здесь иметь крышу над головой и поверить в свое «привилегированное состояние» — при том, что атмосфера пытки здесь как бы от самой земли подымалась? Откуда наш бывший ужас перед невыполненным планом? Откуда социалистическое соревнование (с N.-лагом соревновался Дальстрой, чтоб не ходить далеко за примерами)? Какое, скажешь ты, прочное соединение мертвого и живого — без зазора! И дети будут рождаться, и любовь расцветет. Так оно и есть (только не дерево пускает корни в камень — наоборот). Значит, логика?

— Сколько я ни пыталась выявить закономерность в любой лагерной деятельности, — останавливает мой дилетантский порыв исследовательница заполярных лагерей, сказавшая мне: «И вы — лагерная жертва, и я», — сколько ни искала, но все сталкивалась с отсутствием закономерности и отсутствием собственно замысла, порядка. Лагерь был абсолютным беззаконием. В 45-м начальник возмущался запущенностью города и приказывал привести его в порядок...

Видимость логики — это жизнь-мутант. И наоборот скажу: видимость жизни требовала мутантной логики.

Директор комбината, самый человечный, как вспоминают о нем ветераны строительства, выписал архитекторов, которые представили как бы ленинградский проект главного проспекта.

Ну, что еще необходимо отметить? В 53-м восстание в лагерях. В 56-м окончание срока города-лагеря, завершение нулевого цикла. С 56-го — начало новой истории, комсомольского периода — открытого... «чистого»! И начало рукотворной истории города моей мечты. О ней написаны тома!

«Знаешь, что-то в прошлом году меня стало давить. Раньше не давило, а вот стало. Летом идем, платком закрывшись, через платок дышим. Мы же видим, чем мы дышим».

«Ну, слушай сначала. Жили мы в Брянской области, мне было 19 лет, а тут жила сестра, она и давай писать: будете много получать. Приехали в 61-м году. Зимой, страшно! Темно и холодно, а город весь в сиянии радужных огней. Прописка наша была трудная, я ради прописки пошла в садик, а девочка наша осталась на материке. А потом я ушла маляром. Вот таскаешь ведра на 4 — 5-й этаж, с улицы тащишь из балки краску. В помещении буржуйка, а свет от переносок: кабель волочится по лестнице. Кушать ходили в столовую, еще можно было. Жили с четырьмя соседями, и у каждых соседей были дети. Так мы прожили десять лет, около банка дом наш. Утром надо было вставать в шесть утра, чтобы попасть в туалет. Потом у меня Мариночка родилась, я ее отнесла в садик, но вдруг от краски на работе меня стало тошнить, хотя до выбросов еще было далеко, еще не такие были. «Нина, ты не ходи на работу!» — говорит мне муж. «Не могу, Виктор, хоть сколько-нибудь, да деньги». Муж мой хороший, детдомовский, он меня все же отправил в Брянскую область, и девять месяцев я прожила на воле. Вернулась, и муж получил квартиру, а где денег взять на мебель? Стала я вечерами убирать в институте.

Хорошо мы жили, мы умеем оба петь, так что в народное искусство ушли, я тебе газетку принесу. Ну что, ну что...

Здесь такое явление природы, как черные пу́рги. Страшно было в 62-м и в 63-м, это помню особенно. Помню, что пришла на работу, а краны наши лежат на земле все скрюченные. А днем я шла за детским питанием, а назад вернуться не смогла, смело меня с дороги, но я уцепилась за бордюр, там лежала еще одна женщина, уцепившаяся, мы с ней уцепились парой и поползли, потом вцепились в стенку, все вещи мои унесло, так даже странно, что потом ключи люди добрые принесли в банк, а я боялась, что вырвет окно и меня поуносит из дому. Еще лет двенадцать тому все вдруг отключили, все замерзло и все спали одетые, это было долго, в декабре. Трубы с газом прорвало.

Больше не знаю, что рассказывать. Я газетку принесу, там муж с гармонью и я... Седьмого ноября демонстрации не было. Говорят: боялись провокации. Или же так: будто кто выйдет, тому что-то на работе будет. Так, что ли. Мы пошли по Ленинскому проспекту с мужем: не грустно, а страшно. Правда, был митинг и несколько предприятий все же проскочили с веночками к Ленину. Но общее чувство было неприятное».

Как унять черную пургу? Что не так? Что не так постоянно, как ни старайся строить, по весне весело красить?

Когда умер Сталин, люди в N. радовались, и лишь одна женщина заплакала о мертвом ужасном человеке и сказала: он был три дня без сознания. Памятнику надели на голову ведро с гудроном.

Потом памятник Сталину убрали, а на постаменте теперь Кали́нин.

Когда при жизни приезжал Косыгин, его очень просили дать краски импортной для стен. Наша все равно облупится. Вот почему весной город особенно страшен: все дома стоят облупившиеся. Но я не знаю, когда и надолго ли город становится свежим и чистым. «Вот сейчас при каждой возможности людей будут направлять на уборку города. Эта уборка так и тянется от сугробов до сугробов».

Когда приезжал Горбачев, трубы комбината не дымили. Газета дала опровержение слухам о том, что производство было приостановлено. Но в прошлом году вдруг та же газета, обмолвясь, написала: как всем известно, мощности были приостановлены на время визита.

Фундамент памятника Ленину в N. возводили женщины-заключенные... (Мы возвели его в конце концов.)

«Когда начинается весна и к северу летят гуси, в N. появляются прибалты. Но зря они едут в N.: из вечной мерзлоты нельзя увезти мертвых.

...а прибалты были в лаготделении на озере Лама».

2

Я сижу в гостиничном номере и смотрю из плотно закрытого окна на весну. Весна в N. черна, вода не уходит по асфальту в канализацию, как это принято в городах, а широким потоком свободно проходит по всем улицам. Этот город, говорю я себе, нормальный город. Ну и что, что хорошая гостиница выглядит ожидающей ремонта,— я наметанным глазом вижу, что ремонт был недавно.

Ну и что, развалённый каменный забор больницы напротив: была зима, ночь, видимо, грузовик въехал в забор. Теперь весна, все будет по-другому.

Но мне кажется, что весна давно прошла.

Ну и что, сосиски кончились. Зато американец украл из номера самовар. Это сказала тетенька-горничная. Вот как он, гад, отблагодарил нас за гостеприимство. А сам жил в люксе.

Я выхожу в город, и тут вообще проблемы нет. Через полчаса я привыкаю к облупленным стенам и начинаю видеть родные лица. Я с ними перетекаю из магазина в магазин и привычно фиксирую: в детском магазине все — по пионерским «путевкам», зато есть барабан. И я покупаю барабан. В галантерейном магазине есть женское белье большого размера.

И даже странные вещи: исключительное разнообразие шоколадных конфет в красочных коробках производства фабрики «Красный Октябрь» в киоске по коммерческим ценам. И я покупаю себе конфету за рубль двадцать. Для счастья много ли надо конфет?

Ничего катастрофического не происходит, друг. А назавтра меня специально повезут на мясокомбинат, на молочный завод — я увижу чистоту и неподдельное удовольствие, с каким работают люди на производстве, сданном под ключ западной фирмой. (И повезли.) А послезавтра мне достанут билет в Москву, так что мне совсем недолго придется ждать в душном зале агентства и я не успею, извините, дослушать рассказ женщины о том, как страшно долго ждать отпуска, а потом вдруг не купить билета. А послепослезавтра будет задержан рейс, и люди будут плотно и пыточно стоять в маленьком зале аэропорта, они будут стоять всю ночь, а у меня есть где переночевать, и добрые люди Люба и Чеслав Антонович из-за меня поднимутся и сядут со мной разговаривать на кухне, достанут заветную бутылочку невиданного бальзама... Как разговор по душам светел и обморок ночи не саднит по живому!

И как хорошо улетать!

В городе N. бессонные ночи. В городе N. беспросветные дни. Я этого города коренной житель, как ни крути.

— Имеет ли описываемый N., в особенности загоревшаяся детская коляска, отношение к заполярному городу Норильску?

— О, только географическое! Та же широта. Других совпадений нету. Это в N. люди жить не могут, в N. живут временные поселенцы, их главная мечта уехать: накопить денег на старость и уехать на материк, в Брянскую область. Нет, лучше не в Брянскую. Куда врач порекомендует. Эти люди ясно видят, чем они дышат. И этим дышат дети. В дни выбросов «Скорые» мечутся по городу. А если ветер и, значит, пелена выброса не накроет N., в такие дни люди поднимают головы и смотрят на дым.

— На Канаду пошел! — говорят мужики (куря и сплевывая).

Так провожают пароход (белый-белый, как «Леонид Собинов»).

Норильск — другое дело, ответственный разговор. Тут нужны статистические данные и производственные показатели. Чувство такому разговору может лишь помешать. То чувство, что «не грустно, а страшно». Тот слабый голос бездомности.

Но город N. висит над Норильском, как изболевшаяся душа, не желающая отлетать. И вместе как облако выброса.

Так хочется отмахнуться от нее. И от него.

«Первое кладбище N. было подмыто технологическими водами, а затем срыто бульдозерами». «Я никогда не забуду, как нас ставили по периметру распределителя на колени, а из громкоговорителя неслось: «Я другой такой страны не знаю!..»

Исследовательницу лагерной истории N. зовут Нина Дзюбенко. Она сотрудник норильского Музея истории комбината. Зачем она сказала: «Вы тоже жертва?» Как будто это было для меня секретом моего происхождения. Не было.

Но ощупываю душу, как слепец лицо: желто́, опухло?

И ужасаюсь затвердению.

«Ничего, и так проживешь!» Когда это выкрикнула моя лагерная душа в первый раз, хрипя, тараща красные, бессонные глаза среди обморочной ночи?

Вот кончится весна, примемся за жизнь, за окна, за воспитание детей.

(Но давно кончилась весна.) Вот кончится день, назавтра примемся за окна, мусор и старые вещи. (Вот кончится одна жизнь, начнется другая.)

Но рука с непогашенным окурком размахивается над улицей, над детской коляской*.

P. S. Рука размахивается, пока мы верим, что живем надеждой. Пока мы принимаем за надежду постыдное желание как-нибудь прожить день. Кто-то уже догадался и прокричал через левую прессу: у нас никогда не будет чистых улиц! А мы не верим.

Моя догадка: мы в плохое окончательное не верим с той же бесстрашной силой, с какой верили в хорошее, которое наступит все равно, вопреки природе вещей: зим, рек и души. Нужен ли нам настоящий дом, где положено жить людям, куда человек входит навсегда? Куда возвращается насовсем? Любовь, при которой непременно сохраняется «серое платье принцессы», в котором было выслушано объяснение? Батистовая тряпица для младенца с уголком, на нем вышиты виноградные гроздья: этот уголок служил старшей сестре, брату и дочери сестры и сыну брата?.. Сад осыпа́лся в одну и ту же землю и цвел, и ночь была черна, черна, черна.

И вдруг кто-то слегка размахнулся и нежно ввинтил в эту ночь окурок. И стало нам светло, как днем.

И теперь у меня один выход: наглотаться этой светлой ночи, вдохнуть ее раз за разом всю, всю выдышать, забить ею мои легкие. Чтобы мальчики не были с глазами, как у рыб, чтобы американец вернулся и поставил самовар на место. Если брал. Потому что из обжитого дома не уносят вещи.

Но мы в этом доме пока не живем.

*** Облако выброса регулярно опускается на детскую инфекционную больницу N. Но молоко, кефир и творог отличного качества выпускает для Норильска купленный у фирмачей завод — деньги, валюта комбината. Дай Бог тебе, Норильск, превозмочь в себе город N. И — нам.**

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС: «ВОЙНА — НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ»

Из дневников

6 мая 1941 г. (Вторник)

У нас царит некоторая депрессия, поскольку ориентировались на окончание войны в этом году. Мы должны подготовиться к определенным трудностям.

8 мая 1941 г. (Четверг)

Вчера: Молотов вышел в отставку из Президиума Народных комиссаров (так в тексте.— *Пер.*), но остается министром иностранных дел. Его место занял Сталин. Насчет закулисных причин никакой ясности пока нет. Предполагаю, что это сделано для усиления общего авторитета, а также ввиду серьезного бремени советско-русского режима. Но это ему так и так на пользу уже не пойдет.

9 мая 1941 г. (Пятница)

Вчера: ТАСС опровергает в самой резкой форме то, что Россия концентрирует войска на западной границе. Итак, у Сталина неприкрытый страх. Какая разница в сравнении с опровержениями ТАСС несколько месяцев назад, где нас открыто или скрыто задевали! Вот так меняются времена, когда уже наготове пушки, грозящие своими дулами.

10 мая 1941 г. (Суббота)

Вчера: опровержение ТАСС — большая сенсация. Но мы — получающие от этого выгоду. Мы его вообще не публикуем в немецкой печати.

Москва больше не признает Бельгию и Норвегию суверенными государствами. Но это уже на пользу Сталину не идет.

13 мая 1941 г. (Вторник)

Вчера: Сталин снова действует к нашему удовольствию. Дает наивные и вводящие в заблуждение коммюнике и т. п. Слишком поздно!

Вечером приходит ужасающая весть. Вопреки приказу фюрера Гесс стартовал на самолете и с субботы больше не объявлялся. Приходится считаться с вероятностью его гибели. Его адъютанты, которые одни только знали об этом, по распоряжению фюрера арестованы. В коммюнике фюрера в качестве причины названы маниакальные представления насчет зондажа возможности заключения мира. Все это пока весьма сумбурно. Мы должны немедленно опубликовать коммюнике. Тяжелый, почти непереносимый удар. В данный момент его последствия даже невозможно предвидеть. Фюрер совершенно раздавлен. Какая картина для всего мира: душевнобольной является вторым после фюрера человеком! Такое даже помыслить и то невозможно!

16 мая 1941 г. (Пятница)

На Востоке должно начаться 22 мая. Но это в какой-то мере зависит от погоды.

20 мая 1941 г. (Вторник)

Вчера: с делом Гесса покончено. Борман издал циркуляр по партии, в котором представляет себя. Его положение подвергается атакам со всех сторон. Он, как я полагаю, нечестен и вообще темная личность. Добился своего положения скорее хитростью, а не заработал его. Руководящий партийный слой инстинктивно чувствует это, а отсюда и отрицательное отношение к нему. Нам придется очень туго, если он захочет пробиться. Фюрер тоже начинает видеть его насквозь. По отношению к Гессу Борман вел себя вероломно. Гесс был близорук, но порядочен. Чего нам ждать от Бормана?

23 мая 1941 г. (Пятница)

Р. разлетится вдребезги, как запал. А наша пропаганда сработает мастерски. Эшелоны идут туда и сюда. Пассажирское сообщение значительно приостановлено.

Нам предстоит большое вторжение.

Под нашими знаменами нас ждет победа.

24 мая 1941 г. (Суббота)

Мы усердно распускаем по всему свету слухи о высадке (в Англии). Прежде всего через прессу нейтральных стран. Будем надеяться, что англичане клюнут на это. Наши господствующие позиции в Европе отрицать не может уже никто.

Р. будет расчленена на свои составные части. Каждой республике надо осторожно предоставить свободу. Тен-

---

(Окончание. Начало см. № 32.)

денция такова: не допускать больше существования на Востоке гигантской империи. Большевизм останется в прошлом. Тем самым мы выполним нашу подлинную историческую задачу.

25 мая 1941 г. (Воскресенье)

Обсуждал (с руководящими чиновниками министерства пропаганды.— ***Пер.***) подготовительные меры против Р. Намечается использовать 13 рот пропаганды. На каждом направлении удара из роты пропаганды выделяется отряд пропаганды, имеющий своей задачей пропагандистскую обработку населения. Это очень широкая и трудная задача, но мы готовимся к ней наилучшим образом.

В отношении России нам удалось организовать великолепную дезинформацию. Из-за сплошных «уток» за границей уже больше и не знают, что ложно, а что верно. Так оно и должно быть.

29 мая 1941 г. (Четверг)

В Москве ломают себе голову над разгадкой. Кажется, Сталин начинает медленно смекать. А впрочем, он все еще уставился на нас, как кролик на змею.

1 июня 1941 г. (Воскресенье)

Москва вдруг заговорила о новой этике большевизма, в основе которой лежит защита отечества. Это совершенно ясно. Но это все же подтверждает, что большевики очутились в тисках. Иначе они не затянули бы такую фальшивую песню.

5 июня 1941 г. (Четверг)

Директивы пропаганды на Р.: никакого антисоциализма, никакого возврата к царизму, не выходить в пропаганде открыто на разгром русской империи, ибо тем самым мы наткнемся на армию, которая является великорусской; против Сталина и стоящих за ним евреев; земля — крестьянам, но временно сохранить коллективные хозяйства, чтобы по крайней мере спасти урожай; резкое обвинение большевизма, клеймить его несостоятельность во всех областях жизни. А в остальном делать то, что вытекает из самой ситуации.

Просто дрожишь от возбуждения. Никак не могу дождаться того момента, когда разразится буря.

Наши высказывания насчет предстоящей высадки (на Британские острова.— ***Пер.***) уже начинают оказывать свое воздействие. А затем мы сможем действовать, пользуясь всеобщей неразберихой.

6 июня 1941 г. (Пятница)

Вчера: сообщение из Москвы. В нем отчасти парализующая покорность судьбе, отчасти попытки навязывания своей дружбы, но отчасти и видимая подготовка. Сталин держит власть в своих руках. В случае конфликта правительство хочет переехать подальше — в Свердловск. Постепенно пытаются обратить внимание народа на серьезность ситуации. Но никакой четкой линии обнаружить нельзя. Собственно, в серьезное сопротивление никто уже не верит. Никто не отдает себе ясного отчета во всей серьезности ситуации, но ее постепенно начинают предчувствовать.

Наша работа по маскировке идет безупречно. Весь мир говорит о предстоящем вскоре заключении военного пакта Берлин — Москва. То-то удивится, узнав, что из этого выйдет!

7 июня 1941 г. (Суббота)

Слухи о предстоящем нападении на Украину. Довольно небеспочвенные. Мы должны принять более сильные средства для дезинформации, и я интенсивно займусь этим вопросом.

8 июня 1941 г. (Воскресенье)

Получил программы территориального расчленения Р. Об азиатской части Р. речи не идет. А о европейской мы позаботимся. Ведь сказал же Сталин недавно Мацуоке, что он — азиат. Так вот, пожалуйста!

11 июня 1941 г. (Среда)

Все должно служить тому, чтобы замаскировать акцию на Востоке. Сейчас следует применять более сильные средства. Впрочем, демаскировка замаскирована так, что никто ничего и не заметит.

13 июня 1941 г. (Пятница)

Вопрос о России с каждым часом становится для всего мира большой загадкой. Будем надеяться, она не окажется разгаданной слишком рано. Мы делаем все возможное, чтобы замаскировать это дело. Но вот как долго еще это будет нам удаваться, одним богам известно. Дни до самой ночи наполнены оживленной работой. Скоро наступит разрядка.

14 июня 1941 г. (Суббота)

Вчера: моя статья напечатана в «Фёлькишер беобахтер» и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Ночью этот номер «Фёлькишер беобахтер» конфискуют, и теперь у меня звонят все телефоны. Внутри страны и за границей одновременно поднимается шумиха. Все удается безупречно. Я совершенно счастлив этим. Огромная сенсация налицо. Английские радиостанции уже заявляют, что сосредоточение наших войск против России — блеф, которым мы прикрываем свои приготовления к высадке (в Англии). Такова и была цель задумки! Впрочем, в зарубежной информационной политике царит полная неразбериха. Люди почти совсем потеряли ориентировку.

Русские, кажется, все еще ничего не подозревают. Во всяком случае, они сосредотачивают свои войска именно так, как мы только можем того пожелать: густо массированно, а это — легкая добыча в виде военнопленных. Однако ОКВ (штаб Верховного главнокомандования вооруженных сил.— ***Пер.***) уже не может слишком долго все это маскировать, так как необходимы мероприятия военного характера. В Восточной Пруссии все сосредоточено так массированно, что русские превентивными авиационными налетами могли бы причинить нам тяжелейший урон. Но на это у них смелости нет! Чтобы выиграть войну, нужна дерзость. Комедию с конфискацией «Фёлькишер беобахтер» мы разыграли правильно.

Криппс выехал из Москвы в Лондон. Оттуда в мир изливается волна слухов. Все они крутятся вокруг России. Причем довольно точные. Москва дала официальное опровержение (ТАСС, оно было опубликовано в советской печати 14 июня 1941 г.— ***Пер.***): о намерениях рейха осуществить нападение она ничего не знает. Наши переброски войск, мол, служат другим целям. Во всяком случае, Москва против агрессивных намерений ничего не предпринимает. Великолепно! Моя статья явилась в Берлине большой сенсацией. Телеграммы летят во все столицы. Блеф вполне удался. Фюрер очень рад, а Йодль (генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства вермахта.— ***Пер.***) просто в восторге.

15 июня 1941 г. (Воскресенье)

Все это — полный успех. Опровержение ТАСС оказалось еще сильнее, чем первоначально переданное сообщение о нем. Объяснение: Сталин явно хочет сильно выраженным дружеским тоном, а также утверждением, что ничего не произошло, заранее определить вину за развязывание войны. Из перехваченной радиограммы мы, напротив, можем узнать, что Москва приводит в боевую готовность русский военно-морской флот. Значит, дело там обстоит уже не так безобидно, как это хотят показать. Но подготовка проводится крайне дилетантски. За настоящую акцию ее всерьез принимать нельзя. ОКВ очень доволен успехом моей статьи. Она представляет собой величайшую отвлекающую акцию.

16 июня 1941 г. (Понедельник)

Вчера: во второй половине дня фюрер вызывает меня в Имперскую канцелярию. Мне приходится войти через заднюю дверь, чтобы не бросалось в глаза. Вильгельмштрассе находится под постоянным наблюдением иностранных журналистов. Следовательно, здесь уместна осторожность! Фюрер выглядит превосходно и принимает меня с большой теплотой. Моя статья доставила ему чертовское удовольствие! Она дала нам некоторую передышку в наших лихорадочных приготовлениях. Фюрер подробно разъясняет мне положение: нападение на Россию начнется, как только закончится сосредоточение и развертывание войск. Это будет сделано примерно в течение одной недели. Кампания против Греции потребовала большого применения техники, поэтому она продлилась несколько дольше. Хорошо, что погода была довольно плоха и урожай на Украине еще не созрел. Таким образом, мы можем надеяться получить его бóльшую часть. Это будет массированное нападение самого крупного масштаба. Пожалуй, даже самое мощное из всех, какие видела когда-либо история. Пример Наполеона не повторится. Сразу же, в первое утро, начнется артиллерийский обстрел из 10 000 стволов. Мы применим новые виды артиллерийского оружия, которые предназначались для линии Мажино, но тогда не потребовались. Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это — наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, они представляли бы собой гораздо большую опасность. Русские имеют в своем распоряжении примерно 180—200 дивизий, может быть, даже несколько меньше, но приблизительно столько же, что и мы. По своей психологической и материальной ценности они с нашими вообще несравнимы. Прорыв будет осуществлен в различных местах. Русские будут сразу же отброшены. Фюрер рассчитывает, что вся эта акция потребует примерно 4 месяца, я же считаю, что меньше. Большевизм развалится как карточный домик. Мы находимся накануне ни с чем не сравнимого победоносного похода. Мы должны действовать.

Москва хочет остаться вне войны до тех пор, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Вот тогда Сталин захотел бы действовать. Но мы перечеркнем этот расчет. Наша акция подготовлена так, как только вообще могут подготовить ее люди. У нас наготове такие резервы, что неудача начисто исключена. Географически эта акция не ограничена никакими границами. Будем сражаться до тех пор, пока больше не останется никакой русской военной силы. Япония — в союзе с нами. Так что и для этой страны акция тоже является необходимой. Токио никогда не решился бы связываться с США, зная, что в тылу у него стоит невредимая Россия. Таким образом, Россия должна пасть и по этой причине тоже. Англия охотно сохранила бы Россию как надежду на будущее. В этом и была миссия Криппса в Москве. Она не удалась и несправедливо носит его имя. Однако Россия напала бы на нас, если бы мы стали слабыми, и тогда мы имели бы войну на два фронта, которую мы не допускаем этой превентивной акцией. Только тогда мы гарантируем свой тыл. Боевую силу русских я оцениваю очень низко, еще ниже ее оценивает фюрер. Эта акция обеспечена лучше, чем какая-либо иная.

Мы должны напасть на Россию и для того, чтобы высвободить наших солдат. Неразбитая Россия заставляет нас постоянно держать 150 дивизий, солдаты которых срочно нужны нам для военной экономики, чтобы осуществить нашу программу производства оружия, строительства подводных лодок и самолетов, и тогда США уже больше ничего не смогут замышлять против нас. У нас есть и сырье, и машины для трехсменной работы, но не хватает людей. А если мы разгромим Россию, то сможем высвободить целые контингенты и строить и вооружаться. И только тогда мы сможем начать широкое воздушное наступление на Англию. Высадка все равно очень трудноосуществима. А значит, нужно создать гарантию победы. Процедура должна проходить следующим образом: мы должны пойти совершенно другим путем, нежели привычный, и переменить пластинку. Мы прекращаем полемику в печати, храним полное молчание, а в «день X» простонапросто наносим удар. Я настойчиво отговариваю фюрера от созыва в этот день рейхстага. Тогда рушится вся система маскировки. Он принимает мое предложение: разрешить зачитать его обращение по радио. Таким образом, сохранение тайны абсолютно обеспечено.

Тенденция сей кампании очевидна: большевизм должен пасть, а у Англии будет выбита из рук ее последняя, единственно мыслимая континентальная шпага. Большевистский яд должен исчезнуть и из Европы. Против этого и Черчилль, и Рузвельт мало что могут возразить. Вероятно, мы обратимся к епископату обоих вероисповеданий (католического и евангелического.— ***Пер.***) с просьбой благословить эту войну как войну богоугодную. В России вовсе не будет восстановлен царизм, а вопреки еврейскому большевизму будет осуществлен подлинный социализм. То, что нам доведется пережить это, дает глубокое удовлетворение каждому старому нацисту. Совместные действия с Россией, собственно говоря, были пятном на нашем щите чести. С этим будет покончено. Я говорю это фюреру, и он полностью соглашается со мной. Фюрер говорит: справедливо или несправедливо, но мы должны победить. Это единственный путь. И он справедлив, морален и необходим. А когда мы победим, кто спросит нас о методе! У нас все равно на совести столько, что мы должны победить, ибо иначе весь наш народ, а мы во главе его, будем стерты с лица Земли со всем, что нам дорого. Итак, за дело!

Фюрер спрашивает меня, что думает народ. Народ ведь полагает, что мы с Россией заодно. Будет ли он храбр, когда мы призовем его к войне против нее? Русские радиостанции глушатся нами, а теперь вот наши солдаты впервые получат возможность непосредственно познакомиться с отечеством рабочих и крестьян. Все они вернутся дикими антибольшевиками. Эта чума будет в Европе истреблена. Время для этого назрело. Опровержение ТАСС, на взгляд фюрера,— порождение страха. Сталин дрожит перед грядущими событиями. Его лживой игре будет положен конец. Мы организуем для себя сырье этой богатой страны. Тем самым надежда Англии уничтожить нас блокадой будет окончательно разрушена. И только тогда подводная война развернется по-настоящему. Англия будет повержена наземь. Италия и Япония получат только извещение о том, что мы имеем намерение в начале июля направить России ультимативные требования. Это быстро станет известным. Тогда мы снова получим несколько дней. В остальном же дуче о размахе нашей акции еще не осведомлен. Антонеску знает несколько больше. Румыния и Финляндия выступят вместе с нами. Наши полководцы, которые в субботу побывали у фюрера, подготовили все самым наилучшим образом. Наш пропагандистский аппарат готов и ждет. Мы еще покажем себя!

Чтобы завуалировать подлинную ситуацию, необходимо и далее неотступно распространять слухи: мир с Москвой! Сталин приезжает в Берлин. Будем надеяться, что нам еще удастся продержать все это в тайне некоторое время. Я хочу сделать все, на что способен. Фюрер живет в таком напряжении, которое просто невозможно описать. В таком состоянии он находится каждый раз перед началом акции. Но он говорит, что, как только акция начнется, совершенно успокоится.

Я обсуждаю с фюрером еще ряд те-

кущих вопросов, некоторые персональные дела и т. п., а потом исчезаю опять через заднюю дверь. На улице — ливень. Когда я прощался с ним, фюрер был очень растроган. Это для меня великий момент.

Проехали по парку, потом мимо заднего портала и погнали дальше по улицам, где под дождем прогуливались люди, ничего не знающие о наших заботах и живущие одним днем.

По радио идет веселая развлекательная передача. Это тоже средство маскировки. Я еще раз запрещаю всем нашим средствам массовой информации внутри страны и за границей касаться темы «Россия». До «дня X» это — табу.

17 июня 1941 г. (Вторник)

Вчера: у нас нет почти никакого материала для пропаганды и полемики. Я запретил тему России всю, целиком. Все — в подвешенном состоянии. Насчет России — неисчерпаемая шкала слухов: от готового заключения мира до уже разразившейся войны. Это очень хорошо для наших целей, а потому мы усердно стимулируется нами. Слухи — хлеб наш насущный. Мы противопоставляем им наше собственное молчание.

Все подготовительные меры уже приняты. Это должно начаться в ночь с субботы на воскресенье. В 3.00. Русские все еще массированно концентрируют свои войска на границе. При их незначительных транспортных возможностях они за несколько дней изменить уже ничего не смогут.

18 июня 1941 г. (Среда)

Маскировка от России достигла своей наивысшей точки. Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что уже и сам с трудом ориентируешься. От мира до войны — это такая шкала, из которой каждый может выбрать то, что ему хочется. Наш наиновейший трюк: мы планируем созыв большой мирной конференции с участием также и России. Желанная жратва для мировой общественности. Но некоторые газеты почуяли, что пахнет жареным, и подходят весьма близко к истине.

Мы соблюдаем во всех касающихся России вопросах абсолютную сдержанность. В отношении США тоже ведем себя осторожно. Мы не должны позволить себе сейчас спровоцировать нас.

У фюрера. Можно ли еще долго сохранять маскировку против России? Я в этом сомневаюсь. Во всяком случае, с каждым днем маскировка все больше раскрывается. Мы живем в лихорадочном высоком напряжении. Гроза должна разразиться со дня на день. Хоть бы скорее прошла эта неделя!

Розенберг (имперский комиссар по делам оккупированных восточных областей.— ***Пер.***) весьма ясно высказывается насчет своих задач на Востоке. Он очень досконально знает тамошние проблемы. Он тоже верит в очень быстрый крах (России). Только бы русские оставались в массированном на границе состоянии!

Наши уловки в отношении России постепенно разгадываются. Начинают их раскусывать. Наступает самое время действовать.

19 июня 1941 г. (Четверг)

Вопрос о России медленно, но проясняется и для другой стороны. Избежать этого было невозможно.

20 июня 1941 г. (Пятница)

Москва постепенно начинает наглеть. Я подавляю слухи о созыве рейхстага. Этого только нам не хватало!

Воззвание фюрера к солдатам Восточной армии уже отпечатано, упаковано и разослано. Содержание: разъяснение германо-советской распри. Вперед на врага! Блестящее объяснение всего дела. Одновременно я пресекаю совершенно нелепые слухи, распространяющиеся среди части партийного руководства. Слушал новые фанфары для радио.

У фюрера: дело с Россией совершенно ясно. Фюрер прославляет преимущества нашего режима по сравнению с либеральным. Мы воспитываем народ в духе единого мировоззрения. Этому служат кино, радио и пресса, которые фюрер называет самыми важными средствами руководства народом. Отказаться от них государство не может никогда. Фюрер хвалит также поведение нашего журналистского корпуса. Этому значительно способствовали пропагандистские роты. Во всяком случае, наша работа в данный момент котируется высоко.

Волна слухов о России немного ослабла. Она явно миновала свой пик. Мы и дальше молчим железно. Только это и есть самое лучшее.

21 июня 1941 г. (Суббота)

Вчера: полный драматизма час близится.

Вопрос о России с каждым часом становится все драматичнее. Молотов попросил визита в Берлин, но получил резкий отказ. Наивное предложение! Это следовало бы сделать на полгода раньше. Наши противники идут к своей гибели. Читаю подробную памятную записку о русско-большевистской пропаганде. С ней нам иногда приходится раскалывать твердый орешек, она не такая дурацкая, как английская. Ее ведь делают евреи. Я предусмотрительно уже сейчас привожу в готовность радиоглушилки. В Финляндии — мобилизация. Что ж, пусть Москва заметит, что́ именно грозит большевизму. С Россией дело идет правильно. Войну ожидают каждый день. Раздаются лишь отдельные голоса, утверждающие, что это блеф. Фюрер очень доволен нашими фанфарами. Он велит подготовить еще несколько, положив в основу песнь Хорста Весселя.

22 июня 1941 г. (Воскресенье)

Вчера: нападение на Россию начнется ночью в 3.30. Мне еще не вполне ясно, будет ли воззвание фюрера зачитано по радио немедленно или только утром, в 7 часов. Мы хотим сразу же, в первый день, прочитать по радио предостережение насчет диверсионных групп русских парашютистов. Секретное донесение одного нашего агента настойчиво предупреждает о таких запланированных попытках. Международная общественность топчется в полной темноте. К тому же Запад вскоре получит облегчение.

Время оглашения воззвания еще должно быть определено фюрером и мною. Я еду в Имперскую канцелярию. Фюрер предпринимает небольшую прогулку на автомашине. Он выглядит совершенно переутомленным. По его возвращении сразу же начинается обсуждение обстановки. Он подготовил новое обращение к народу, которое немного превосходит другое — к солдатам. Я предлагаю несколько мелких изменений. Оно превосходно и излагает всю суть дела.

Итак, наступление начинается в 3.30. 160 укомплектованных дивизий. Линия наступления протяженностью 3000 километров. Самое крупное во всем мире сосредоточение войск. По мере того, как приближается час решения, фюрер все больше освобождается от давившего на него страшного бремени. Он просто оттаивает. Кажется, что с него спадает вся усталость. Мы прогуливаемся 3 часа по его салону. Я вновь могу бросить взгляд в его внутренний мир. Нам не остается ничего другого, как нападать. Эта раковая опухоль должна быть выжжена каленым железом. Сталин должен пасть. Деканозов (тогдашний посол СССР в Германии.— ***Пер.***) в Берлине снова заявлял протест против нарушения нашими самолетами границы. Ему дан уклончивый ответ! Дуче будет введен в курс дела в воскресенье. В общих чертах он ориентирован во время последней встречи на Бреннерском перевале. Мы сами определяем тенденцию борьбы. Она однозначна и ясна. Прежде всего мы пускаем в ход аргумент, что двойственная позиция России до сих пор мешала решить вопрос об Англии. Партию мира в Англии фюрер оценивает очень высоко. Иначе инцидент с Гессом не замалчивался бы начисто столь систематично.

После долгих колебаний время зачтения воззвания было назначено на 5.30. К тому времени фюрер будет знать о том, как идет наступление, и об этом должен узнать народ и весь мир. Целый час прослушивали фанфары. При этом мы оба остановились на коротком мотиве из песни Хорста Весселя. Фюрер очень доволен нашей работой в этой области. На этом наши приготовления закончились. Он работал над всем этим с июля прошлого года, и вот момент наступил. Сделано все, что вообще можно сделать. А теперь решить все должно военное счастье.

23 июня 1941 г. (Понедельник)

Вчера: давяще жаркий день. Нашим войскам будет нелегко сражаться. Выступил Молотов: дикая ругань и призыв к патриотизму, слезливые жалобы, а за всем этим проглядывает страх. «Мы победим»,— говорит он. Бедняга!

Англия еще занимает двойственную позицию. Там слишком ошеломлены. В США пока только сенсация. Антонеску публикует поэтические воззвания к армии и народу. Финляндия еще не шевелится. Венгрия настроена сильно антибольшевистски и выступает за нас. Италия объявляет России войну. Весьма приличный поступок. По всей Европе проходит волна антибольшевизма. Решение фюрера — самая крупная из всех мыслимых сенсаций. Наше воздушное нападение начинается в самом грандиозном стиле. 900 пикирующих бомбардировщиков и 200 истребителей. Военные действия начались по всему фронту протяженностью в 3000 километров. Первые небольшие реки повсюду форсированы.

Во второй половине дня уже проясняется психологическая ситуация. Воззвание фюрера дословно передано для всего мира. Лондон пока говорит, что Гитлер спятил с ума, и указывает на пример Наполеона, который привел и Молотов. По этому поводу мы еще подискутируем. Некоторые английские голоса призывают к благоразумию и показывают, что́ потеряет Англия, если мы захватим Украину. США предаются ругани. Но, как известно, нам от этого ни жарко, ни холодно. Если мы победим, все равно окажемся правы. Из Японии о ее позиции пока еще ничего не слышно.

Риббентроп после зачтения мною воззвания фюрера вставил и свое словечко. День его тщеславия.

Русская концентрация войск подобна французской 1870 года и потерпит такую же катастрофу. Первоначально русские оборонялись лишь умеренно. Но их авиация сразу же понесла ужасные потери: 200 сбитых самолетов, 200 разбитых на земле, 200 повреждено. Уже одно это огромный урон. Мы вскоре добьемся своего. И мы должны вскоре сделать это. У нашего народа слегка подавленное настроение. Народ хочет мира, и, хотя тот не упущен, каждый вновь открытый театр войны готовит ему новые заботы и тяготы. Испанская пресса весьма рьяно поддерживает нас. Точно так же, как и шведская. В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода. Мы сможем хорошо использовать это. Но не слишком напирая на лозунг «За христианство». Это было бы все-таки чересчур лицемерно.

Каждую минуту поступают новые известия. К настоящему часу уничтожено 1000 русских самолетов. Это для русских неприятный сюрприз. Взят Брест. Все задачи дня выполнены. Мы можем быть весьма спокойны. До сих пор никаких осложнений. Советский режим по-

летит вверх тормашками. Выступает Черчилль. Безумная брань по адресу фюрера. А в остальном его речь одно сплошное подтверждение сотрудничества Лондона и Москвы против нас.

24 июня 1941 г. (Вторник)

Ход военных операций на Востоке хорош сверх всяких ожиданий. Наши новые виды оружия оказывают уничтожающее воздействие. Русские дрожа вылезают из своих бункеров и в течение целого дня даже негодны для допросов. Мы продвигаемся вперед двумя крупными фронтами. К настоящему времени уничтожено 1800 русских самолетов. Их истребители уступают в скорости нашим Ю-88. Все идет планомерно.

Наша тактика направлена на то, чтобы вскрыть англо-русский заговор. Речь Черчилля служит для того наилучшим образом. В США отношение весьма двойственное. Это усиливает нашу боевую позицию против большевизма. В Европе возникает нечто вроде единого фронта, появляется идея крестового похода. Может хорошо быть использовано нами. Мы постепенно снова заводим антибольшевистскую пластинку, но делаем это помаленьку, чтобы переход был не слишком резок. В народе настроение все еще выжидательное. Поворот оказался слишком внезапным. Это долго не продлится. Как только пойдут первые зримые победы. В Восточной Пруссии творится что-то сумасшедшее с противовоздушной обороной, эвакуацией и т. п. Я приказываю немедленно прекратить это.

Вместе с Паволини отправляемся к фюреру. Он принимает нас, чтобы растолковать русскую кампанию для итальянского домашнего употребления. Фюрер тоже видит продолжение операций в весьма благоприятном свете. Ясно показывает силу нашего фронта против большевиков. Это в Италии понимают очень хорошо, ибо там шли вместе с нами прежним курсом только в угоду нам. Италия всегда была против Москвы. Фюрер выезжает на фронт. Я прощаюсь с ним. Он очень серьезен и торжествен. Возвращайтесь с победой! Здоровья Вам! С Богом! Он такой великий человек! К нему можно питать только благоговение!

500 метров еженедельной кинохроники о начале нашего похода против России. Снова частично показано наше новое оружие, это мрачное орудие убий-

ства, просто-таки сметающее все на своем пути. Русские пленные, дрожа всем телом, выбирающиеся из блиндажей и убежищ. Над советским государством свершается сейчас исторический Страшный суд Господен. Я считаю, что война против России как с психологической, так и, пожалуй, военной точки зрения — наш величайший бой. Общеевропейское настроение против Москвы растет. Даже «Таймс» высказывается весьма скептически. Но четкого формулирования этого мнения пока еще нет.

25 июня 1941 г. (Среда)

Вчера: на Востоке за оба первых дня уничтожено 2585 русских самолетов в сравнении с 51 у нас. Наземные операции тоже идут хорошо. Противник сражается хорошо. Попытки восстаний в Прибалтике. Вторглись в Ковно. Ленинград горит, еще частично. Пока мы никаких подробностей в сообщении ОКВ не публикуем. Противник должен находиться в полном неведении. Вероятно, у него нет никакого представления обо всем. В Москве произносят речи и бахвалятся в старом коммунистическом стиле. Но в грохоте орудий это звучит совершенно пустыми словами. К тому же против нас ведется кампания распространения лживых слухов о наших зверствах, которую мы сразу же парируем контрвыпадами. Но пропаганда там поставлена лучше, чем в Лондоне. Здесь мы имеем перед собой более поднаторевшего противника. В Мадриде — крупные демонстрации в нашу поддержку. Европейский фронт против Москвы вырисовывается все резче без нашего прямого содействия. Я временно несколько ослабляю слишком сильное подчеркивание нашей прессой многонационального характера государства Россия. Это только усиливает сопротивление врага. Для этого еще достаточно будет времени через неделю. Даю также распоряжение вопроса об экономических выгодах победы над Москвой пока не касаться. Наша полемика целиком идет в политической плоскости. От публикации крупномасштабных карт России я еще воздерживаюсь. Огромные пространства России могут только напугать наш народ. Резко выступаю против неумного назначения сроков победы. Если мы скажем, что она наступит за 4 недели, а это произойдет через 6, то наша величайшая победа в конце концов все-таки окажется поражением. Единый фронт Москва — Лондон — Вашингтон становится все более явным. Я приказываю заняться данным вопросом поближе. Теперь мы выступаем против России с более сильной радиопропагандой.

26 июня 1941 г. (Четверг)

Вчера: давящая, душная атмосфера, в которой едва можно дышать. И все-таки работа кипит, летят телеграммы, непрерывно звонят телефоны. Мы глубоко вклинились в русскую территорию. Ковно, Вильно, Слоним и Брест-Литовск — в наших руках. На юге — слабые бои. Русские обороняются храбро. Никаких отступательных маневров. Это хорошо. Так мы их заполучим скорее. Они теряют бесчисленное множество танков и самолетов. Это предпосылка победы. Следует ожидать крупнейших успехов. Наше сообщение ОКВ все еще говорит не более этого. Пусть наша тактика будет русским неясна. В США срок нашей победы уже сократили до 10 дней войны. Я со всей энергией велю отставить это. Иначе огромный триумф будет в конечном счете выглядеть поражением из-за того, что мы не уложимся в сроки, назначенные США.

Русские военные сводки воняют ложью. В ответ мы пока помалкиваем. Тем громаднее будет триумф, когда мы выложим все как есть. Русские радиопередатчики пытаются вести разлагающую пропаганду среди наших солдат. Треп! Наши же радиопередатчики Москвой глушатся. Но я смогу ввести в действие радио Ковно.

Своим нападением на Москву мы вбили клин в лагерь плутократии. Наша психологическая ситуация в настоящий момент отлична.

27 июня 1941 г. (Пятница)

Вчера: центр тяжести — на Востоке. На южном участке фронта — маневренные бои. Наши соединения не дают врагу свободы маневра. Слава Богу, он не предпринимает необходимых мер для отступления. На центральном и северном участках фронта мы продвигаемся дальше вперед. Минск в наших руках. Первый большой мешок начинает завязываться узлом. В нем окажутся множество пленных и всякой техники. У русских гигантские потери танков и самолетов. Но они сражаются еще хорошо и с воскресенья (22 июня) уже многому научились. Достигнутые нами до сих пор успехи более чем удовлетворительны. На севере даже великолепны. Финляндия вступает теперь в войну и официально. Швеция пропускает одну германскую дивизию. Дания за нас, в Испании — демонстрации против Москвы. Италия пошлет экспедиционный корпус. Если это только не кажется, антибольшевистский фронт начинает образовываться. Напряжение во всем мире достигло наивысшей точки. Большевики публикуют военные сводки, содержащие больше пропаганды, чем фактов. Совершенно неуклюже и назойливо. Никакого действия это не оказывает. Московское радио фабрикует, как на конвейере, всякие ужасы. Призыв к нашим солдатам дезертировать. Хотя он глуп и нелеп, все-таки надо быть настороже. Большевики — это вам не англичане! Кое-что в разлагающей пропаганде смыслят. Во всяком случае, с ответом Москве мы в долгу не останемся. В Лондоне — большая дилемма. Точно так же — трещина в общественном мнении США. Соседство с большевизмом постепенно становится неуютным. Наша же психологическая позиция однозначно ясна и тверда.

Известия с фронта очень скудны. Там все находится в развитии. Но скоро победы посыплются градом. Мы боимся только одного: как бы русские не стали преждевременно отступать и не избегли бы битвы на уничтожение. Показания русских военнопленных свидетельствуют об их ужасающем уровне. Это — следствие большевистского воспитания. О солдатском обучении и говорить не приходится. Многие при пленении стреляются от страха, так как им внушили ужас перед нашими солдатами. Мы должны вести разъяснительную работу среди них при помощи листовок, так как радио до них не доходит.

28 июня 1941 г. (Суббота)

Вчера: война на океанах продолжается. Восточный фронт: на юге — весьма упорное сопротивление. Враг обороняется отчаянно и под хорошим командованием. Обстановка не то чтобы угрожающая, но забот полон рот. На центральном участке успехи весьма хорошие. Первый мешок захлопнулся. В нем — много чего. Это уже признак деморализации противника. На севере — тоже хорошее продвижение вперед. Люфтваффе до сих пор уничтожила 4000 вражеских самолетов.

Русская военная сводка — совершенно неуклюжая пропаганда и едва ли имеет какую-либо ценность. Мы не хотим следовать за Москвой по этому пути. Мы вновь приводим только общие данные. Но постепенно наше молчание невыгодным образом сказывается на нашей пропаганде. Тем лучше будет нам, когда мы наконец покончим с ним. Только на центральном участке русские медленно отходят. Это отнюдь не в духе наших намерений.

29 июня 1941 г. (Воскресенье)

Вчера: положение на Востоке, на юге, на румынском фронте приостановка, небольшие клинья русских, частично на румынской территории. На центральном участке фронта все идет планомерно. Мы уже наносим удар через Минск. Враг теряет огромное число танков и самолетов. Первый крупный котел почти закрыт. На северном участке фронта все тоже идет по плану. Русские защищаются отважно. Командование их действует в оперативном отношении лучше, чем в первые дни. Москва распространяет наглую ложь и сообщения об ужасах. Но мировая общественность не верит ни единому слову большевиков. В США считают положение Сталина отчаянным. В нашем народе уже предаются иллюзиям. Говорят о 600 000 пленных, о вступлении в Ленинград и т. п. Все это — из-за нашего долгого молчания. Тем не менее фюрер отказывается нарушить его. Даже несмотря на опасность, что народ, получив истинные сведения, будет несколько разочарован. Сейчас военные интересы превыше всего, хотя все мы настаиваем на более подробных сообщениях для общественности. Однако фюрер хочет именно в сегодняшнее воскресенье обрушить на нее целый поток чрезвычайных сообщений. Мы готовим все для этого.

Русское радио целиком работает в старой большевистской манере. С этим мы легко справимся. Фюрер — в наилучшем состоянии духа, очень доволен нашей работой. Наконец-то молчание будет нарушено.

30 июня 1941 г. (Понедельник)

Вчера: день чрезвычайных сообщений. Общей численностью 12; опубликование их по радио мы начинаем в 11 часов. Весь мир приник к радиоприемникам. Достигнуто превосходство в воздухе. Гродно, Вильно, Брест-Литовск и Двинск (Даугавпилс.— ***Пер.***) в наших руках. Восточнее Белостока окружены 2 красные армии. Прорыв их исключен. Минск тоже в наших руках. Русские потеряли 2233 танка и 4107 самолетов. Вот о каких вещах было сообщено народу. Почти что слишком много. К концу у слушавших замечалась даже легкая усталость. Эффект оказался не тот, на какой надеялись. Народом слишком охотно просматриваются несущие конструкции нашей информационной техники. Дело было преподнесено с чересчур явным намерением. Несмотря на это, воздействие все же огромное. Особенно на заграницу. Мы снова на вершине нашего триумфа.

Мы работаем на Россию при помощи трех тайных радиопередатчиков. Тенденция первого — троцкистская, второго — сепаратистская и третьего — националистическо-русская. Все три — резко против сталинского режима. Здесь мы пускаем в ход все средства, используем кадры, зарекомендовавшие себя в кампании на Западе. По официальным радиостанциям мы ведем очень резкую и полностью рассчитанную на большевистский менталитет полемику против Москвы. Русская военная сводка с каждым днем становится все более дурацкой. Наверняка разработана евреями. Изобилует единичными поступками и действиями, она тупоумна и узколоба, как передовица «Роте фане» (центральный орган запрещенной КПГ.— ***Пер***). С нею мы, разумеется, легко разделаемся. Около 50 миллионов листовок для Красной Армии уже отпечатано и будет сброшено нашей авиацией. Москва изымает у населения радиоприемники — доказательство того, что наша пропаганда бьет прямо в точку. Нас упрекают в Москве в том, что мы будто хотим снова ввести царизм. Этой лжи мы отрубим башку очень быстро.

В США — возрастающий кризис. Рузвельт сидит между двух стульев. Изоляционизм все больше и больше поднимает голову. В Лондоне тоже сильные трещины во вражеском фронте. Ведь антибольшевизм засел там слишком глубоко. Всходит посев нашей предыдущей пропаганды.

2 июля 1941 г. (Среда)

Поход на Восток. В общем и целом идут очень упорные и ожесточенные бои. Ни о какой прогулке не может быть и речи. Красный режим привел народ в движение. К этому добавляется вошедшее в поговорку упрямство русских. У наших солдат дел по горло. Однако до сих пор все еще протекает планомерно. Положение не серьезное, но суровое и требует применения всех сил. Русские в своих военных сводках торжествуют. Несколько слишком громко и несколько слишком рано. Мы всей своей мощью боремся против этого.

У трупа Геббельса. Фото В. ГРЕБНЕВА

того, что там дела плохи. Иден произносит речь, в которой вообще отказывается от переговоров с нами. Мы должны действовать быстро, акцию на Востоке нельзя слишком растягивать. Но об этом позаботится и сам фюрер.

3 июля 1941 г. (Четверг)

Вчера: на Востоке снова прочно замкнулся котел в районе Белостока. Взяты в плен 20 дивизий, 100 000 человек, и захвачены необозримые трофеи. Предстоит уничтожение оставшихся частей. Румыния удерживает свой фронт. Москва уже здорово сбавила тон. Наши тайные передатчики продолжают работать. Большая сенсационная подача подготовленного бегства Сталина из Москвы.

Вечером еще одно сенсационное сообщение: к настоящему времени под Белостоком взято 160 000 пленных и захвачена гигантская добыча. Здесь свершился решающий акт исторического значения.

4 июля 1941 г. (Пятница)

Вчера: на Восточном фронте кольцо у Новогрудка тесно сжато. Там ожидается огромная добыча, предположительные размеры ее пока даже не решаются произнести. А в остальном на всех участках фронта продвижение продолжается довольно быстрым темпом. Но русские бьются очень упорно и ожесточенно. Мы снова пытаемся соответствующей листовочной и радиопропагандой несколько ослабить их тупость. Следует подождать, будет ли это иметь успех.

Ранним утром выступает с речью Сталин. Защитительная речь нечистой совести, пропитанная глубоким пессимизмом. Он рисует всю серьезность положения, призывает к саботажу нашего наступления, предостерегает от паникеров и вражеских слухов. Под этим подразумевается наша работа. Из многих сообщений из России и о ней я вижу, что работа наших радиостанций и передатчиков начинает доходить. Она будет интенсивно продолжаться. На речь Сталина мы даем отличающиеся друг от друга ответы для Германии и заграницы. На Россию она подается нами как сигнал краха. Мы применяем здесь и апробированные во время похода на Запад более сильные методы пропаганды, например, создание паники и т. п. Уже совершенно отчетливо заметен успех. Русский тыл начинает медленно разлагаться. Признаки этого несомненны. Мы бередим эту открытую рану. Особенно мы должны протестовать против брошенного нам Сталиным обвинения, будто мы хотим восстановить царизм. Впрочем, у нас есть в запасе множество ходких аргументов, которые мы будем пускать в дело один за другим.

Впечатление такое, что мы являемся очевидцами величайшей в истории битвы на уничтожение. И впечатление это, без сомненья, верное. Наши солдаты на фронте теперь совершенно убеждены в необходимости этой войны. Большевизм для них больше не представляет собой опасности.

Сопротивление красных кажется постепенно сломленным по всей линии. Большевизм переживает в данный момент свой тяжелейший кризис. Мы сделаем все для того, чтобы его усилить и ускорить. Сталин призвал сжигать урожай и все запасы. Мы со всей откровенностью отвечаем на это: пусть Россия после своего поражения не ждет от нас ничего, мы дадим ей подохнуть с голода. Это, верно, чуточку охладит воспаленные умы.

5 июля 1941 г. (Суббота)

Вчера: военная обстановка и дальше складывается благоприятно. Благоприятна она и в Прибалтийских странах. В районе Рогачева форсирован Днепр. Тем самым прорвана линия Сталина. Москва, по нашим оценкам, еще имеет в своем распоряжении около 2000 боеспособных самолетов. Наши адресованные русским листовки с призывом капитулировать обладают большой привлекательностью. С ними сдаются в плен целые батальоны. В наказание за хранение этих листовок Москва ввела смертную казнь. Вообще, как кажется, нашей пропаганды там очень боятся. Наши передатчики превосходят сами себя по хитрости и изощренности. Сталину теперь не до смеха. Значительная часть русской внутренней пропаганды занимается сейчас отражением нашей. Она все еще оборонительна, эта столь превозносимая и внушающая страх большевистская массовая пропаганда!

Речь Сталина вызвала в Англии и США огромное восхищение. Доказательство того, к какой компании принадлежит этот тип. Трещина в общественном мнении США растет. Заигрывание с большевизмом создает Рузвельту много новых врагов. В Лондоне и Москве — пессимистическое настроение. Наши войска подходят к Смоленску. Русские творят страшные зверства. Они за это поплатятся. Режим Чан-Кайши разрывает отношения с нами. Поверхность Земли меняет свои контуры. Время бешено мчится вперед. Когда же оно успокоится? Под Минском сдались 20 000 большевиков, предварительно перестреляв своих политических комиссаров. Признак приближающейся бури? Может быть, она разразится.

6 июля 1941 г. (Воскресенье)

Вчера: на фронтах дела идут хорошо. В Румынии — без изменений. На центральном участке кольцо сжимается все туже. Наши танки повернуты на север. Москва пока подождет. Туда русские бросают все имеющиеся у них резервы. В Финляндии на границе одна дивизия СС не справилась со своей задачей. Маннергейм командует слишком прямолинейно и до уровня русского командования не дорос. А в остальном все в движении. Авиация работает отлично. Все наши операции направлены на крупные цели.

Начато большое пропагандистское наступление против большевизма. Оно ведется с помощью прессы, радио, кино и пропаганды. Тенденция: пелена спадает, Москва предстает без маски. Большевизм — бич человечества, дурная болезнь, которую надо выжечь каленым железом. Все мы должны быть благодарны фюреру за то, что он подступился к этой опасности и ликвидирует ее. Эта крупная кампания против большевизма начинается немедленно. Введены в действие все пропагандистские средства. Через несколько дней мы увидим последствия как внутри страны, так и за рубежом. Москва же в ответ делает только совершенно примитивную и глупую пропаганду, подобную английской лжи. Московская военная сводка помпезными фразами снова прикрывает большевистские поражения и отступления. Доказательство того, что там дела плохи. Иден произносит речь, в которой вообще отказывается от переговоров с нами. Мы должны действовать быстро, акцию на Востоке нельзя слишком растягивать. Но об этом позаботится и сам фюрер.

7 июля 1941 г. (Понедельник)

Вчера: положение на Восточном фронте хорошее. Снова развертываются крупные операции. Русские подтягивают на этот фронт огромные подкрепления. Это хорошо и желательно для нас. Тогда нам не придется преследовать их далеко в глубь страны. Под Минском к нам перебежали 53 000 большевиков, трофеи пока почти необозримы. Однако местами красные оказывают упорное сопротивление. В Москве все же постепенно уясняют себе всю серьезность военной ситуации. Русская военная сводка показывает это. Она пока может сообщить только об отступлениях.

Мы вещаем по всем передатчикам, ведем мощную кампанию против Москвы. Тайные передатчики работают образцово и доставляют большевикам много хлопот, наша большая кампания против большевизма началась превосходно. Все информационные и пропагандистские средства задействованы самым лучшим образом. Я распорядился продолжать и усиливать эту акцию. Она должна просветить не только наш собственный народ, но и охватить всю Европу, усилить трещину в общественном мнении США и самой Англии. Это в своей большей части уже удалось.

Русские снова наврали с целый короб. Всего даже и не опровергнешь. Особенно дикий вздор они несут насчет германских потерь, они уже называют 700 000 человек. Но так бывало при каждом наступлении. В конце концов мы все-таки имеем 300 тысяч пленных. В Москве царит очень мрачное настроение. Мы будем делать все для его усиления. В Лондоне предаются фантазиям насчет высадки на континенте. Пусть только придут!

8 июля 1941 г. (Вторник)

Вчера: на фронтах все хорошо. На юге — упорные бои. Дороги почти непроходимы. Взяты Черновцы. Операции продолжаются. У противника больше нет никакого оперативного командования. Пленные показывают, что они не капитулируют только из страха перед расстрелом. Настроение у нас на фронте очень хорошее. Войска видят теперь, что этот поход был необходим. На центральном участке все по-прежнему отлично. В Финляндии — очень трудно. Финны для наступления непригодны. Петсамо с его никелем — в безопасности. На Востоке никаких воздушных налетов. Доказательство того, что красная авиация уже не имеет никакой ударной силы.

Большевики отвечают на нашу пропагандистскую работу дикой кампанией распространения лживых утверждений о якобы чинимых нами зверствах, которая, естественно, усердно поддерживается Лондоном. В ответ мы действуем наступательно, разоблачаем большевизм, и заграница по большей части принимает наши лозунги. Большевики делают пугалом наших парашютистов. Мы содействуем этому, сами пускаем в оборот такие сообщения, добиваясь этим возникновения значительной паники. В Москве, по не вызывающим сомнения данным, настроение весьма мрачное. Мы не успокоимся до тех пор, пока красные бонзы не полетят. Это удалось нам в 1933 году (в Германии), удастся и на сей раз. Наша листовочная пропаганда против Советов усиливается. Капитулировать — вот лозунг наших листовок.

В США настроение все еще двоякое. Но в нашей победе над Россией больше не сомневается уже никто.

(На этой дате записи в I части немецкого издания обрываются.)

Публикация и перевод с немецкого Григория РУДОГО.

МАСТЕРСКАЯ

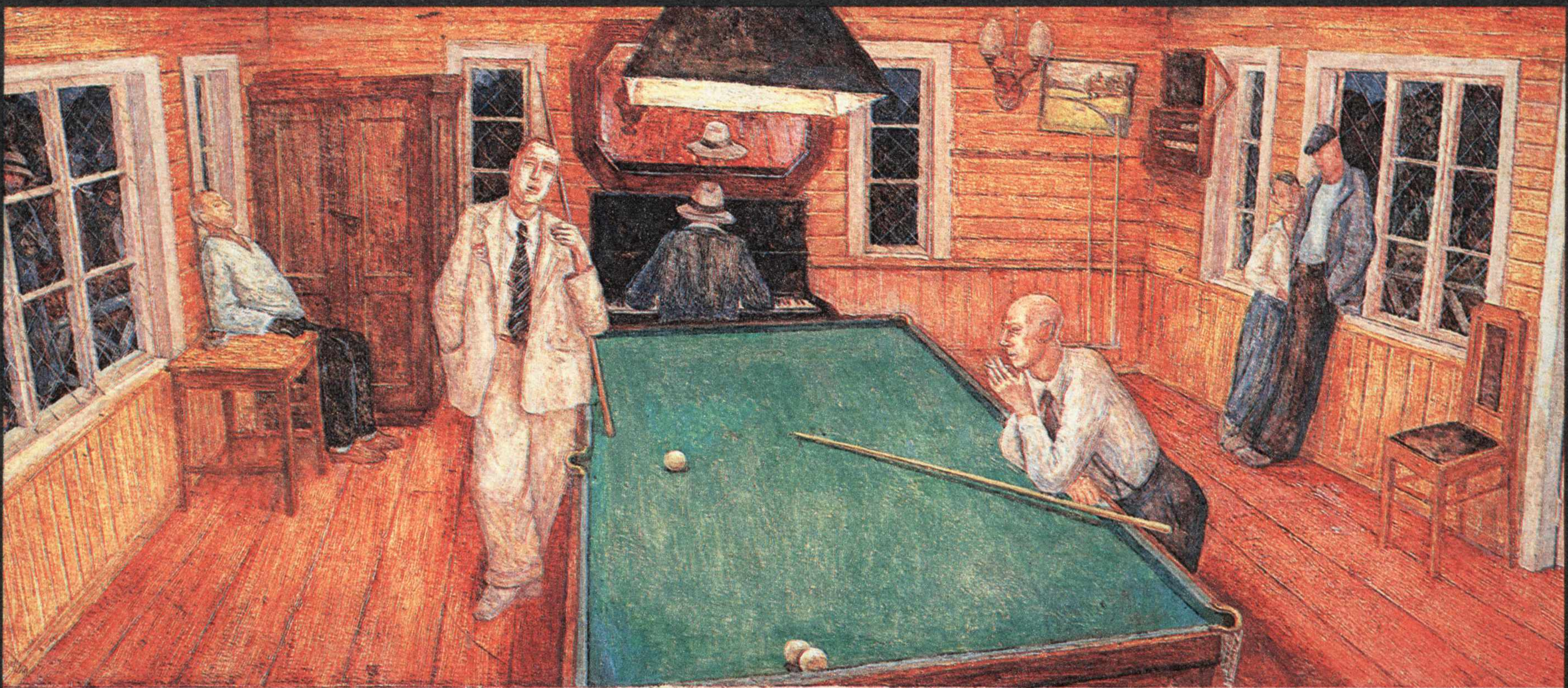

Марксэн ГАУХМАН-СВЕРДЛОВ

«Моя жизнь»
(по А. П. Чехову). 1971.

Похоже, искусствоведам и историкам будущего придется больше доверять не словам, часто слишком нервным и поспешным, а именно изображению, которое сообщит о нас, сегодняшних, более объективную информацию. Марксэн Гаухман-Свердлов — один из тех художников, кто поможет узнать правду о нашем времени.

«Валентина» («Прошлым летом в Чулимске»). 1980.

«Чужая белая и рябой». 1987.

«Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви». 1989.

ОГОНЁК

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ЗАМАРАШКА В КРЕМЛЕ

Сколько блистательных имен замуровано еще в стене забвения российского искусства! Одно из них — Сергей Прокофьев. Возвращение на сцену в год 100-летнего юбилея великого композитора его «Золушки» сопряжено с целой цепью благоприятных обстоятельств: и рождение Российского национального симфонического оркестра под управлением Михаила Плетнева, и становление Театра балета Кремлевского Дворца съездов во главе с Андреем Петровым, и творчески-деловые контакты с известной парижской фирмой «Нина Риччи»... Возможно, спектакль сумел бы достойно прозвучать и в иных, нежели предложенных элегантным Жераром Пипаром костюмах, но, я уверен, утратил бы немало. Конечно, интерес зрителей подогревался прежде всего участием в спектакле Владимира Васильева — постановщика и исполнителя одной из главных ролей, Екатерины Максимовой и молодого Андриса Лиепы. Как много унаследовал он от отца — Мариса! Вспоминая дуэты Е. Максимовой и Лиепы-старшего, отмечаешь, что сыну присущи более мягкие краски при том же высочайшем артистизме. Что касается Владимира Васильева, его поклонники, возможно, будут шокированы, увидев виртуозного исполнителя героических и романтических партий в образе... злой Мачехи. Впрочем, она не столько зла, сколько напыщенна и курьезна. Увы, описывать балет — неблагодарное дело. Предлагаю обратиться к фотографиям.

Александр МИНКИН

НАНЯТАЯ СОВЕСТЬ

Не исключено, что перед судом раньше предстанет адвокат, чем его подзащитные.

В предыдущих номерах «Огонька» была опубликована моя заметка «Кругом 13». Читатели узнали, как шайка гангстеров похитила представителя СП «МОСТ» и потребовала выкуп — 150 000 долларов (около 6 000 000 рублей). Жена заложника Наташа в сопровождении двух подполковников С. (Александр Комаров — МВД) и Л. (Леонид Артемов — КГБ) отправилась в Польшу за деньгами. (Здесь следует покаяться: в рассказе совершенно необоснованно преувеличена «алкогольная тема». Наташа, жена заложника, пила в день всего одну-две рюмки коньяку для поддержания сил. Конечно, она нервничала, но абсолютно адекватно воспринимала действительность.) КГБ и МУР в тесном сотрудничестве искали банду. На двенадцатый день заложник Саша был освобожден. Гангстеры арестованы. Блестящий успех — результат совместной работы двух «контор». Но, вероятно, часть шайки осталась на свободе. Именно поэтому публикация заканчивалась фразой:

«Продолжение следует. Это обещают вам и гангстеры, и «органы», и я».

Продолжение последовало скорее, чем можно было ожидать. И — с неожиданной стороны...

Следователи, ведущие дело, находятся в тяжелом положении. В отличие от безответственного журналиста они не могут бросаться такими словами, как «гангстеры», «похищение», «заложник»... Похитителей нельзя обвинить в похищении. Просто потому, что в нашем Уголовном кодексе НЕТ СТАТЬИ О ПОХИЩЕНИИ!

Гуманно. Есть, правда, статья о похищении детей. Но представитель СП «МОСТ» отнюдь не ребенок, и, значит, никто его не похищал.

Нет статьи и о взятии заложника — значит, и заложником Саша не был.

Таким образом, мои заметки — страшно сказать — клеветнические. Дяденьки-гангстеры могут подать на меня в суд. Ведь они не сделали ничего плохого. Ну, увезли человека против его воли — подумаешь! Что, вас никогда друзья силком купаться не тащили? Держали 11 дней с заклеенными глазами? — Дружеская шутка.

Похоже, единственное серьезное преступление, в котором можно обвинить Сашиных «друзей»,— вымогательство относительно крупной суммы.

В Следственном управлении ГУВД, в отделе по расследованию уголовных дел, связанных с организованной преступностью, меня познакомили с любопытными новостями.

Адвокат потерявших свободу «товарищей» (надо всеми силами избегать грубых слов: «бандиты», «гангстеры» и т. п.) встретилась с получившим свободу Сашей.

Адвокат арестованных Н. Саперова вела с Сашей беседы, которые стали известны следствию и небольшую часть которых я хочу предложить читателям «Огонька» для самостоятельного анализа.

САПЕРОВА: *Я человек очень принципиальный, очень честный. Если я что-то обещаю, я делаю. Я привыкла решать молниеносно. Вам надо прийти честно, конкретно, с открытыми фактами. Если вы, конечно, способны на это.*

САША: *Меня больше всего смущает дача ложных показаний.*

САПЕРОВА: *Ну почему же ложных? С вашей головы не упадет ни один волос. С нагледами со своими, с которыми я работаю, я буду иметь очень серьезный расклад. Выйдут они на свободу, и вы спокойно езжайте в свою Польшу, в Канаду, в Австралию, куда хотите. Они к вам не подойдут. Вот те, которые сидят. Это я вам гарантирую. Я тоже не хочу, чтобы мне голову оторвали. Мне их жалко по-человечески. Идиоты, они получат крупный срок. Единственное, на что они надеются, что я им помогу. Но я могу им помочь, только если вы будете моим сторонником.*

Сейчас традиции очень хорошие, Саша. Вы умный человек. И я вам очень сопереживаю, это честно, поверьте. Я сейчас между молотом и наковальней: мне либо одна сторона голову оторвет, либо вторая, а я хочу мира.

Поймите, Саша, угрозыск не знает всей подоплеки дела, у них в руках нет того, что имею я. Значит, либо мы с вами договариваемся, находим какой-то здравый компромисс, либо...

Вы поймите меня по-человечески, я хочу в отпуск, хочу ребеночка своего, который в первый, то есть во второй класс пойдет в сентябре, хотя бы на две недели отвезти куда-нибудь.

Мужики надеются, что я смогу этот вопрос свести к ничьей, а ничья зависит от вас. Я была у следователя и сказала, чтобы он не рассчитывал на крупное дело, так как потерпевший откажется, потому что он умный человек. И своим ребятам я скажу. Они поймут. Это просто моя виртуозная работа, после того как я это сделала, меня аж затрясло. Виртуозная работа. Комар носа не подточит. А уж как мы преподнесем с помощью наших подзащитных, это уже мое адвокатское дело. От вас требуется совсем немного.

САША: *Но на суде меня не поймут: сначала одни показания дает, потом — другие.*

САПЕРОВА: *Вы идите с заявлением, что находились в состоянии сильнейшего аффекта, шока, и не смогли правильно оценить ситуацию, но какую-то энную сумму* ***действительно им должны.***

(Поясняю: адвокат уговаривает, чтобы Саша отказался от показаний, что с него требовали выкуп. А главное — показал, что требовали **не выкуп, а возврат долга.**— *А. М.)*

К сожалению, вся эта система совдеповская милицейская — гнилая, она... И по-товарищески скажу вам: компра на вас существует.

Идите к врачу и возьмите справку, что у вас был шок. Или заявите, что вы сейчас в таком состоянии, что не можете трезво оценить обстоятельства. А я с мужиками поговорю. Они подтвердят все слово в слово. Следователь ничего не сможет сделать.

Могут начать вас пугать. Но вы не бойтесь. Ничего с вами сделать не смогут, если будут медицинские документы. Стращать будут. Потом подергаются, поймут, что проиграли, и отстанут. А вы держитесь тех прекрасных показаний, что они вас не били, а наоборот даже, ухаживали и кормили. И обещали отпустить и отпустили бы по-хорошему, если бы, мол, моя жена не психанула. Ну, не смог вовремя долг отдать, не было дома таких денег, все собирался, да не успел.

Для следователей это будет как взрыв атомной бомбы. А мужики все, что вы скажете, подтвердят на очных ставках слово в слово. И дело будет на мази.

Не знаю, как вы нажили свои деньги и все остальное, я только знаю, что преклоняюсь перед вами, молодец. Я вот, например, никогда не была в Польше, только один раз в Болгарии была. Собиралась в этом году в Испанию или Грецию съездить, да и то неизвестно, будет ли мне это по силам. А вы, молодец, смогли, честь и хвала. От души приветствую.

Я хочу, чтобы ни у кого не болела голова, и у меня в том числе. Чтобы вы жили, перестали трястись, поправили свое здоровье. А с ними я такую работу проведу, что когда они освободятся, то и помнить о вашем существовании не будут. Понимаете?

Я хочу это со своей души снять. Понимаете?

Как не понять?

Для тех, кто ленится делать самостоятельные выводы, могу пояснить. Следователям отдела по расследованию уголовных дел, связанных с организованной преступностью, представляется, что адвокат Н. Саперова некоторым образом нарушает закон.

Я по наивности считал, что Н. Саперова действует хотя и аморально, но законно. Ее наняли — она и делает все возможное, чтобы вытащить своих «мужиков». Разве запрещено адвокату обвиняемых встречаться с потерпевшим?

Нет, ответили мне, встречаться можно. Но дача ложных показаний — преступление. И подстрекательство к преступлению — преступно. Таким образом, подстрекая потерпевшего дать ложные показания, адвокат Н. Саперова совершила, гм, нечто такое, за что следователи собираются привлечь ее к уголовной ответственности.

Не знаю, как расценят эту публикацию адвокаты и вся демократическая общественность. Опасаюсь, рассердятся. Ведь сейчас сезон охоты на следователей. А тут, к моему смущению, все наоборот.

Увы, даже нельзя произнести спасительное: «отдельный, нетипичный случай». По утверждениям сотрудников Следственного управления, такое поведение адвокатов — не редкость. Обещают представить материал для публикации. С фактами, с именами.

Граждане адвокаты, берегите ваши лица!

Вопрос о «въезде-выезде» Слава Курилов решал индивидуально, не дожидаясь парламентских слушаний. В декабре 1974 года недалеко от филиппинских берегов он прыгнул в Тихий океан с борта туристского лайнера «Советский Союз».

По профессии — океанограф, по натуре — романтик, по призванию — путешественник, исследователь, испытатель, он был негласно приговорен к иной судьбе — объявлен «невыездным» за то, что во время войны его отец был в плену. Смириться с таким заключением он не пожелал и предпочел другой приговор — десять лет лишения свободы. Но заочно.

Свободу он обрел сразу же. Трое суток абсолютной свободы в океанских волнах. Об этом его повесть «Побег», сокращенный вариант которой вы прочтете.

Все планы его сбылись. Работал за Полярным кругом в составе американской нефтяной экспедиции. Исследовал дно Ледовитого океана. Плавал на канадских океанографических судах в экваториальных морях. Месяц прожил один в гондурасских джунглях...

Сегодня Слава Курилов — научный сотрудник Израильского исследовательского института океанографии и лимнологии.

Уроженец России, русский, гражданин Канады, Слава Курилов живет в Иерусалиме, работает в Хайфе.

Он мог утонуть, но — выплыл.

Слава КУРИЛОВ

ПОБЕГ

Я посмотрел на часы: времени оставалось совсем немного. Было так хорошо сидеть среди людей и ни о чем не думать.

«Пора,— услышал я голос.— Лайнер у северной оконечности острова. У тебя есть полчаса». Я вернулся в каюту сделать последние приготовления. Надел короткую майку, узкие шорты, чтобы не мешала ни одна складка, несколько пар носков, необходимых на острых рифах, на шею повязал платок на случай, если придется перевязать рану. Мысль о спасательном жилете я отбросил сразу: он бы сильно замедлял плавание, да и не решился бы я пронести его на корму. У меня был амулет. Я приготовил его сам еще в Ленинграде по указаниям, взятым из книги царя Соломона, переведенной неизвестно кем и попавшей ко мне из «самиздата». Он предохранял от акул и других опасностей, но его действие ограничивалось только одними сутками.

Записку или письмо я не мог оставить: ее могли прочитать до того, как я появлюсь на корме.

Я присел на койку. С этой минуты я, слабый человек, бросаю вызов государству.

Я жил в государстве, где все люди были скованы одной гигантской невидимой цепью — некоей идеологией, больше похожей на заклятье злого волшебника. Я видел страх в людях — в их глазах, в их позах, в манере разговаривать, прислушиваясь и оглядываясь. Страшно видеть миллионы здоровых, сильных людей, подавленных постоянным страхом, страшно жить среди них.

В тот день, когда мне уже в который раз отказали в визе для работы на океанографических судах дальнего плавания, мое терпение пришло к концу. Обычно мне отказывали без указания причин. На этот раз в моем личном деле была приписка-приговор: «Товарищу Курилову — посещение капиталистических государств считаем нецелесообразным». Все во мне взвилось на дыбы! Выход был только один — бежать! Куда угодно, только бежать прочь. Я почувствовал себя изгнанником и стал внутренне свободным. Оставалось одно — дождаться подходящего случая и бежать.

И случай вскоре представился. Я случайно прочел в газете объявление, что большой пассажирский лайнер идет к экватору с туристами на борту. Никаких виз не требовалось: в течение двадцати дней лайнер будет находиться в открытом океане без заходов в иностранные порты. Круиз назывался «Из зимы в лето», местом сбора туристов был Владивосток.

Отход лайнера был назначен на 8 декабря. По пути во Владивосток самолет делал короткие остановки в Иркутске и в Хабаровске. Холодный, пронизывающий ветер при сорокаградусном морозе. Все вокруг кажется безжизненным и унылым, как на заброшенной планете. Люди закутаны с ног до головы, лиц нельзя различить, походка какая-то неестественная — все стараются поворачиваться спиной к ветру, сжаться в комок и часто подпрыгивают.

Владивосток был завален снегом. Дорогу от аэропорта к центру расчистили на небывалую ширину — ожидался приезд американского президента. У причала, видимый издалека, стоял наш лайнер. Лайнер «Советский Союз» был построен в тридцатых годах в Германии и назывался тогда «Адольф Гитлер». Говорили, что это была личная яхта фюрера. Во время войны он был потоплен, а после поднят со дна советскими специалистами. В начале семидесятых годов он все еще был самым крупным грузо-пассажирским судном в стране. Его использовали на дальневосточных линиях, подальше от глаз законных владельцев — лайнер не заходил в порты свободного мира, где на него могли наложить арест.

Маршрут предстоящего рейса держался в секрете от туристов; его не сообщили даже перед началом плавания. Известно было только, что к чужим берегам лайнер не приблизится. Зато туристов радостно известили, что в продолжение всего пути можно будет загорать под тропическим солнцем, купаться в бассейнах и любоваться красочной панорамой океана. На лайнер были приглашены специальные лекторы — знакомить нас с политическим устройством и экономическим положением близлежащих стран, а также океанолог из университета — для пополнения знаний о географии Тихого океана, то есть нам была предоставлена неограниченная возможность мысленно посетить города и страны, которые проплывут мимо, где-то близко за чертой горизонта, невидимые и недостижимые.

Меньше всего лайнер был приспособлен для побега. Все иллюминаторы поворачивались на диаметральной оси, разделявшей их на две части. Я надеялся незаметно отправиться за борт через один из них, но это полукруглое отверстие годилось разве только для годовалого ребенка. Ниже ватерлинии по обе стороны судна, от носа и до кормы, были приварены металлические крылья более метра шириной. Для прыжка с борта нужно было бы разбежаться по палубе и нырнуть ласточкой, чтобы войти в воду как можно дальше от корпуса и этих подводных крыльев. Разбег для такого прыжка был только на верхних палубах, но их высота превышала двадцать метров,— на ходу судна это мог бы сделать разве что Тарзан.

Осмотрев лайнер глазами будущего беглеца, я понял, что прыгать можно только в двух местах — между краями гигантского винта и концами подводных крыльев, там, где струя воды отбрасывается от корпуса. Оценивая взглядом расстояние от кормы до поверхности воды, не меньше высоты пятиэтажного дома, я задумался.

— Добротная тюрьма,— отчетливо заметил разум.— Побег невозможен.

— Кто знает,— ответил я...

Руководители круиза «Из зимы в лето» пытались взять под контроль все свободное время туристов. Каждая группа должна была сидеть за своим столом в ресторане, ходить вместе на лекции и в кино и участвовать в каких-то полудетских-полуидиотских играх под руководством затейников. Однажды кто-то из затейников предложил устроить соревнование по задержке дыхания. Желающие по очереди погружались в большую деревянную бочку с морской водой, а затейник засекал время на хронометре. Чемпион по задержке дыхания подозрительно долго не показывался. Когда его вытащили, он был без сознания, и его едва удалось спасти с помощью искусственного дыхания.

Я с трудом привыкал к роли пассажира и чувствовал себя примерно так же, как скаковая лошадь, если бы ее несли на носилках.

Как вы думаете, что может быть, если несколько сот здоровых, цветущих парней поселить в близком соседстве с еще большим числом молодых красивых женщин? И всего лишь на двадцать дней? Стоило спуститься вниз по трапу в жилые палубы, как можно было услышать несмолкаемый гул голосов и ощутить распыленный в воздухе запах спиртного и духов. Туристы предавались веселью с обеда и до утра — каждый драгоценный день отпуска.

Похоже было, что многие гуляки так и не найдут времени выйти на палубу — взглянуть на океан и подышать свежим морским воздухом.

В конце концов руководители круиза махнули на все рукой и предоставили туристов самим себе.

Для меня понеслись бесконечно счастливые дни. Я метался от борта к борту с горящими от бессонницы глазами и не мог наглядеться на это чудо. Океан выбирал для меня самые нарядные волны, громадные белоснежные облака опускались совсем низко, солнце показывалось из-за туч, прежде чем погрузиться в океан, и раскрашивало все небо самыми невероятными красками. Ночью я, как тень, бродил по верхней палубе, встречая восход незнакомых южных созвездий.

Мне нельзя было показывать тропики. Я чувствовал себя рожденным в неволе диким зверем, которого впервые вывели погулять на цепи в его родные джунгли. Теперь уже никакая сила не могла вернуть меня обратно.

У острова Лусон капитан неожиданно изменил курс, и мы, в первый раз за весь рейс, приблизились к берегу так близко, что даже увидели пальмы. Они столпились у воды и махали зелеными ветвями; самые бесстрашные вышли на крошечный островок и, сцепившись кронами, раскачивались под напором ветра. Крупные волны склоняли белые гребни к их подножию.

К борту невозможно было протиснуться — все туристы высыпали наверх и теснились, оттирая друг друга, чтобы увидеть своими глазами берег чужой земли. Через час или два мы снова стали удаляться в океан, а остров остался в памяти, как сон, как мираж. В дальнейшем, до самого острова Сиаргао, мы видели берега только далеко на горизонте.

Лайнер приближался к десятому градусу северной широты — острову Сиаргао — той самой намеченной мной точке, где я мог бы незаметно оставить судно ночью и вблизи берега.

Этот день, 13 декабря, был одним из самых незабываемых в моей жизни.

Я не вышел на завтрак. На обеде я присутствовал, но ничего не ел. Обычно я никогда не ел перед водолазными погружениями — даже с небольшим количеством пищи в желудке становится труднее дышать.

Заход солнца прошел пышно и торжественно, как это бывает только на Филиппинах. Спустилась непроглядно темная ночь.

Молнии сверкали в разных сторонах горизонта почти беспрерывно. «Идет хороший океанский шторм,— возликовал я в душе.— В штормовую погоду капитан не станет рисковать людьми и не решится послать шлюпку на поиски. У меня будет целая ночь!»

Я вдруг представил себе, что поверхность океана должна быть покрыта волнами в семь-восемь метров высотой. Я рассчитывал прыжок на высоту пятнадцати метров — от фальшборта главной палубы до ватерлинии — это было ненамного выше той скалы в Черном море, откуда я нырял ночью, вслепую. Но расстояние до воды теперь может быть либо на семь метров больше — и тогда меня может завалить вперед,— либо меньше — и меня ударит спиной.

Я вышел к закрытой галерее главной палубы — Государственной границе СССР. Там, у стены, сидели на раскладушке три матроса. Надо было прыгать прямо у них на глазах. Я поднялся на шлюпочную палубу и стал обдумывать положение. Времени совсем не оставалось, через полчаса, по моим подсчетам, лайнер минует остров.

Прыгать во что бы то ни стало, хоть на глазах

у всей команды! Я снова спустился вниз. Два матроса куда-то исчезли, а третий стелил на раскладушке постель, повернувшись ко мне спиной. Я оперся левой рукой о фальшборт, перебросил тело за борт — и сильно оттолкнулся...

Тяга к испытаниям была у меня неодолимой. Несколько лет я занимался дыхательными и очищающими упражнениями по восемь — десять часов в день. Один год был полностью посвящен упражнениям в голодании,— я не ел ничего в общей сложности четыре месяца. Начал я с десяти дней. Потом после месячного отдыха снова перестал есть и продержался двадцать один день. В следующий раз я хотел проголодать классический срок — сорок два дня, но прекратил курс на тридцатый. После тренировочных голоданий сначала в двенадцать, а потом в четырнадцать дней я ушел в лес еще одно. На тридцать шестой день мой язык стал выделять сладкую слюну, вкус во рту был такой, что я содрогался от отвращения. Последние три ночи я не мог спать и сильно ослаб. В то время я жил один в лесу и когда случайно встречал людей, видел в их глазах ужас — такой я был худой. В течение года после этого я не мог есть никакую еду, где был бы сахар.

Во время этих тренировок я ходил на работу, как обычно, а однажды, во время двенадцатидневного голодания, даже работал грузчиком в колхозе по восемь часов в день.

Дневной рацион воды я постепенно довел до одного стакана, но потом попробовал обходиться совсем без нее и легко продержался семь дней. Думаю, что мог и дольше: монахи-аскеты выдерживали в пустыне до сорока.

Мне кажется, что люди неголодавшие не имеют никакого представления о том, что такое первозданный вкус пищи и простой воды.

Очищающие упражнения и внутренние промывки, которым я научился, помогли мне не бояться отравления. Я находил в лесу съедобные грибы, коренья и стебли растений, пробуя все подряд, а в море мог есть без опаски любую морскую живность.

...Полет над водой показался мне долгим. Я спланировал эти пятнадцать метров в полной темноте и, как и ожидал, плавно вошел в гребень большой волны так, что оказался под самой кормой лайнера. Меня закрутило струей, я оказался в плотной массе стоячей воды, намертво сцепленной с винтом, и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Казалось, что лайнер внезапно остановился. Гигантский вращающийся винт был на расстоянии протянутой руки. Лопасти винта рассекали воду совсем рядом. Меня охватил ужас: я вспомнил рассеченных винтом дельфинов.

Внезапно хватка винта ослабла, меня сильно качнуло. Я попал в бурун справа от винта, и меня отбросило далеко в сторону. Задержав дыхание, я оставался под водой до тех пор, пока большое световое пятно кормовых прожекторов не прошло мимо. Яркий свет слепил меня дольше, чем я предполагал; на мгновение мне даже показалось, что меня поймали в луч прожектора, но вскоре наступила полная темнота.

Стало очень тихо.

После грохота железа и отвратительных вибраций корпуса шум волн и завывание ветра показались мне нежнейшими звуками. Лайнер стремительно удалялся.

Мои часы со светящимся циферблатом показывали двадцать часов пятнадцать минут,— они остановились во время прыжка. Я выбросил их, теперь они были мне не нужны.

Вода была довольно теплой, при такой температуре можно плыть очень долго.

Я надел маску с трубкой, ласты, перчатки с перепонками между пальцев и сделал несколько глубоких вдохов. Вокруг не было ничего, кроме черных, нависших облаков, ни одного огня. Тогда, набрав воздуха в легкие, я стал грести ластами так, чтобы можно было высунуться из воды по пояс. Я видел только вершины огромных волн и ночное небо. Лайнер исчез. Это было совершенно необъяснимо; я не знал, что и думать. Снова и снова я поворачивался во все стороны, ища глазами огни. Наконец, когда я оказался на вершине самой высокой волны, я увидел освещенные палубы и громадный черный силуэт кормы, быстро удаляющийся прочь. Я облегченно вздохнул: теперь, если даже на лайнере и хватятся меня, он успеет по инерции уйти далеко, прежде чем будет спущена шлюпка. Его возвращения я боялся больше всех других опасностей, вместе взятых. Это означало для меня нечто еще страшнее смерти. В течение получаса я все еще со страхом ожидал увидеть бортовые огни возвращающегося судна, но тревога оказалась напрасной. Первое время я плыл, ориентируясь по огням уходящего лайнера.

Восемь раз меня медленно поднимали и опускали громадные волны, и только с высоты девятого вала я видел линию горизонта и удаляющиеся огни. Я медленно взбирался на водяные валы, и мне казалось, что я ползу по дюнам в пустыне. На западе часто сверкали молнии и слышались далекие раскаты грома, сверху нависали черные грозовые тучи. Ветер срывал брызги с волн, и они хлестали меня колючими иглами. Почти каждая волна несла на себе гребень, который с шумом опрокидывался. Дышать было очень трудно. Часто гребни накрывали меня с головой, и я должен был перед каждым вдохом продувать трубку. Я внимательно следил за дыханием. Сначала делал пробный легкий вдох, потом, после сильного выдоха,— глубокий вдох и задерживал дыхание примерно на минуту, пока не чувствовал потребность в следующем. Мне казалось, что с таким редким периодом дыхания я не продержусь и часа: если даже несколько капель попадет в легкие, то я уже не смогу отдышаться,— я хорошо знал это по опыту.

Я все время сбивался с намеченного курса. Несколько минут я плыл по воображаемому направлению среди водяных валов. Когда же самая высокая волна подхватывала меня на вершину, огни лайнера оказывались не слева от меня, как я ожидал, а сзади или справа, или даже впереди. Я разворачивался снова на запад и надолго опускался вниз, в долину. Иногда я не успевал найти огни, и мне приходилось ждать следующего подъема. Вдруг я понял, что долго так продолжаться не может: лайнер вот-вот скроется. Что я буду делать тогда? Если бы у меня был компас! Я представлял себе тропики совсем иначе — теплые влажные ночи с яркими, как изумруды, звездами, полная луна среди редких облаков...

Огни судна исчезли уже окончательно, и я остался совершенно один, без всяких ориентиров, в ночном штормовом океане. Над моей головой повисла туча, и пошел сильный дождь (смешно, но первая моя мысль в эту минуту была — куда бы спрятаться, чтобы переждать; я не мог не улыбнуться ее безумной абсурдности).

Мне удалось, отодвинув трубку и задержав дыхание, сделать несколько глотков: пить совсем не хотелось, но, кто знает, сколько еще времени придется пробыть без воды. Облачность была густая, ни одной звезды не было видно.

Когда обнаружилось, что я не знаю, плыть мне в том или в прямо противоположном направлении, я остановился. Держаться на одном месте значило тоже терять силы. За ночь течение отнесет меня так, что расстояние до острова намного увеличится. Во мне стал рождаться страх. Он волнами шел от рук и ног, подступал к сердцу и сознанию. Дыхание участилось, я стал задыхаться. Гребни волн опрокидывались на меня, заливая трубку, и я понял, что в таком состоянии долго не продержусь. Я верю, что от страха можно умереть. Я читал о моряках, которые погибали без всяких причин в первые дни после кораблекрушения. Происходит самовозбуждение — одна волна страха вызывает другую, еще большую. Я почувствовал, как судороги сжимают мое горло, еще несколько мгновений — и я задохнусь. В этот момент в сознании мелькнула мысль, что мое положение еще совсем не безнадежно, это я сам убиваю себя. Я собрал всю волю и «взглянул в лицо страху». Страх постепенно проходил. Я почувствовал, что снова могу дышать равномерно и глубоко.

В моем положении не оставалось ничего другого, как дождаться утра, просто держась на поверхности и экономя силы...

Восходящее солнце показалось над океаном. Облака стали розовыми и метались по небу в самых разных направлениях. Я очень люблю солнце, но на этот раз боялся его лучей: моя кожа была белой, летний загар давно сошел. Было странно думать, что всего неделю назад я ходил в зимней одежде и был сильный мороз.

Я оглядывал океан снова и снова. Опять приходи-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

лось дожидаться девятого вала, я даже рискнул поднять маску на лоб, оставив только трубку во рту. Океан был совершенно пуст. Небо и океан. Надвигалась настоящая опасность — тот призрачный остров пропал. Земля должна быть где-то близко на западе, остров Минданао находится в какой-нибудь сотне миль! Если бы у меня была маленькая лодка, или плот, или хотя бы бревно! Ничего, ни щепки. Будто я только что родился в океане, а земля вообще отсутствует. Я видел первозданный океан, точно такой же, каким он был миллион лет назад. Как будто ничего не произошло, лило над ним свои лучи солнце.

Внезапно я вспомнил о другой опасности, не менее грозной: на лайнере сейчас уже наверняка обнаружили мое отсутствие, и он вот-вот может вернуться. Теперь, при свете дня, меня легко найти и, как провинившегося котенка, вытащить из воды.

Эта мысль была для меня как удар бича. Нет, только не это! Лучше все прежние опасности, вместе взятые,— исчезновение острова, потеря курса, неизвестность, жажда, голод, лучше смерть от акул, чем возврат на судно. Пока есть силы, я буду плыть.

...Мы жили тогда в Семипалатинске, мне было лет семь-восемь. Родители отправили меня в пионерский лагерь на все лето, и на этот раз мать забыла взять с меня честное слово. Это был мой единственный шанс научиться плавать, и, конечно, я не мог его упустить. В километре от лагеря находилось глубокое озеро, заросшее кувшинками. У озера была дурная слава, в нем никто не купался: говорили, что там живет водяной. Каждую ночь, когда в лагере засыпали, я убегал на это озеро и учился плавать. Это было нелегко — вообще-то я был ужасный трус.

...Неподвижный контур острова теперь был виден из любого положения; мне уже не нужно было дожидаться самой высокой волны, чтобы увидеть его. Он высоко поднимался над горизонтом по обе стороны белой башни кучевых облаков. Я почти не сомневался, что это и есть Сиаргао. «Земля!» — не мог я отказать себе в удовольствии прокричать это чудесное слово и услышал хриплый звук собственного голоса. В эту минуту я чувствовал себя почти победителем.

К вечеру океан успокоился — кругом, куда хватало глаз, были видны могучие пологие волны зыби, кое-где на них появлялся невысокий гребень. Я по-прежнему тщательно следил за дыханием. Дышать было легко, я мог даже позволить себе более свободный ритм, без первого пробного вдоха, но поднять маску все же не решался.

Солнце выглянуло из-за облаков в последний раз и скрылось. Небо заполыхало всеми цветами радуги, краски сменяли друг друга прямо на глазах. В несколько минут облака из огненно-красных стали оранжевыми, потом сиреневыми и густо-фиолетовыми; стало быстро темнеть. Наконец, тьма и тишина опустились на океан. Наступила моя вторая ночь.

На западе, там, где должен был находиться остров, появились мерцающие огни. Их скопления виднелись на уровне горизонта и гораздо выше над ним — это, наверное, были маленькие деревушки по склонам гор.

После суток плавания я не чувствовал ни усталости, ни болезненных ощущений. Мое дыхание было глубоким и ритмичным, плылось легко, меня не мучали ни жажда, ни голод. Видимый мир замкнулся на вершинах ближайших волн. Я как бы растворился в них и все движения бессознательно делал так, чтобы слиться с их шумом и не тревожить океан понапрасну.

Океан дышал, как живое, родное, доброе существо; его равномерное теплое дыхание было густо насыщено ароматными запахами. Иногда на склоне черных холмов дождем осыпались какие-то огоньки и тут же уносились вверх, в небо. Вода касалась кожи незаметно, ласково, было даже как-то уютно. Если бы не сознание того, что я человек и должен куда-то плыть, я был бы, наверное, почти счастлив.

Я медленно парил на границе двух миров. Днем океан казался стихией, вызванной к жизни ветром, и только ночью, когда ветер стих, я видел его настоящую, самостоятельную жизнь. Стоило наклонить голову к воде, и взгляду открывался фантастический фосфоресцирующий мир. Подо мной был крутой склон Филиппинской впадины — одной из самых глубоких в мире. Видимость для меня ограничивалась примерно ста метрами. Я видел, как внизу мигают далекие и близкие звезды, летят какие-то светящиеся стрелы, проносятся загадочные торпеды, оставляя дымящийся световой след. Я видел вспышки взрывов и победные фейерверки, огни городов и селений, дымовые завесы и извержения вулканов.

Вглядываясь в глубину, я открыл для себя захватывающее дух ощущение полета над бездной. Я зависал над ней, вглядываясь в россыпь огней, сверкающих внизу, чувствуя себя как бы парящим в невесомости над бесчисленными огнями ночного города. Стоило перевести взгляд на другое скопление, лежащее ниже, как возникал волшебный эффект снижения высоты полета. Так я медленно спускался по этим огненным уступам глубоко вниз, сердце начинало колотиться от страха — и я взлетал к поверхности, но тут же меня тянуло снова заглянуть в пропасть, над которой я висел. Порой огни подо мной исчезали внезапно, тогда я срывался вниз и падал, замирая, пока не хватался взглядом за вспышку света, как за опору. Я боялся слишком долго засматриваться в глубину, мне могло показаться Бог знает что.

Когда-то я читал рассказы моряков и потерпевших кораблекрушение о том, как в такие звездные ночи всплывают на поверхность гигантские морские чудовища, выходят на ночную охоту огромные акулы, десятиметровые скаты-манты выпрыгивают из воды во весь свой рост; как неизвестно от чего вода вокруг начинает бурлить и засасывает в черную воронку все, что находится поблизости, как заводят ночное сражение исполины-кашалоты и кальмары. С тихим ужасом и жгучим любопытством я ожидал, что вот-вот увижу что-нибудь подобное.

Все мое тело было покрыто множеством светящихся искр-светлячков. Каждое движение сопровождалось языками голубоватого пламени, как будто я горел на медленном огне, а за ластами тянулся сверкающий след, словно свадебный шлейф у невесты. Я попробовал грести, погрузив руки в воду, но и там искры, не угасая, обтекали плечи, локти и кисти. Свечение прекращалось, только когда я совсем не двигался. Должно быть, я был виден из глубины как на ладони. Мне ничего не оставалось, как плыть, не обращая на это внимания и сохраняя спокойствие, насколько возможно. Пусть акулы думают, что я тоже здесь живу. В конце концов в этом моя единственная защита.

Иногда мне казалось, что волны вокруг меня меняют свои очертания, в ночной темноте рождались смутные, неясные формы — и исчезали прежде, чем я успевал их разглядеть. Временами я слышал звуки, напоминавшие журчание ручья в лесу, шорохи крыльев и шелест листьев. Отчетливее я улавливал приятную музыку, как бы нежный женский хор. Так часто бывает у воды — я слышал такое же тихое нежное пение на берегу Иртыша во время рыбной ловли и на диком берегу острова Ольхон, на Байкале. Я помню, как пытался отыскать его источник: вслушивался во все окружающие звуки, лазил по деревьям, ползал в траве, взбирался на большие камни и скалы,— хор голосов был слышен только у самой кромки воды. Я оставил свои попытки, успокоился и уже больше не пытался узнать причину.

Наконец я решился поднять маску на лоб и теперь мог дышать свободно. Глубокое ритмичное дыхание рассеивает страхи. За последние несколько часов я заметно приблизился к острову настолько, что даже решил, что смогу добраться до него этой же ночью, в крайнем случае завтра утром. Странно было только, что до сих пор не было видно ни сигнальных огней, ни огней маяков, обычно мигающих с определенным интервалом.

Невидимая рука закрыла небо серо-голубой вуалью, огни на западе скрылись в дымке; остров пропал за ней, словно кто-то задернул занавес, весь горизонт стал одинаково бледно-голубым. Сильный ожог шеи, рук и груди заставил меня вздрогнуть от боли. Невдалеке от себя я увидел какие-то странные светящиеся палочки. Они торчали из-под воды под углом и постепенно приближались. На всякий случай я отплыл в сторону: в моей ситуации мне было не до научных исследований — светящиеся палочки проплыли метрах в пяти. Как я узнал позже, это было скопление медуз-физалий. Их щупальца достигают пятнадцати метров и вызывают сильнейшие ожоги, лихорадку и даже паралич. Мне сильно повезло, что я не попал в их объятия. (Много лет спустя, на рифах Карибского моря, я еще раз встретился с физалиями. Я увидел их розово-фиолетовый парус прямо перед глазами и не успел отпрянуть в сторону, как почувствовал жгучую боль. До берега и ближайшего селения, где мог быть госпиталь, было очень далеко. Когда я смог наконец освободиться от плотно прилипших к телу нитевидных щупалец с фиолетовыми точками, мои ноги и руки оказались покрыты волдырями, боль была ужасная. На мое счастье, общая поверхность ожогов оказалась некритической, иначе это кончилось бы для меня смертельно.)

Остров казался теперь одной огромной скалой, окрашенной во все оттенки розового — от нежного на его вершине до розово-коричневого у подножия. Там еще лежал густой туман — остров выступал из него, как из облака. Казалось, что он висит над водой. Земля занимала уже весь горизонт передо мной.

У меня начали уставать ноги. Я поплыл медленнее, надеясь ввести в работу другие мышцы, но это улучшило состояние ненадолго. Я мечтал встретить дельфинов или больших морских черепах и попросить их о помощи, иногда они помогали, я читал об этом, но их не было поблизости.

Есть и пить по-прежнему не хотелось — я настроил себя на самые непредвиденные обстоятельства. По опыту я знал, что смогу продержаться без воды примерно две недели, без пищи — около месяца. А потом? Будет видно, всегда что-нибудь находится.

Южная оконечность острова тем временем стала темнее и, значит, приблизилась. Я изменил курс и поплыл по направлению к ней, на юго-запад. Как позже оказалось, это была непростительная, ужасная оплошность.

...После полудня облака, все утро закрывавшие солнце, исчезли, и теперь, пройдя зенит, оно светило мне в лицо. Открытые плечи, руки, грудь и часть спины стали нестерпимо гореть. Но мне все-таки поразительно везло — белоснежные облака вскоре появились снова, нависли надо мной и спрятали в своей тени.

Довольно близко от себя я увидел какой-то черный предмет; в первый момент мне показалось, что это днище перевернутого судна. Он был виден только с вершин высоких волн, и приблизиться, чтобы рассмотреть его, никак не удавалось. Потом он неожиданно пропал. Это могла быть плоская одинокая скала или риф, а может быть, что-нибудь другое, кто знает. (Должно быть, именно в это время я попал в полосу сильного берегового течения, и меня стало сносить к югу, но я обнаружил это, когда было уже поздно.)

Над линией горизонта вдруг выросли высокие корабельные мачты. Когда показался корпус, я определил, что это небольшой рыболовный сейнер тонн на пятьсот — шестьсот. По моим расчетам, я уже был в трехмильной береговой зоне и мог не опасаться, что меня вернут на лайнер. Судно шло прямо на меня, и я даже перестал плыть. Но, не доходя четверти мили, оно неожиданно изменило курс и прошло мимо в каких-то ста — двухстах метрах от меня. На палубе никого не было, и, сколько я ни махал руками, ни кричал, меня никто не заметил.

Я уже отчетливо видел остров. Он был сказочно красив. Прямо передо мной виднелись отвесные, покрытые темной зеленью скалы, цепочка пальм вдоль побережья, белоснежные бутоны, скрывающие вершины сине-голубых гор. Я не мог отвести от него взгляд и мысленно уже бродил по нему. Остров казался необитаемым, не было видно ни признаков жилья, ни дыма от очагов, ни строений. В неудержимом воображении я уже перебирал все счастливые возможности его освоения. Он был так близко, стоило только протянуть руку.

Прошло около часа. Сначала с удивлением, а потом с ужасом я заметил, что остров заметно сместился к северу и продолжает неумолимо сдвигаться дальше прямо на моих глазах. Прежде чем я сообразил, что происходит, и резко изменил курс, я увидел южную оконечность острова — и дальше открытый океан до самого горизонта. Я оказался целиком во власти течения и со страхом видел, как оно медленно проносит меня мимо земли.

Позже я заметил довольно близко от себя низкий берег, покрытый невысоким кустарником. Как ни старался я плыть энергичнее, как ни пытался выжать все, что еще оставалось в усталых мускулах, расстояние между мной и берегом не сокращалось. (Это был крошечный остров Дако, всего около мили в длину. Он расположен в двух с небольшим милях от Сиаргао.)

Я все еще надеялся на чудо — оставалась еще одна, последняя надежда, что попутное приливное течение вынесет меня к берегу. Но берег постепенно отодвигался все дальше и дальше — и я понял, что у меня больше нет никаких шансов выбраться на этот заколдованный остров.

Я очень устал и неподвижно висел в воде. Стало темнеть. Мое тело поднимали и опускали большие волны. Отдохнув, я медленно поплыл на север, теперь уже без всякой цели. Остров Минданао был слишком далеко.

По радужным краскам, полыхавшим по всему небу, я заметил, что наступил закат. Даже сейчас, в моем отчаянном положении, я не мог не поражаться тому, какое невероятное зрелище — здешние закаты и восходы. На небе передо мной развертывалось настоящее апокалиптическое действо, не хватало разве трубных звуков ангелов, а может быть, они и были, и я их просто не слышал?..

...Стало совсем темно; наступила моя третья ночь в океане. На северо-востоке я увидел два огня — они мигали через определенный интервал, должно быть, это какое-то судно ловило рыбу на свет. Огни казались совсем далекими, но мне ничего не оставалось, как плыть на них, надо же было плыть куда-нибудь.

Ноги перестали повиноваться мне и беспомощно повисли; иногда казалось, что их вообще нет, и, только дотронувшись, я убеждался, что они на месте. Когда ноги снова «появились», я пытался включить их в работу, но они исчезали все чаще. Меня лихорадило и сильнее клонило ко сну. Оказалось, что можно довольно долго висеть в воде, не боясь захлебнуться, нужно только держать трубку под определенным углом. Я чувствовал какое-то отупение и стал мерзнуть. Временами я ненадолго терял сознание. Легкие по-прежнему работали ритмично,

как в начале пути — сказались тренировки дыхания по системе йоги,— руками я мог грести еще долго, но сознание теперь стало пропадать все чаще. И стоило мне погрузиться в похожее на транс состояние, как я приобретал странную способность отчетливо видеть пространство перед собой на несколько километров вперед.

Я помню, как пробежал равнодушным взглядом до берега, видневшегося вдали, километрах в десяти. Я различал пальмы на берегу, за ними — темную кромку леса, а дальше — деревья друг над другом выше и выше — это подъем в горы. Эти горы с голыми вершинами я видел днем, но с другой стороны. (Мое неверие, как всегда, подвело меня. Только позднее я понял, что действительно видел тогда перед собой реальный остров. Оказалось, что течение, предательски отнесшее меня от восточного берега Сиаргао, через несколько часов приблизило меня к нему же с южной стороны. Я находился в сравнительно спокойных водах неподалеку от еще нескольких Филиппинских островов и, если бы остался там до утра, мог бы видеть землю на горизонте сразу с трех сторон.)

Огни не приближались. Это могло быть какое-то уходящее судно. И я подумал о смерти. Мне казалось, что бессмысленно продлевать жизнь еще на несколько мучительных часов, я уже не надеялся встретить рассвет.

Я решил умереть. В моем положении сделать это было довольно трудно. В эту минуту я очень пожалел, что не взял с собой ножа. Было только два способа: один — наглотаться воды, сбросив все плавательное снаряжение, другой — нырнув, задержать дыхание, пока не кончится воздух в легких. Второй способ казался менее мучительным и более надежным.

Еще раз я перебрал шансы остаться в живых.

До Минданао больше сорока километров. Даже если бы я мог продержаться на воде еще долго, то и тогда жить мне осталось до первого шторма: рваного ритма дыхания я не выдержу.

Тихий, но ясный голос внутри меня вдруг произнес: «Плыви на шум прибоя». Никакого шума прибоя я не слышал и сам себе никак не мог бы этого сказать. Но голос или, может быть, четкая мысль снова отчетливо появились в сознании. Я прислушался: действительно, уже некоторое время вдали, где-то слева, был слышен глухой рокот, на который я раньше не обращал внимания,— он скорее был похож на шум взлетающих реактивных самолетов. Я повернул влево и поплыл на этот отдаленный гул. Плыл я долго, меняя направление, если шум прибоя оказывался в стороне. Медленный ритм движений действовал на меня усыпляюще, временами я терял контроль над своим состоянием и, кажется, выпадал из времени.

Свечение воды вокруг усиливало впечатление непроницаемой темноты, такой же эффект наблюдается, когда сидишь у пылающего костра ночью. Но то, что я увидел в тридцати—сорока метрах от себя, врезалось в мою память на всю жизнь.

Это была гигантская волна с крутым, очень медленно падающим гребнем. Я никогда в жизни не видел таких огромных волн,— мне казалось, что она касается неба. Ее гребень был окружен светящимся ореолом, и вся она была залита голубоватым сиянием от подошвы до вершины. Наверное, эта волна была не больше тех волн, что рождаются на внешней стороне рифа во время крупной океанской зыби. Но я находился у самого ее подножия, и оттуда она казалась мне гигантской. Она двигалась медленно и была прекрасна. Я видел ее чуть сбоку. Линия ее изгиба была так совершенна, что казалась живой и одухотворенной. Волна как будто стояла на одном месте и казалась сотканной из бесчисленных сияющих брызг. Изгиб ее гребня, стройного, как лебединая шея, сохранял свою совершенную форму,— вода свободно переливалась через него, плавно стекая по склонам танцующими языками пламени. Она немного отставала как раз в том месте, где я находился. Я был так захвачен ее созерцанием, что совершенно забыл об опасности. Внезапно справа от себя я услышал глухой рокот. Повернув голову, я замер от неожиданности и тут же понял: это конец. Гигантская водяная гора отчетливо высилась в темноте метрах в двадцати и медленно надвигалась уже прямо на меня. В течение нескольких секунд я с ужасом как завороженный следил за ней. В следующее мгновение я почувствовал, как неумолимая сила потащила меня наверх по ее не очень крутому склону, прямо к подножию гребня. Я инстинктивно схватился за маску с трубкой и успел сделать глубокий вдох. Гребень стал рушиться. Меня затянуло под него, и какое-то мгновение я находился прямо под ним, в завитке волны, как в пещере. Потом тело оказалось в бушующем потоке воды, внутренние силы волны извивали меня винтом, переворачивали через голову, крутили во все стороны, пока не ослабли. Я стал всплывать на поверхность, совершенно не представляя себе, как глубоко под водой мог оказаться, и только успел заметить, что меня не ударило о риф и что маска с трубкой и ласты на месте.

У меня хватило дыхания добраться до поверхности. Я стал жадно глотать свежий воздух через трубку и понемногу отдышался. В этот миг я увидел, как недалеко от меня в ореоле голубоватого сияния поднимается новая волна. И опять меня охватило одновременно восхищение и неописуемый ужас перед этой совершенной громадой. «Сколько волн я еще смогу выдержать?» — промелькнула мысль. Волна приближалась медленно, царственно, торжественно. Я делал глубокие вдохи и выдохи, стараясь накопить больше кислорода в легких. На этот раз она казалась мне гигантской коброй, которая, изогнув шею, готовилась броситься на меня. Через мгновение я был проглочен ею. У меня едва хватило дыхания дотянуть до поверхности, я дышал уже без всякой предосторожности, как утопающий.

Увидев, что новая волна приближается из темноты, я понял, что она будет для меня последней. И вдруг я вспомнил, как мне удавалось удерживаться в гребнях больших волн, купаясь в шторм в Черном море. Правда, то были просто волны-карлики по сравнению с тем, что пришлось увидеть сейчас. Так же, как тогда, я быстро развернулся спиной к волне в горизонтальном положении. На этот раз она подхватила меня и понесла в падающем гребне с огромной скоростью, сначала далеко вперед, а потом, когда отхлынула, назад. Я легко выбрался на поверхность и поплыл, не теряя времени, вместе с движением волн. Я надеялся, что где-то там, за рифами, должна быть лагуна.

Следующая волна долго не появлялась. Это была уже не гора, а просто очень большая волна с крутым гребнем. Она понесла меня, держа почти на поверхности, так что мне уже было довольно легко отдышаться и приготовиться к следующей. Так я снова и снова плыл вместе с волнами: они осторожно подхватывали меня на свои шумные гребни и уносили вперед, все дальше от гигантских волн с внешней стороны рифа.

Вдруг я почувствовал под ногами что-то твердое. Не успел я понять, что это было, как крупная волна пронесла меня еще на какое-то расстояние, и я оказался стоящим в воде по пояс. Очередная волна смыла меня, и я оказался на плаву. Много раз я пытался встать на ноги на краю рифа, но волны сбрасывали меня обратно, и я начал уставать. Гораздо легче было держаться на поверхности в тихой лагуне, чем бороться с волнами на краю рифа.

...Уже больше часа я плыл в лагуне. Было непривычно ощущать себя в этой тишине, на поверхности, гладкой, как озеро. Теперь можно было поднять маску на лоб и оглядеться. Первым делом я осмотрел все не покрытые одеждой участки тела. Боли нигде не чувствовалось, но я знал по опыту, что в воде даже глубокая рана иногда не вызывает болезненных ощущений. Мне приходилось видеть под водой, как из раны выкатываются шарики крови — черные, если глубоко, темно-красные, если мелко,— и распыляются, превращаясь в мутные облачка, без малейшей боли. Свечение планктона на мне позволяло отчетливо различать поверхность кожи, до тонких волосков на руках и ногах. Я заметил кровь на разбитых коленях и перевязал их шейным платком,— я ободрал их, наверное, на рифе, когда карабкался на его острые коралловые уступы. В лагуне могло быть больше акул, чем с наветренной стороны, и еще неизвестно, как долго придется плыть к острову. Кровь привлекает даже те виды акул, которые обычно не нападают на человека. Я читал, что в лагунах акулы не трогают местных жителей и нападают на чужих, совершенно так же, как это делают деревенские собаки. Потом мне пришло в голову, что акулы могут просто бояться меня,— я, наверное, кажусь им непонятным светящимся чудовищем, именно такое свечение бывает у хищных глубоководных рыб.

Шум прибоя, похожий на раскаты грома, уже отодвинулся далеко. Я продолжал плыть вслепую, стараясь только удерживать его за спиной. Плыть становилось все труднее: дали себя знать задержки дыхания на рифе. Дышать я уже почти не мог и только хрипел. В последний раз я попытался нащупать дно и вдруг, не веря себе, почувствовал под ногой твердую опору. Я стоял по грудь в воде и не мог поверить, что это не сон.

Впереди, насколько можно было разглядеть, темнела вода лагуны. Мне еще долго пришлось брести по пояс, снова плыть и опять брести в воде, прежде чем я ступил на берег.

В эти минуты я боялся акул больше всего на свете! Представить, что они могут сожрать меня именно сейчас,— что это была бы за дьявольская насмешка!

Откуда-то с той стороны лагуны доносился рокот прибоя. Я повернул голову — и вздрогнул от неожиданности: оттуда на меня двигалась огромная волна. Она была прозрачной, и я мог видеть все, что было за ней, сквозь ее толщу. Я хотел вскочить, чтобы встретить ее, но она медленно прошла через меня, не причинив ни малейшего вреда. Вдалеке нарастала новая. Я закрыл глаза и полностью расслабился.

«Океан любит меня,— он вынес меня на берег как на ладони»,— думал я. Чувство ответной любви затопило мою душу.

Постепенно ко мне возвращались обычные ощущения — снова появилось тело, сознание стало нужно направлять, как узкий луч света — по очереди, с объекта на объект, с одной мысли на другую. На берегу вдруг стало очень тихо. Это удивило меня, и, собрав силы, я встал и направился к тому месту, где только что слышались говор и смех и танцевали пары под испанскую мелодию,— она все еще звучала у меня в ушах. Там не было никого. Я один на всем берегу лагуны. Это было совершенно необъяснимо. Отчего я не подошел к ним сразу? Если бы я знал, что они бесследно исчезнут, разве бы я не притронулся рукой к каждой паре?

Было ли это галлюцинацией? Было ли это действительно чем-то реальным? Я так и не знаю до сих пор.

Я почувствовал сильную усталость, лег на песок под пальмами и тут же заснул. Спал я недолго и проснулся от укусов муравьев и москитов. Тело продолжало фосфоресцировать. Стоило поднести руку к любому небольшому предмету или, держа в ладонях, поднести к лицу, как я мог разглядеть его достаточно хорошо. Свечение тела затухало медленно, и было удобно пользоваться им в ночной темноте. Я чувствовал сильный озноб, какой бывает при солнечных ожогах, и решил пойти в глубь острова — там могло быть теплее.

Пальмы росли только на побережье, дальше начинались банановые заросли; я долго шел среди них; потом стали встречаться незнакомые деревья и кустарники, обвитые лианами, приходилось перешагивать через полусгнившие стволы и громадные ветви с крупными листьями. Я с жадным любопытством оглядывал все вокруг — вот какие они, эти таинственные тропические джунгли! На ногах у меня были только носки, идти стало трудно. Я чаще останавливался и прислушивался. Слышались странные, незнакомые звуки. Я различал крики ночных птиц, слабый писк насекомых, звуки, напоминающие плач ребенка, глухой вой, легкое рычание, а иногда как будто человеческий крик. Часто слышалось шуршание в кустах,— я вспугивал птиц и каких-то мелких животных.

Я снова вышел на берег лагуны — уже в другом месте — и неожиданно наткнулся на недостроенную пирогу. Она была сделана из могучего ствола, выдолбленного изнутри в нескольких местах, с очень толстыми перегородками. Одно из отделений было достаточно просторным, чтобы вытянуться во весь рост. В пироге оказалось сухо, я набросал свежих банановых листьев и решил немного поспать. Мне стало теплее от долгой ходьбы, одежда немного обсохла. Я посветил руками по дну и стенкам — нет ли муравьев и других кусачих насекомых, улегся и уснул.

Но укусы москитов оказались очень болезненными и подремать удалось недолго: примерно через час я вылез из пироги и отправился наугад вдоль берега. Зачерпнув морской воды, я полил фосфоресцирующий планктон на одежду и все тело: ночь еще не прошла, а свет мог пригодиться. Свечение вспыхнуло с прежней силой, так что теперь я мог отгонять от себя москитов.

Морской бриз приятно освежал кожу, было очень тихо. Песок был крупным и чистым, идти было так приятно,— я никак не мог привыкнуть к удовольствию от ощущения земли под ногами. По дороге мне попался круглый предмет величиной с детский мяч. Я догадался, что это кокосовый орех. Разбить его упругую, волокнистую кожуру было непросто. Молока внутри не оказалось, я вспомнил, что молоко бывает только в зеленых — для этого нужно было лезть на вершину пальмы,— и я решил отложить это на завтра. Почему-то я совсем не видел обезьян на деревьях — может быть, они все спали. Я положил кусочки белой мякоти ореха в ласты. Есть мне не хотелось,— вся полость рта была воспалена от соленой воды и загубника,— хотелось пить, но я был далек от состояния, когда умирают от жажды.

Я чувствовал себя Робинзоном Крузо, я уже был влюблен в свой остров. На нем было все, о чем можно только мечтать: высокие горы, зеленые джунгли и вокруг теплый океан до самого горизонта. Я припоминал, что знаю о флоре и фауне тропических островов, но все мои сведения относились к африканским и индийским джунглям или бассейну Амазонки. «Придется самому открывать все заново»,— замирал я от открывающихся возможностей.

Самое главное — добыть огонь. Можно высекать искры кремниевыми камнями, а если их не будет,— получить его трением, я еще в детстве научился этому. Я сумею развести костер, чтобы отпугивать зверей, обогреваться и выжигать угли для приготовления еды. Из тонких лиан я сплету тетиву для лука, а из обожженного дерева и каменных наконечников сделаю копье, нож и стрелы. В море я буду ловить рыбу, искать крабов и съедобных моллюсков.

Пресную воду можно найти в кокосовых орехах и стеблях растений. Ядовитых насекомых и змей я совсем не боялся. Сказать больше — змеи приводят меня в восхищение.

У меня была ручная змея,— в Крыму, на берегу Черного моря. Я уже не знаю, была ли она ядовитой,— это было не важно. Она была небольшой — полтора метра в длину,— и жила под камнем возле моей палатки, я часто кормил ее. Иногда, когда поблизости не было людей, мы вместе гуляли. Я очень гордился ее дружбой.

Меня не раз выручали два главных правила: если вблизи ползают ядовитые насекомые или змеи, нужно тут же замереть, не шевелясь, и оставаться так, пока опасность не минует, а просыпаться, ночуя под открытым небом, только «одним глазом», то есть не двигаясь, слегка приоткрыв глаза и осматриваясь сквозь ресницы.

Однажды, заночевав где-то на берегу, в густой траве, я в темноте разложил спальник прямо на змеином гнезде и понял это только утром, когда увидел, что змеи кишмя кишат вокруг. Часа два я потратил, чтобы уйти оттуда, то делая едва заметные движения, то замирая.

В другой раз я раздвинул куст, куда уползла змея, и увидел ее головку в десяти сантиметрах от своей переносицы. Так мы и застыли, не шевелясь, оба в чрезвычайно неудобных позах: я — больше всего боясь моргнуть, а змея — свесившись откуда-то сверху. Только через полчаса, когда она отодвинулась от лица на расстояние вытянутой руки, я смог наконец убрать голову из куста.

...Я шел по берегу и чувствовал себя счастливейшим первооткрывателем. В эту минуту мне ужасно хотелось танцевать. Я перебрал в памяти, что знаю из танцев. Сиртаки! Что сильнее может прожечь душу и в счастье, и в горе! Сиртаки начинается медленно и мощно, как бы для того, чтобы глубже забрать душу, и потом подбрасывает могучим всплеском, вознося и над радостью, и над печалью. Я расправил грудь, положил руки на плечи двух воображаемых друзей, услышал начальные аккорды и сделал первое движение...

Я танцевал сиртаки на песке, под пальмами и хохотал от радости!

Вдруг сбоку от меня произошло какое-то движение. Из темноты отчетливо выступили человеческие фигуры. Ближе всех стоял невысокий темнокожий человек в белой рубашке и светлых брюках. Он испуганно вскрикнул и отпрыгнул далеко назад. Остальные стояли, словно окаменев. Это были туземцы.

Нужно было немедленно что-то сделать, чтобы убедить этих людей в моих мирных намерениях. Я отбросил ласты и маску в сторону, поднял ладони с растопыренными пальцами — я читал, что этим жестом туземцы показывают отсутствие оружия,— потом махнул рукой в сторону океана и сделал несколько плавательных движений.

Прошло две-три минуты напряженного молчания. Потом кто-то из них пошевелился и стал медленно приближаться. (Позже я узнал причину этого боязливого недоверия — все мое тело продолжало фосфоресцировать в темноте, и эти люди приняли меня за привидение.) Напряжение немного ослабло. Первыми ко мне подошли дети. Дети всегда смелее взрослых. Сначала они недоверчиво притрагивались ко мне по очереди, тут же отдергивая руку, потом заговорили все разом на непонятном языке, из которого я понял только одно слово: «Американ». Я стоял, окруженный ими, и улыбался. Дети заметили на песке мои ласты, маску и трубку и бросились рассматривать их. Девочка лет двенадцати спросила меня по-английски и по-испански, кто я и откуда. Я немного говорил по-английски, и мы вполне смогли объясняться. Посыпались бесчисленные вопросы. Они решили, что где-то недалеко в океане произошло кораблекрушение и я единственный, кто остался в живых. Меня все время спрашивали: а где же остальные? Я пытался объяснить, что никакого кораблекрушения не было, что я один прыгнул в море. Понять этого они никак не могли. Тут же последовал невинный, а в сущности глубокий, философский вопрос: а зачем? Что я мог им ответить?

Они пригласили меня к себе в бунгало. Обстановка вокруг меня была настолько фантастической, что даже менее романтический человек ущипнул бы себя: не сон ли это? С потолка что-то свисало, из углов тоже свешивалась огромная паутина (позже я узнал, что это были противомоскитные сетки), слабый свет лампы подсвечивал черные лица снизу, постоянно движущиеся тени на стенах, пристальные взгляды множества глаз, говор на незнакомом языке, фантастические вопросы — все это напоминало какой-то потусторонний мир. Крошечные черные создания — это были дети — ходили голыми; они копошились где-то и вверху, и внизу под столом, и чуть ли не по стенам. На всякий случай я старался по возможности не смотреть на те их места, где могли быть рожки и хвостики. Иногда откуда-то из темноты плавно накатывались и проносились по комнате огромные фосфоресцирующие волны, стены бунгало угрожающе кренились, и пол уходил из-под моих ног, но никто, кроме меня, этого будто не видел и не выражал никакого волнения.

Пожилая женщина, хозяйка бунгало, подала мне какой-то местный горячий напиток. Только отхлебнув несколько глотков, я почувствовал, как сильно хочу пить. Когда я выпил все, что оказалось в чайнике, хозяйка, нисколько не удивившись, поставила на огонь целое ведро. Я продолжал пить стакан за стаканом, но от еды отказался: полость рта была сильно воспалена. Старшая девочка, та самая, что была на берегу, навела порядок несколькими уверенными командами и взялась вести наш разговор. Она задавала вопросы так, как врач разговаривает с сумасшедшим — со всей возможной для такого случая вежливостью, чтобы исключить любые непредвиденные обиды. Ей удалось нащупать нечто общее, понятное для обеих сторон, и скоро весь разговор принял более или менее осмысленные очертания, войдя в русло обычной человеческой логики. Если вопрос казался нашей переводчице излишне прямолинейным, она поднимала глаза к потолку и переводила его сначала на свой, понятный ей одной язык, как бы приноравливая его ко мне, и уже после этого задавала его по-английски. Я излагал мысль, как бы советуясь с ней. Она снова поднимала глаза к потолку и переводила ее явно не дословно, а со своими дополнениями. Я видел, что эта маленькая филиппинка понимает меня так, будто я пришел к ним из соседней деревни. А когда заметил, что мои ответы в ее переводе вызывают дружный одобрительный хохот островитян, то стал относиться к своей покровительнице с еще большим почтением.

Бунгало наполнялось новыми гостями. Я уже чувствовал себя с ними легко — они были простые и добрые люди.

Снова и снова меня расспрашивали об акулах. Интерес к моему амулету — он висел на шее — все возрастал, и даже я сам стал относиться к нему с бо́льшим доверием. Еще раз мы вспомнили первую встречу на берегу лагуны — и все смеялись над тем, как они приняли меня за привидение: поблизости от того места, оказывается, было кладбище. Белый человек не появлялся здесь уже много лет, а со стороны океана — вообще никогда за всю историю острова. Мне сказали, что я нахожусь в поселке Генерал Луна на острове Сиаргао. Это означало, что я не ошибся в расчетах,— видимо, капитан изменил курс и отвернул от острова, поэтому и расстояние оказалось значительно больше, чем я ожидал. Я знаю, что больше всего удивились бы этому капитан и штурман лайнера. Действительно, это было похоже на чудо: ведь я бросил на карту всего один взгляд. Даже если бы я сидел над ней с циркулем и измерителем, и тогда вероятность ошибки превысила бы длину острова: никто не мог предусмотреть главного — ветров и течений.

Неожиданно толпа вокруг меня расступилась и пропустила вперед просто одетого, улыбающегося человека, который представился местным полицейским. Откуда мог быть полицейский в этих джунглях? Меня успокоило то, что в доме нет электричества, а значит, по моим понятиям, не могло быть и телефонной связи. Полицейский не носил формы и не имел оружия; он вежливо расспрашивал о моих злоключениях, потом положил передо мной лист бумаги и попросил написать основные данные. Затем, задав из любопытства еще несколько вопросов, удалился. Было далеко за полночь.

...Проснулся я от прикосновения и никак не мог понять, где нахожусь. Было совсем светло, яркие лучи пробивались сквозь щели закрытых ставнями окон. Хозяйка дома помогла мне умыться из таза и поднесла стакан того же напитка.

«Почему меня так рано разбудили?» — удивился я. В доме происходило какое-то непонятное суетливое движение. Хозяин вдруг предложил мне рубашку и полотняные брюки, совсем мне не нужные. Отказываться было невежливо, и я принял подарок с благодарностью.

Что-то подсказало мне выйти на крыльцо бунгало. Внизу под пальмами я увидел большую толпу темнокожих людей — их было не менее двухсот. При моем появлении они поднялись и захлопали в ладоши, что-то крича. Я понял, что все они пришли поглядеть на меня, как на чудо, и уже давно дожидались моего появления. Я улыбнулся в ответ и приветственно поднял руку, как это делали древние римляне: жеста, более подходящего для такой ситуации, я не знал.

Потом мои глаза остановились на том, от чего я вздрогнул всем своим существом. Господи, почему я не ушел в джунгли той же ночью! За толпой я увидел зеленый военный джип, рядом стояли люди в форме с автоматами на плечах.

В гуще местных жителей образовался коридор, и двое военных, офицер и солдат, направились ко мне...

Иерусалим

ЗОЛОТО ЭМИРА

Евгений БЕРЕЗИКОВ

I

Среди загадок и тайн планеты, что будоражат ум человека и неизменно манят его к себе, есть тайны исчезнувших сокровищ.

Уже стали добычей алчных кладоискателей драгоценности египетских пирамид и реликвии тибетских монастырей.

Разграблены золотые храмы Будды в Индии и на Цейлоне. Но пока скрыты сокровища ацтеков в Америке, золото Нибелунгов в Европе.

Есть клады и в нашей стране.

Награбленное в России золото Колчака весом сорок пудов скрыто где-то в лесах Восточной Сибири.

Исчезла знаменитая Янтарная комната.

Но есть еще один клад.

Это золото бухарского эмира.

Бухарский эмират располагался на территории современного Узбекистана, нынешних Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской областей, захватывая и земли Таджикистана. Чего только не видели Бухара и ее народ за свою более чем двухтысячелетнюю историю! Взлет, мировую славу, сказочные богатства — и черные дни, нашествие врагов, полное разорение и смутные времена. Окружала его армия Александра Македонского, осаждал арабский завоеватель Муслим ибн Кутейба, сжег город дотла и растоптал пепел копытами коней Чингисхан, беспрестанно терзали Бухару и междоусобицы местных ханов.

Эмиры Бухары Мангыты за полтора столетия своего правления накопили в подвалах дворца Арк в Бухаре несметные сокровища. К 1920 году население Бухарского эмирата составляло около трех миллионов человек. И все эти люди денно и нощно работали на единственного своего властелина — эмира бухарского. С помощью тридцатитысячного чиновничьего аппарата эмир взимал со своих подданных такие налоги, каких не было ни в одном государстве мира: сорок различных податей, главной из которых был херадж — земельный налог. Каждый житель ханства, возделывающий хотя бы клочок земли, обязывался пятую часть урожая отдавать в казну эмира. Зякят, то есть имущественный налог, обязывал подданных отдавать правителю одну сороковую часть всего, что они имели. В случае войны эмиры Бухары взимали джул — военный налог.

Несмотря на то, что подати были многообразны и многочисленны, каждый новый эмир Бухары устанавливал еще и свои налоги, изыскивая таким образом способы выкачивать из населения все без остатка. Как подсчитали экономисты, годовой доход эмира Бухары Саида Алимхана в последний год его правления доходил до 30 миллионов золотых тиллей, а тратил он из этой суммы всего три миллиона на содержание своей армии. Были и другие непредвиденные траты. Например, во время первой мировой войны, будучи вассалом царского правительства, последний эмир Бухары Саид Алимхан не мог, разумеется, остаться в стороне, когда Россия объявила войну Германии. Трижды, в 1914, 1915 и 1916 годах, эмир жертвовал русской армии «для победы», как он писал в телеграммах, по миллиону рублей. Три миллиона рублей эмир подарил российскому императору для продолжения бессмысленной бойни. Такая щедрость эмира не осталась незамеченной, и в 1915 году, после того как второй миллион оказался в российских банках, восточный властитель был императорским указом пожалован орденом Белого Орла, а в 1916 году, после очередного миллиона, эмира наградили орденом Александра Невского. Кроме того, «за за-

слуги перед Отечеством» Саиду Алимхану специальным рескриптом был присвоен чин генерал-лейтенанта царской армии. Так что в истории бухарских эмиров были времена, когда их казна не только пополнялась, но и убывала. Однако по-восточному сформулированный закон сохранения эмирской казны оставался незыблемым: «Не убудет до той поры серебра и злата, пока его в достатке не прибудет». И эмиры Бухары старались всеми правдами и неправдами пополнять свою казну.

Но пришел роковой час и к эмиру Саиду Алимхану. В августе 1920 года, когда эмир почувствовал, что народное восстание не за горами, он задумался над тем, как бы ему унести не только свои ноги, но и награбленное Мангытами состояние — целый караван золота и драгоценностей. Увезти такое количество сокровищ сам он, конечно, не мог. И эмир Бухары попросил генерального консула царской России в Мешхеде Никольского связаться с англичанами, чтобы правительство Британской империи взяло сокровища эмирата под свою защиту.

Почему именно Мешхед? Через этот город Саид Алимхан уже давно наладил тесную связь с англичанами. Еще в мае 1920 года англичане через этот город направили в помощь эмиру караван с оружием более чем в двести верблюдов. И вот, надеясь именно этой дорогой отправить свои богатства на сохранение англичанам, эмир и послал в Мешхед своего гонца. К тому же в этот небольшой заштатный городишко в Иране дорога для эмира была свободной, а на севере эмирата уже торжествовала революция.

Но когда эмир не смог разыграть карту, поставленную им на бывшего царского консула Никольского, ему спешно пришлось искать другие пути. Тогда Саид Алимхан послал своего доверенного человека дервиша Даврона в Кашгар, к английскому консулу.

Английское консульство в то время располагалось в уютном затененном садами местечке Чини-Баг на окраине города Урумчи. Передав послание эмира Бухары консулу и одновременно разведчику Петтэ Эссертону, дервиш Даврон остался в Урумчи ждать ответа. Но события развернулись не совсем так, как ожидал эмир. Он надеялся, что его старый знакомый Эссертон с радостью найдет пристанище сокровищам Бухары. Оказалось, что это не так. Прочитав в послании, что состояние, которое эмир желал вверить его опеке, составляет сотню лошадей, навьюченных золотом и драгоценными камнями, Эссертон испугался. Сосредоточить в своих руках такое богатство, хранить его у себя в консульстве было по тем временам совсем небезопасно. Кругом шли бои — революция в Туркестане, восстание в Синьцзяне, банды грабителей хозяйничали и в самом Кашгаре. Кроме этого, Эссертон понимал, что дать разрешение на ввоз казны эмира самолично, без согласия своего правительства он просто не имеет права. В те тревожные времена никто не мог дать гарантии сохранности таких ценностей, даже если они и были бы благополучно доставлены в здание консульства. Дело было нешуточное — свое состояние эмир оценивал в 12—15 миллионов фунтов стерлингов, или же в 150 миллионов золотых рублей.

По подсчету сотрудника Русско-Азиатского банка К. К. Юдахина, сумма богатства эмира соответствовала 22 миллионам в золотых червонцах.

Но в то же время дипломат не мог отказать эмиру, и Эссертон направляет депешу с сообщением о просьбе Саида Алимхана вице-королю Индии в Дели.

Однако Эссертон так и не дождался от своего правительства указания принять на сохранение богатства эмира. Высшие чиновники Британской империи также понимали, что взять на себя заботу о казне Саида Алимхана означало в случае, если сокровище будет похищено, обязательство возместить эмиру огромную сумму его стоимости. На это англичане не пошли.

Эссертону ничего не оставалось, как послать эмиру Бухары письмо с вежливым отказом. С этим письмом дервиш и пустился в обратный путь. Когда посланец прибыл во дворец, до падения власти эмира оставалось всего несколько дней.

II

Получив отказ от англичан, эмир начал искать другие пути сокрытия богатств. Теперь это тайное, опасное и важное дело он поручил другому своему приближенному, эмирскому телохранителю полковнику Таксобо Калапушу. Таксобо Калапуш попытался разведать дороги, чтобы уйти с караваном через границу в Иран или Афганистан. Но за Каспием уже сложилась критическая ситуация, идти на Мешхед не представлялось возможным. Калапуш вернулся во дворец и доложил эмиру, что пути на Иран и Афганистан отрезаны. Тогда эмир принял последнее отчаянное решение. Караван, уносящий с собой все состояние Саида Алимхана, ушел в сторону Карши. Охранял караван небольшой отряд под командой Калапуша, среди сопровождавших золото эмира был и дервиш Даврон.

Вскоре отряд, сопровождавший караван, разделился на две группы. Впереди шли погонщики и несколько дервишей, среди которых был и Даврон, а сзади Таксобо Калапуш с воинами охраны из числа эмирских гвардейцев. Караван вышел из Бухары примерно 8—10 сентября через Караул-Базар, на Касан, затем в направлении на Карши и затерялся где-то в Каршинской степи. Золото эмира везли по ночам. Вначале Калапуш решил спрятать клад в сардобе возле городища Касби. Сардоба — это место сбора воды в весенние потоки и сохранения ее для путников на все лето. Та сардоба, о которой думал Калапуш, была самой крупной в Каршинской степи, недалеко от нее, на большом холме Тепа, располагался когда-то средневековый город. В этих местах, видимо, были какие-то тайники, куда Калапуш и хотел спрятать эмирские драгоценности. Но люди из соседних кишлаков заметили караван и заинтересовались им. Это насторожило Калапуша, он решил не останавливаться, и караван ушел дальше. Отряд прошел через Гузар, затем свернул на Якабаг, на Лянгар и направился дальше в горы.

В горах, оставив караван с грузом в одной из тенистых лощин, Калапуш поднялся выше, чтобы осмотреть местность. В одной из горных расщелин он увидел каньон и решил оставить там богатства эмира. Дело это он поручил погонщикам во главе с Давроном. Этот отряд отправился в горы прятать сокровища, а Калапуш остался с охраной. Около двух суток Калапуш ждал дервиша, но тот не возвращался. Телохранитель эмира начал тревожиться: неужели дервиш не выполнил поручения? Наконец встревоженный Калапуш поднял свой отряд по тревоге и пошел по следам каравана. Через несколько километров пути отряд натолкнулся на груду трупов. Это были люди Даврона. Еще через несколько часов пути — тела двух людей, один из которых еще подавал признаки жизни. Его привели в чувство, дали напиться. Он рассказал Калапушу, что кое-кто из погонщиков пронюхал о содержимом караванных вьюков и решил завладеть сокровищами эмира. Однако дервишам удалось отстоять Даврона, и караван ушел дальше.

Отряду Калапуша ничего не оставалось, как продолжать путь к горной расщелине. На следующий день Кала-

пуш наткнулся на остатки отряда Даврона. Он увидел всего трех человек, среди которых был и сам дервиш. Даврон был тяжело ранен, истекал кровью. Призывая гнев аллаха на головы предателей, он рассказал эмирскому телохранителю, что ему с его верными дервишами удалось-таки спрятать сокровища в той самой пещере, о которой говорил Даврону Калапуш.

Немного передохнули. Дервишу перевязали раны, он немного пришел в себя, и Калапуш со своими людьми отправился в обратный путь. Отряд спустился с гор без приключений. Однако на последнем ночлеге, перед тем как выйти в Каршинскую долину, Калапуш собственноручно прикончил двух оставшихся в живых дервишей, не пощадил он и самого Даврона. Эмирский телохранитель хотел, чтобы тайна клада Саида Алимхана осталась известной только ему одному. На это он имел прямое указание эмира бухарского. Отправляя своих приближенных в путь, эмир сказал, что вернуться к нему с сообщением о том, где спрятан клад, должен или Калапуш, или Даврон — других гонцов ему не нужно. Приказ гласил, чтобы больше ни один глаз не видел этого места, ни одно ухо не слышало названия этого места, ни один посторонний дух не витал бы в тех краях.

Наутро в отряде никто не спросил, куда делись дервиши. Лишь один солдат сказал, что видел, как они покинули место ночевки и ушли в неизвестном направлении. Калапуш возражать не стал. Отряд двинулся дальше, в сторону Карши. Проехав через столицу Каршинского бекства, отряд на четвертые сутки подъехал к Караул-Базару, последнему населенному пункту перед Бухарой. Здесь на исходе дня людей Калапуша встретил командующий эмирской артиллерией Топчибаши Низаметдин. Калапуш знал, что Низаметдин не случайно поджидает его здесь. Воины Низаметдина приветствовали прибывших из Каршинской степи, и оба отряда вместе расположились на ночлег в Караул-Базаре. На рассвете, когда отряд стал собираться в дорогу, выяснилось, что все, кто сопровождал караван с золотом, были убиты. В живых остался лишь один человек, знавший обо всем,— Калапуш. Через день он целым и невредимым прибыл в Арк к эмиру.

Перед аудиенцией эмир дал своему телохранителю отдохнуть, прийти в себя, переодеться с дороги. После этого Калапуш явился к повелителю. Эмира очень интересовали все подробности поездки, он выспросил своего слугу, не встречались ли на пути каравана какие-нибудь препятствия и вообще, все ли в порядке. Видимо, под этим «все ли в порядке?» эмир подразумевал: не остался ли в живых, кроме Калапуша, хоть кто-то, кто знал бы о тайне эмирских сокровищ? Калапуш ответил, что груз спрятан в надежном месте и ни одна живая душа, кроме него, не знает, где. Так что великий правитель Бухары может быть спокоен, тайна будет сохранена. Тайна при нем, Калапуше, а он тень эмира.

В ту же ночь эмир повелел умертвить Калапуша. Через два дня эмир Бухары Саид Алимхан со своими приближенными в сопровождении Топчибаши Низаметдина бежал из Бухары и достиг округи Байсуна. Но по дороге случилось так, что лошадь под Низаметдином вдруг споткнулась, а сам всадник рухнул на дорогу с простреленной грудью. Кто и откуда стрелял, Топчибаши так и не узнал. Оборвалась еще одна жизнь в цепочке, имевшей касательство к каравану, к тем, кто его сопровождал, к тем, кто их уничтожал, и к тем, кто уничтожал уничтожавших. Оборвалась цепочка, оборвалась нить, ведущая к тайне эмирского золота. Но был еще жив сам эмир.

В 1921 году бывший эмир Бухары Саид Алимхан с небольшим отрядом пересек границу Афганистана и покинул пределы эмирата. С ним не было золотоносного каравана. Он уводил с собой всего двух тяжело груженных лошадей, среди поклажи которых было несколько хурджинов с драгоценностями и слитками золота. Вот все, что увез эмир Бухары с собой за границу. А ноша золотого каравана, который вели дервиш Даврон и телохранитель Калапуш, осталась захороненной далеко в горах между Шахрисабзом, Якабагом и Байсуном. Горный хребет, отроги Памира хранят эту тайну. Может статься и так, что дервиш Даврон за те двое суток, что были в его распоряжении, спрятал сокровище и не в том каньоне, о котором знал Калапуш,— это неизвестно.

Подробностей дальнейших событий вокруг сокровищ эмира не может рассказать никто. Но доподлинно известно, что были предприняты поиски клада эмира. Кто-то упорно искал это золото, потому что в двадцатые годы стали один за другим погибать и исчезать родственники дервиша Даврона, его братья и сестры, его дальняя родня, люди, с которыми дервиш был близок. Ибо те, кто искал золото эмира, полагали, что дервиш Даврон мог успеть кому-то сообщить о местонахождении тайника с кладом. Затем стали погибать родственники тех дервишей, которые сопровождали Даврона. Появились слухи о гибели родни Калапуша, вырезана была вся его семья, весь кишлак, в котором он жил. Но никто доподлинно не знает, удалось ли убийцам добраться до тайны золота. Ясно одно: все те, кто прикасался к этой тайне, кто знал о ней что-либо, кто стоял на пути искателей клада, погибли или пропали без вести. Длинен список жертв золотоносного каравана. О золоте помнил эмир, догадывались его придворные, и это золото не давало людям покоя.

Видимо, бывший эмир Бухары не раз посылал своих приближенных через границу, чтобы они проникли на территорию Узбекистана в районе Кашкадарьи или Сурхандарьи. Он, вероятно, указывал места, где могло находиться сокровище, спрятанное по его повелению. Такие отряды воинов появлялись с берега Амударьи, принадлежащего Афганистану. В двадцатые – тридцатые годы почти ежемесячно этим тайным путем проходили группы людей и пробирались в горы. Но происходили странные вещи: полностью исчезали группы искателей эмирского золота, а затем гибли родственники этих людей. И опять тайна, как говорится, покрывалась мраком, и эта черная мрачная тайна нависала над золотом.

В 1930 году через границу Афганистана перешел Ибрагимбек, возглавлявший отряд в пятьсот сабель. Не исключено, что этот любимчик эмира получил задание вывезти с территории Советской республики сокровища Саида Алимхана. Но Ибрагимбека постигла же участь, что и многих других разбойников. Он не успел переправиться через Кафирниган, был задержан и арестован. В плен попала вся его банда. Как ярый враг Советской власти, Ибрагимбек был приговорен к смертной казни, и приговор в 1931 году был приведен в исполнение. Это и был, видимо, последний человек, знавший ту тайну, которую, думается, все же кто-нибудь когда-нибудь разгадает.

Но все еще оставался в живых эмир Бухары. Он, видимо, денно и нощно помнил о своем сокровище. Вновь и вновь обдумывал он, как заслать своих людей на поиски золота. Но граница Советской державы после тридцатого года была уже на крепком замке. И перейти эту границу почти никому не удавалось.

Бывший эмир Бухары умер 5 мая 1943 года. И вместе с ним сошла в могилу тайна золотого каравана.

Тайна золотого клада — это лишь повод, чтобы рассказать об отношении человека к золоту, к своей судьбе и к судьбе чужой. Речь шла о том, чтобы показать, что стоит большего: человек или золото? В этой истории дороже стоило золото. А что будет стоить человек, покажет будущее.

Один человек пришел в аптеку и спрашивает: — Что у вас есть от моли?

Ему предложили шарики нафталина.

Посетитель купил коробочку и ушел домой. На другой день он пришел в аптеку и попросил продать ему сто коробок.

— Зачем вам так много?

— А я бросаю шарики в моль, но не всегда попадаю.

— Рабинович, почему у вас такой изможденный вид? На вас лица нет.

— Да понимаете, пришел на ипподром, полно народу, у меня развязался шнурок на ботинке. Я нагнулся, чтобы его завязать, и вдруг кто-то положил мне на спину седло.

— Ну и что?

— Пришел третьим.

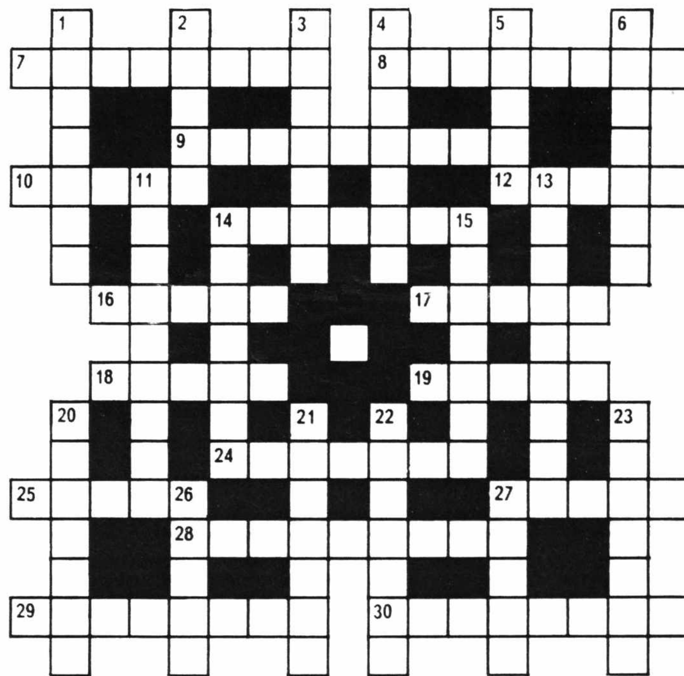
Один англичанин все время проигрывал деньги на скачках. И однажды он наконец понял, что нужно сделать, чтобы взять крупный выигрыш. Он не играл шесть лет. За шесть лет он скопил шесть тысяч фунтов стерлингов. И через шесть лет шестого числа, шестого месяца, в день больших скачек в Лондоне, он встал в шесть часов утра, специально вызвал такси с номером 66-66, приехал на ипподром, дал шесть шиллингов на чай таксисту, пошел в шестую кассу и все шесть тысяч стерлингов поставил на шестой заезд на шестую лошадь.

И лошадь пришла шестой.

Пожарник держит экзамен в музыкальную школу. Его спрашивают:

— Какая разница между скрипкой и роялем?

Пожарник, подумав: — Рояль дольше горит.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Смелое стремление к благородному, высокому. 8. Декоративное травянистое растение. 9. Низкий широкий ящик для детских игр. 10. Повесть А. П. Гайдара. 12. Вид ювелирной техники. 14. Пороховой заряд для звуковых эффектов при фейерверке. 16. Лейтенант Советской Армии, участник движения Сопротивления, Герой Советского Союза и национальный герой Франции. 17. Пасущийся вместе скот. 18. Время уборки сена. 19. Разновидность агата. 24. Изречение. 25. Роман Г. Е. Николаевой. 27. Зерноочистительная машина. 28. Расстояние в спортивном беге. 29. Зодиакальное созвездие. 30. Советский химик-органик, академик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Духовой музыкальный инструмент, разновидность тубы. 2. Осветительная аппаратура по переднему краю сцены. 3. Лабораторный сосуд. 4. Работник животноводства. 5. Народный поэт Белоруссии. 6. Полчаса времени у моряков. 11. Всесоюзное спортивное общество. 13. Станочное приспособление для направления режущего инструмента. 14. Вселенная, органический и неорганический мир. 15. Слово, противоположное по значению другому слову. 20. Вид изобразительного искусства. 21. Верхняя часть дыхательной системы. 22. Одно из направлений кибернетики. 23. Часть речи, служебное слово. 26. Ревностный приверженец учения, идеи. 27. Город в Закарпатской области.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Мармелад. 8. Шпангоут. 9. Прерогатива. 12. «Баядера». 13. Вакцина. 14. Створ. 15. Песня. 17. Анива. 19. Рюген. 21. Сойка. 22. «Алеко». 26. Корнель. 27. Уругвай. 28. Конкуренция. 31. Аквапанг. 32. Озонатор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ландшафт. 2. Алгебра. 3. Ядро. 4. Ушба. 5. Капитан. 6. Тургенев. 9. Подсолнечник. 10. Гроссмейстер. 11. Акцентология. 14. «Спор». 15. Плёс. 16. Яшма. 18. Арно. 20. Юмореска. 23. Крамской. 24. Плантаж. 25. Процион. 29. Унги. 30. Енот.

«СЕРВОИМПОРТ»

- СЕГОДНЯ ЭТО АВТОМОБИЛИ НАИБОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫХ И ПРЕСТИЖНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА СОВЕТСКОМ РЫНКЕ:

-ВОЛЬВО

-ОПЕЛЬ

-СИТРОЕН

Мы гарантируем Вам оптимальные варианты покупки с нашего Консигнационного склада.

ВАШИ МАШИНЫ ЖДУТ ВАС!

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕНЫ!

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕРВИС!

ЕВРОПЕЙСКОЕ КАЧЕСТВО!

Оплата только в СКВ.

Те, кто не обладает конвертируемой валютой, не огорчайтесь.

ДЛЯ **ВАС** ЗА РУБЛИ:

- **телефонные аппараты**
- **телефаксы и бумага к ним**
- **бухгалтерские калькуляторы,**

а также телевизоры и двухкассетные магнитофоны ведущих производителей мира.

Наши телефоны: 963-23-13, 963-24-22.

1 руб. Индекс 70663